ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ.

(Выдержки изъ автобіографическихъ замѣтокъ).

I.

Значеніе сороковыхъ годовъ.—Мои записки и воспоминанія.—Различіе первыхъ и послѣднихъ годовъ пятаго десятилѣтія XIX вѣка.—XI выпускъ лицея.—Канцелярія военнаго министерства.—Баронъ Вревскій.—Ротное ученье на французскомъ языкѣ.—Секретныя и кавказскія дѣла.—Перемѣны на Кавказѣ и въ канцеляріи.—Клейнмихель и Брискорнъ.—Типы чиновниковъ.—Д'Андре и его помощникъ.—Ссыльные въ Сибирь и заключенные въ Шлюссельбургской и Петропавловской крѣпости.—Секретные расходы.—Чернышевъ и Уваровъ.—Популярность Перовскаго.—Апатія общества.—А то такъ и не надо.—Новый директоръ канцеляріи.—Исторія одного секретаря.—Приготовленія къ экспедиціи въ Сербію.—Мундтъ и Позенъ.—Успѣхи Шамиля.—Послѣдній Хеакъ.—Мои театральные дебюты.

СОРОКОВЫЕ годы играли важную роль въ исторіи русской культуры — это давно признано писателями всѣхъ направленій. Шестидесятые годы имѣли больше вліяніе на развитіе общества, но въ литературѣ, за немногими исключеніями, оставили гораздо менѣе глубокіе слѣды. Всѣ болѣе или менѣе крупные дѣятели послѣпушкинской эпохи родились въ двадцатыхъ годахъ и въ сороковыхъ начали свое поприще большею частью блестящими дебютами. Движеніе началось въ Москвѣ, въ кружкѣ Аксаковыхъ, Герцена, Грановскаго, но, съ основаніемъ «Отечественныхъ Записокъ», перешло въ Петербургъ, гдѣ уже одной колоссальной фигуры Бѣлинскаго достаточно было, чтобы наполнить собою все десятилѣтіе. Исторія его

составитъ любопытныя страницы въ хроникѣ нашего умственнаго, эстетическаго и общественнаго развитія, но не смотря на то, что мы вступаемъ уже во вторую половину столѣтія съ той эпохи, она все еще близка къ намъ и мы не имѣемъ возможности говорить объ ней все, что знаемъ. Многіе изъ лицъ, начавшихъ въ то время свою дѣятельность на разныхъ поприщахъ служенія обществу, продолжаютъ ее и теперь, и людямъ сороковыхъ годовъ остается пока собирать матеріалы и отдѣльные эпизоды для будущихъ историковъ той эпохи. Нѣкоторыя черты ея, хотя бы не крупныя, но имѣющія значеніе въ общей картинѣ эпохи, въ ея характеристикѣ, я хочу передать по моимъ воспоминаніямъ и запискамъ того времени. Автобіографическія замѣтки часто появляются въ нашихъ журналахъ—значитъ интересуютъ публику. Какъ коренной петербуржецъ, родившійся и надѣющійся умереть въ Петербургѣ, я оставлялъ его только на короткое время и слѣдилъ за его общественной жизнью въ теченіе полувѣка; поэтому я буду говорить только о Петербургѣ, гдѣ все-таки центръ умственной жизни Россіи, хотя иные утверждаютъ, что онъ не знаетъ ея. Но одно развитіе здѣшней журналистики, притягивающей къ себѣ не однѣ столичныя, но и лучшія провинціальныя силы, доказываетъ несправедливость этого мнѣнія. Какъ старый, хотя и не крупный работникъ на журнальномъ поприщѣ, я встрѣчался на немъ съ личностями, замѣчательными по многимъ отношеніямъ, и сохранить для потомства черты ихъ кажется мнѣ не безъинтереснымъ. Къ сожалѣнію, при этомъ приходится говорить о самомъ себѣ—хотя это уже неизбѣжное неудобство всякихъ мемуаровъ и воспоминаній. Недостатокъ общаго интереса въ моихъ запискахъ выкупается ихъ правдивостью. Я могъ ошибаться въ своихъ убѣжденіяхъ, иногда и мѣнялъ ихъ съ теченіемъ времени, когда ближе узнавалъ лица и факты, или когда они сами измѣнялись. Но я не собиралъ ложныхъ слуховъ и сплетенъ и если осуждалъ кого-либо, то дѣлалъ это на основаніи убѣжденія. Мелкія характеристики у меня могутъ быть неполны, односторонни, но не пристрастны. Мелкіе факты объясняются вообще слабо развитыми общественными интересами того времени.

Начало сороковыхъ годовъ рѣзко отличается отъ конца ихъ. Когда, въ іюлѣ 1841 года, двадцать восемь вышедшихъ изъ стѣнъ закрытаго заведенія молодыхъ людей вступили со школьной скамьи въ общественную жизнь, передъ ними открывалось широкое поприще самой разнообразной дѣятельности. Собственно насъ готовили въ чиновники, какъ и во всѣхъ гражданскихъ заведеніяхъ николаевскаго времени, но за ревностное служеніе отечеству принялись не всѣ изъ насъ и не вдругъ. Бо́льшая часть разъѣхалась по провинціи, къ роднымъ, отдохнуть отъ экзаменовъ, продолжавшихся почти мѣсяцъ. Въ столицѣ изъ всего курса осталось чело-

вѣкъ десять. Лѣтомъ мы продолжали часто видѣться другъ съ другомъ, по осени разбрелись по разнымъ департаментамъ и канцеляріямъ. У отца былъ хорошій знакомый, Брискорнъ, директоръ канцеляріи военнаго министерства, онъ предложилъ взять меня къ себѣ на службу. Мнѣ было все равно, гдѣ ни числиться—о томъ, чтобы не служить вовсе, никто, въ то время, не могъ и подумать. Приходилось, только-что снявъ куртку и мундиръ съ краснымъ воротникомъ, надѣвать сюртукъ съ такимъ же воротникомъ и свѣтлыми пуговицами и отправляться всякій день въ канцелярію отъ Большого театра въ домъ Лобанова, мимо церкви Исаакія, которая по словамъ пессимистовъ должна была вѣчно строиться, какъ теперь она вѣчно чинится. Служба была не тяжелая: собирались часу въ 12-мъ, уходили въ четвертомъ. Я былъ въ отдѣленіи, гдѣ сосредоточивались кавказскія и такъ называемыя секретныя дѣла, получались еженедѣльныя донесенія съ театра военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, составлялись, для представленія государю, ежемѣсячныя вѣдомости о декабристахъ, съ показаніемъ, гдѣ находится каждый изъ нихъ, чѣмъ занимается и т. п. Начальникомъ отдѣленія былъ полковникъ баронъ Павелъ Александровичъ Вревскій, блестящій, образованный аристократъ, объяснявшійся съ нами, молодыми чиновниками, большею частью по-французски. Дѣла у насъ было такъ немного, — мы составляли вчернѣ исходящія, переписываемыя писарями,—что Вревскій занималъ насъ работою, не входившею въ кругъ нашихъ обязанностей. Такъ мнѣ онъ поручилъ перевести для какого-то французскаго военнаго агента «уставъ о ротномъ ученьи» и я нѣсколько мѣсяцевъ провозился надъ этою совершенно не подходящею къ моимъ мирнымъ знаніямъ и наклонностямъ работою, усердно переводя въ мою «Ecole de peloton» техническіе термины ружейныхъ пріемовъ и ротныхъ построеній. Элегантный полковникъ очень извинялся, поручая мнѣ трудъ, «за который бы долженъ взяться офицеръ, но, къ сожалѣнію, наши офицеры, знающіе ротное ученье, плохо были знакомы съ изученіемъ французскаго языка, а въ лицеѣ этотъ языкъ въ такомъ же ходу, какъ и въ лучшемъ обществѣ». Къ тому же баронъ зналъ, что я занимаюсь литературою, а ротный уставъ принадлежитъ также къ литературѣ, хотя и военно-технической. Я долженъ былъ удовлетвориться этими резонами и перевелъ цѣлую книгу безъ особаго труда, скоро освоившись съ французскими выраженіями, отвѣчающими нашимъ терминамъ. Не знаю, что сдѣлалъ потомъ мой любезный начальникъ съ моимъ переводомъ, который можетъ быть былъ знакомъ и тому французскому начальнику, изъ чьего отряда, въ сраженіи при Черной рѣчкѣ, роковое ядро оторвало голову барону Вревскому. Но кто же могъ думать, въ началѣ сороковыхъ годовъ о томъ, что произойдетъ въ началѣ пятидесятыхъ?

Служебная карьера моя началась довольно удачно: въ 1842 году я былъ уже помощникомъ секретаря и получилъ награду къ святой. На слѣдующій годъ мнѣ однако ничего не дали: переводъ мой былъ уже конченъ, а Вревскому нужны были самому деньги для вояжа на Кавказъ, куда онъ отправился вмѣстѣ съ военнымъ министромъ Чернышевымъ, что-то обозрѣвать или провѣрять послѣ смѣны тамошняго главноначальствующаго Головнина Нейдгартомъ. Эта перемѣна отразилась и на канцеляріи. Управляющимъ министерствомъ на время отсутствія Чернышева былъ назначенъ Клейнмихель, уже и тогда имѣвшій большую силу. Само собою разумѣется, что вступивъ въ управленіе, онъ вездѣ, гдѣ только могъ, противорѣчилъ планамъ и распоряженіямъ Чернышева, путалъ дѣла, распоряжаясь всѣмъ самовольно, а главное внесъ въ сношенія съ подчиненными такіе грубые пріемы, какихъ никогда не позволялъ себѣ европейски образованный Чернышевъ. Клейнмихель, въ личныхъ объясненіяхъ съ сослуживцами, съ генералами равными ему чиномъ—конечно, не со всѣми, а съ зависѣвшими отъ него лицами, позволялъ себѣ рѣзкія выходки, называя ихъ солдатскою откровенностью, тогда какъ это была мужицкая грубость. Онъ не стѣснялся и на бумагѣ въ подобныхъ выраженіяхъ и одному изъ директоровъ департамента написалъ прямо, что чиновники его берутъ взятки. Нѣкоторые приказы его, гдѣ онъ съ армейскими остротами соединялъ турецкое правосудіе, ходили по городу, какъ драгоцѣнный памятникъ правительственнаго слога. Петербургъ сильно не долюбливалъ этого аракчеевскаго ставленника, но говорилъ, что онъ будетъ военнымъ министромъ. Слухамъ этимъ повѣрилъ директоръ его канцеляріи, перешелъ на сторону новаго фаворита и, чтобы подслужиться ему, началъ бранить Чернышева. Это былъ поступокъ необдуманный, на который могъ рѣшиться только пустой человѣкъ, какъ Брискорнъ, почти совсѣмъ не занимавшійся дѣлами и рѣдко бывавшій въ канцеляріи, куда по цѣлымъ мѣсяцамъ забывалъ даже передавать дѣла, требовавшія немедленнаго исполненія. Вечера онъ проводилъ за картами, ведя крупную игру. Понятно, что Чернышевъ, вернувшись съ Кавказа и узнавъ обо всемъ, уволилъ тотчасъ же своего директора въ отставку «по прошенію», но не предваривъ его объ этомъ. Это такъ поразило Брискорна, что онъ рѣшился подать просьбу, въ которой заявлялъ, что никогда не думалъ объ отставкѣ и не знаетъ за что уволенъ. Увольненіе все-таки состоялось, только Клейнмихель выхлопоталъ Брискорну другое мѣсто «съ сохраненіемъ всѣхъ окладовъ», единственный пунктъ, къ которому стремились чиновники во всѣ времена. Директоромъ канцеляріи назначенъ былъ Николай Николаевичъ Анненковъ, бывшій впослѣдствіи кіевскимъ генералъ-губернаторомъ.

За перемѣною начальства послѣдовала и смѣна нѣкоторыхъ мелкихъ подчиненныхъ. Мнѣ было больше всего жаль секретаря 2-го стола д'Андре. Новый директоръ призвалъ его и сказалъ: «я слышалъ, что вы хотите уходить отъ насъ. Подавайте же скорѣе въ отставку. У меня уже есть чиновникъ на ваше мѣсто. Въ короткое время вашей службы при мнѣ, я имѣлъ уже изъ-за васъ много непріятностей». Это была правда, но все-таки слѣдовало бы предупредить человѣка, а не подносить ему такіе экспромты. Д'Андре былъ изъ лицейскаго пансіона, очень образованъ, но чиновникъ плохой, не любилъ работать и всѣ дѣла исполняли два его помощника. Одинъ изъ нихъ Арг—еръ долженъ былъ также уйти вмѣстѣ съ д'Андре, угрюмымъ, неразговорчивымъ, охотникомъ покутить, но въ сущности добрымъ малымъ. Гораздо оригинальнѣе былъ этотъ Арг—еръ. Нѣкогда учитель русскаго языка, поступившій въ канцелярію по протекціи Брискорна, онъ въ ней почти ничего не дѣлалъ; его считали ниначто не способнымъ, хоть онъ былъ далеко не глупъ. Добрѣйшаго характера, онъ вскорѣ дошелъ до того, что вся канцелярія начала поступать съ нимъ, какъ съ игрушкой. Его толкали, дергали за волосы, дурачили, давали ему щелчки, выдергивали изъ-подъ него стулъ—и онъ сносилъ все съ величайшимъ хладнокровіемъ. Въ послѣднее время, видя что его выживаютъ, онъ вообразилъ себѣ, что это все происки его секретаря, началъ браниться съ нимъ, писать на него пасквили и, ослѣпленный ненавистью, сдѣлалъ даже нечестный поступокъ, едва ли не единственный въ его жизни, такъ какъ этотъ добрякъ былъ не способенъ сдѣлать сознательно гадкое дѣло. Д'Андре, не смотря на то, что былъ не красивъ, маленькаго роста и очень смуглъ, сватался за дочерью извѣстнаго богача Бер...., которому Арг—еръ послалъ анонимное письмо съ совѣтами не выдавать свою дочь за человѣка тутъ же описаннаго дурными красками. Узнавъ, что канцелярія негодуетъ за это письмо, бѣднякъ даже удивился, такъ какъ поступилъ дурно—просто по глупости. Вскорѣ послѣ этого онъ и исчезъ изъ канцеляріи. Изъ другихъ сослуживцевъ моихъ я ближе всѣхъ былъ съ моимъ товарищемъ по лицею, Андреемъ Николаевичемъ Кирилинымъ, бывшимъ потомъ въ военно-походной канцеляріи, изъѣздившимъ всю Европу въ свитѣ Николая I и Александра II и кончившимъ свое поприще директоромъ канцеляріи императорскаго двора. Изъ писателей въ канцеляріи служили—хотя не долго: Кульчицкій, рано умершій, даровитый беллетристъ, А. В. Дружининъ, М. Е. Салтыковъ, М. Н. Лонгиновъ и Д. И. Каменскій, переводчикъ байроновскаго «Сарданапала» и авторъ «Руководства къ цвѣтоводству», умершій членомъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

Дѣла у насъ, какъ я уже говорилъ, были очень интересные. Въ первомъ отдѣленіи сосредоточивались, кромѣ кавказскихъ—всѣ

дѣла бывшей секретной экспедиціи, всѣ преступленія государственныя и судимыя военнымъ судомъ. Наказанія за нихъ опредѣлялись самыя тяжкія. Тѣ, кто ссылались въ Сибирь, на каторгу, были гораздо счастливѣе тѣхъ, кто томился на Аландѣ, въ крѣпостныхъ арестантскихъ ротахъ, или сидѣли въ казематахъ петербургской и шлиссельбургской крѣпости. Незадолго до этого времени прислали въ Шлиссельбургъ на всю жизнь двухъ контролеровъ и одного счетчика польскаго банка, уличенныхъ въ подлогѣ при тиражѣ польскихъ облигацій. Преступленіе конечно важное, нарушающее народное довѣріе къ правительству и государственный кредитъ, но и наказаніе было тяжелое. Поляковъ увезли ночью изъ Варшавы, оторвавъ отъ ихъ семействъ; они просили позволенія написать къ женамъ и отцамъ, чтобы извѣстить родныхъ о постигшей ихъ участи и выпросить какое-нибудь облегченіе хоть въ матеріальномъ отношеніи—присылкою средствъ къ существованію. Но имъ было объявлено, чтобы они не смѣли просить ни о чемъ и что они «должны быть забыты». Тогдашнее правосудіе, наказавъ преступника, съ большимъ трудомъ и противъ своего желанія облегчало его наказаніе, а напротивъ иногда усиливало судебный приговоръ. Такъ въ то время, съ 1836 года, сидѣлъ въ петербургской крѣпости несчастный Павловъ, убившій Апрѣлева, хотя былъ осужденъ на ссылку въ Сибирь. Конечно, онъ лучше согласился бы копать тамъ руду, чѣмъ сидѣть здѣсь въ казематѣ.

Хотя въ канцеляріи преобладали дѣла о военныхъ людяхъ, но встрѣчались также и о статскихъ, даже о дамахъ. Такъ почти въ одно время съ выдачею двадцати тысячъ рублей на подъемъ Нейдгардту при его отправленіи на Кавказъ, получила тысячу рублей серебромъ дѣвица Тур—ая неизвѣстно за военныя или статскія услуги. (Съ 1842 года начали считать на серебро и цифра секретныхъ расходовъ по военному министерству за этотъ годъ—371,812 рублей съ копѣйками и 4,100 червонцевъ, не казалась вовсе огромною). Получилъ также пособіе для отправленія въ Парижъ одинъ изъ адъютантовъ Чернышева, по особенному случаю. Сестра его, проживъ нѣсколько лѣтъ, въ полномъ счастіи, которому всѣ завидовали, должна была отправиться путешествовать въ Италію, чтобы дать время поумолкнуть, въ Петербургѣ, уже слишкомъ распространившимся слухамъ о ея необыкновенномъ счастьи. Отъ перемѣны положенія, отъ разлуки съ родиной, отъ обманутыхъ ли надеждъ, или отъ извѣстія, что ея счастіе выпало на долю другой,—а можетъ быть и отъ всѣхъ этихъ причинъ вмѣстѣ,—только несчастная сошла съ ума и ее привезли въ Геную въ припадкахъ бѣшенства. По неимѣнію тамъ хорошихъ докторовъ, порѣшили свезти ее въ Парижъ. Братъ сталъ проситься туда же, чтобы повидаться съ сестрою. Его отпустили, хотя и неохотно, но дали ему черезъ Нес-

сельроде курьерское порученіе, чтобы въ Парижѣ не думали, что онъ пріѣхалъ туда по своей волѣ.

Чернышева вообще не любили, не только въ обществѣ, но и въ народѣ: въ Малороссіи его проклинали публично, за то что онъ отнялъ у народа даже человѣческія права. Общую нелюбовь раздѣлялъ съ нимъ и министръ просвѣщенія Уваровъ, гонитель мысли и науки. Своими крутыми мѣрами онъ достигалъ только того, что положеніе дѣлъ ухудшалось. Въ началѣ 1843 года, онъ уволилъ въ отставку одного дерптскаго профессора, вся вина котораго состояла только въ томъ, что по случаю его юбилея студенты поднесли ему серебряный кубокъ. Это несправедливое увольненіе заслуженнаго ученаго повело только къ тому, что четырнадцать его товарищей-профессоровъ также подали въ отставку. Это взволновало, впрочемъ, только интеллигентныя сферы и не касалось вовсе народа, о развитіи котораго и не помышляли въ николаевское время. Но народъ относился съ благодарностью и къ тѣмъ, кто заботился о его матеріальномъ благосостояніи. Такъ онъ очень любилъ министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго за то, что тотъ ввелъ таксу на говядину и, при продажѣ припасовъ, приказалъ взвѣшивать ихъ безъ бумаги. Конечно, эти нововведенія скоро же исчезли, такъ какъ борьба съ нашими торгашами очевидно намъ не подсилу и мы черезъ полстолѣтіе благополучно переплачиваемъ лишнія копѣйки за мясо, а при покупкѣ сахара головами, напримѣръ, платимъ за два фунта веревокъ и толстой синей бумаги столько же какъ и за сахаръ; но въ то время даже и кратковременная попытка хоть немного обуздать алчность нашего купечества дѣлала человѣка популярнымъ. Петербургъ былъ также благодаренъ Перовскому за то, что съ помощью Синицына онъ захватилъ въ городѣ огромную шайку воровъ и мошенниковъ, жившихъ обществомъ и имѣвшихъ свои законы, свой условный языкъ и своего начальника. Въ крѣпость посадили 84 человѣка. Само-собою разумѣется, что при тогдашнемъ, полномъ отсутствіи гласности, публика ничего не узнала ни о ходѣ, ни о результатахъ слѣдствія по дѣлу, которое, казалось бы, затрогивало ея интересы.

А впрочемъ и къ интересамъ своимъ она оставалась во всѣ времена достаточно равнодушна. И тогда уже говорили, что въ жизни нашей руководящую роль играютъ три завѣтныя слова: «авось, небось и какъ-нибудь». Мнѣ кажется, что забываютъ еще одно типическое выраженіе, играющее едва ли не бо́льшее значеніе въ жизни русскаго человѣка, очень скоро примиряющагося со всякою дѣйствительностью, какъ бы ни противорѣчила она его первоначальнымъ планамъ и надеждамъ. Это фраза: «а то такъ и не надо», выражающая полнѣйшую покорность судьбѣ и начальству. Въ моемъ дневникѣ записана слѣдующая просьба одного

купца къ полиціймейстеру: «Государь мой, господинъ полиціймейстеръ! Есть у меня слуга Петька, мужикъ хорошій, работящій, только цѣлый день лежитъ на печи и ничего не дѣлаетъ. Конечно, трудъ—дѣло доброе и хорошо, кто трудится,—ну, а то такъ и не надо. Когда я заставляю его работать, онъ работаетъ, ничего—хорошо, а то такъ и не надо. Теперь онъ захворалъ, здоровье воистину необходимо, а то такъ и не надо. Но дома я больного держать не могу и если онъ точно боленъ, что вамъ знать лучше—возьмите его пожалуста въ больницу—а то такъ и не надо». Конечно, это анекдотъ, но въ немъ заключается философія народнаго духа и характера. Хорошо, когда жизнь наша идетъ свѣтло и гладко, какъ зерно по бархату—а то такъ и ненадо. Вотъ какой-то Громницкій застрѣлился Богъ весь изъ-за чего. Вотъ покончили съ жизнью двое родственниковъ: она замужняя женщина, выданная замужъ насильно, онъ ея двоюродный братъ; они любили другъ друга, но не могли соединиться. Тогда она ушла отъ мужа и братъ застрѣлилъ сначала ее, потомъ себя. Подобные случаи повторяются въ теченіе полувѣка и до нашего времени.

Новый директоръ канцеляріи былъ человѣкъ вполнѣ дѣловой и дѣятельный, хотя и не выходилъ изъ уровня общаго типа высшихъ чиновниковъ николаевскаго времени. Принадлежа къ высшему кругу, онъ довольно хорошо говорилъ по-французски, иногда дѣлалъ замѣчанія остроумныя и деликатныя, а въ другое время отпускалъ армейскія остроты и даже грубости, то не обращалъ вниманія на застегиванія крючковъ и пуговицъ, то привязывался къ пустымъ мелочамъ. Въ бумагахъ, поправлялъ слово сверхъ, и приказывалъ писать сверьхъ. Канцелярскія дѣла велъ съ умомъ и толкомъ, но иногда выкидывалъ странныя колѣнца. Получивъ донесеніе изъ Берлина о какой-то перемѣнѣ въ обмундировкѣ одного прусскаго полка и не понявъ какого-то термина нѣмецкаго портняжнаго искусства, онъ вздумалъ послать фельдъегеря съ приказаніемъ привезти въ канцелярію нѣмецкаго портного для объясненій. Фельдъегерь объѣхалъ нѣсколько портныхъ и вернулся съ извѣстіемъ, что всѣ они больны и не могутъ оставить свое дѣло, а одинъ прямо объявилъ, что боится ѣхать, потому что его могутъ отправить съ фельдъегеремъ прямо въ Сибирь. Въ маѣ 1843 года въ канцеляріи прибавилось новое, четвертое отдѣленіе и начальникомъ его сдѣланъ Устряловъ, братъ историка. Вышли въ отставку другой начальникъ отдѣленія фон-Дервизъ и секретарь Ав—овъ. Послѣдній былъ маленькій, рябенькій, вертлявый, неказистый человѣчекъ, немножко грязненькій и достаточно смѣшной, типъ мелкаго чиновничества, покорный, скромный, молчаливый, работящій и пустой. Отличительное его качество, за которое ему больше всего доставалось, была—разсѣянность. За нее ему дѣлали часто выговоры, но онъ приглаживалъ свои рѣдкіе, бѣлесовато-рыженькіе во-

лосы, грызъ ногти и отмалчивался. Онъ былъ, впрочемъ, добрый человѣкъ, готовый оказать услугу безъ корыстныхъ видовъ. Въ канцеляріи любили его, хоть и смѣялись надъ нимъ. Онъ былъ изъ купеческаго званія и, получивъ къ святой Станислава, дававшаго тогда дворянство, былъ внѣ себя отъ восторга и, должно быть изъ благодарности, низачто не хотѣлъ оставить благодѣтельной канцеляріи, дающей такія блистательныя награды. Только предложеніе лучшаго мѣста у Перовскаго заставило его подать въ отставку. Вмѣсто него секретаремъ вступилъ Александръ Карловичъ Баумгартенъ, прекрасный человѣкъ, съ которымъ я близко сошелся.

Въ то же время канцелярія была завалена работою по случаю приготовленій къ экспедиціи въ Сербію, гдѣ возникли безпорядки при избраніи князя. Три недѣли, днемъ и вечеромъ, два начальника отдѣленія, Петровъ и Вольфъ, сидѣли за бумагами, писали приказанія для сформированія 24-хъ-тысячнаго отряда, но потомъ было приказано остановить всѣ приготовленія. Зачѣмъ собирались, почему отказались? никто тогда объ этомъ и не спрашивалъ. Политикою въ то время не занимались не только публика, но и тотъ кто близко стоялъ къ ней. Все вѣдало, обо всемъ заботилось одно высшее начальство. Полковникъ генеральнаго штаба Вольфъ былъ одно время моимъ прямымъ начальникомъ, за отсутствіемъ Вревскаго. Это былъ очень деликатный и образованный человѣкъ, любимецъ министра и большой театралъ. Не таковъ былъ Шау—съ, бывшій начальникъ секретной экспедиціи. Съ непривлекательной наружностью онъ соединялъ еще болѣе непріятное обращеніе. Любя задавать тонъ, онъ въ бумагахъ старательно исправлялъ то, что вовсе не требовало никакихъ поправокъ. Почти всѣ въ канцеляріи имѣли съ нимъ непріятныя столкновенія, а я съ первыхъ словъ разошелся съ нимъ и даже пересталъ кланяться, приходя въ должность раза два въ недѣлю, пока онъ временно завѣдывалъ отдѣленіемъ. Николай Петровичъ Мундтъ, бывшій переводчикомъ при театрѣ и товарищъ моего отца, перейдя къ намъ въ канцелярію вскорѣ же такъ поссорился съ Шау—сомъ, что вышелъ отъ насъ и поступилъ къ генералу криг-комисару Храпачеву, даже противъ его воли, но потому, что такъ было угодно Позену. Этотъ временщикъ, еврейскаго происхожденія, былъ въ то время въ большой силѣ въ военномъ вѣдомствѣ и въ высшихъ сферахъ. Выйдя въ люди изъ ничтожества, онъ быстро сдѣлался почти всевластнымъ лицомъ въ администраціи—зачто и почему? этого никто не зналъ. Награды, раздаваемыя имъ своимъ приверженцамъ, были баснословны. Онъ давалъ блестящіе вечера и обѣды, любилъ, чтобы у него было много народа, чтобы объ немъ всѣ говорили. Я былъ у него на двухъ вечерахъ, но съ перваго же визита и онъ самъ и его семейство, состоявшее изъ глухой жены, бывшей его экономки, и двухъ некрасивыхъ дочерей—такъ мнѣ не понравились, что я

прекратилъ съ ними знакомство, хотя оно могло быть мнѣ очень полезно по службѣ. Мундтъ потому и сдѣланъ былъ правителемъ канцеляріи Храпачева и пошелъ дальше, что былъ поклонникомъ и прихлебателемъ Позена.

Къ обязанностямъ помощниковъ секретарей и чиновниковъ, прикомандированныхъ къ канцеляріи, принадлежало дежурство. Раза два въ мѣсяцъ приходилось проводить въ ней весь день до другого утра. Это, впрочемъ, соблюдалось не строго, и обыкновенно дежурный, заглянувъ подвечеръ въ канцелярію и, посидѣвъ тамъ съ часокъ, благополучно отправлялся, куда ему было надобно. Я обыкновенно уходилъ въ театръ, но иногда и оставался читать интересовавшія меня кавказскія дѣла, непринадлежавшія къ моему столу. Въ 1843 году дѣла эти были далеко не въ блестящемъ положеніи. Шамиль взбунтовалъ всю Аварію и перерѣзалъ множество народа, не признававшаго его власть. Онъ занялъ всѣ аварскія укрѣпленія, кромѣ Хунзака, гдѣ заперся генералъ Клюки фон-Клюгенау, отрѣзанный отъ всякой помощи. Горцы вторгались даже въ чисто русскія области: въ октябрѣ они захватили въ плѣнъ адъютанта Нейдгарта, Глѣбова, на большой дорогѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ставрополя. Въ стычкахъ съ горцами погибло много нашихъ, особенно молодыхъ офицеровъ, присланныхъ изъ разныхъ полковъ. Всѣ наши укрѣпленія въ Аваріи и Дагестанѣ были взяты или разрушены. Весь правый флангъ поднялся и въ нашей власти остались только обѣ Кабарды. Лѣвый флангъ и Черноморію также охватило волненіе. Клюки фон-Клюгенау погубилъ даромъ массу войска. Нейдгардтъ потребовалъ его въ Тифлисъ. Шестой пѣхотный корпусъ былъ назначенъ на Кавказъ. Съ этимъ корпусомъ, число войскъ на Кавказѣ дошло до 80 тысячъ.

Знакомство мое съ Кавказомъ дало мнѣ поводъ написать поэму изъ его недавняго быта. Написавъ ее недѣли въ двѣ, я издалъ ее въ маѣ 1842 года. Основою ея послужила печальная судьба одного горскаго племени хеаковъ, отрасли Адиге, существовавшаго около полутораста лѣтъ, но истребленнаго въ концѣ тридцатыхъ годовъ чумою, занесенною изъ Анапы, и набѣгами шапсуговъ. Хеаки занимали земли на сѣверъ отъ Доба, гдѣ было Кабардинское укрѣпленіе и жили отъ Цемеса до Кубани, селясь преимущественно по рѣчкамъ Мескагѣ и Анапка. Они явились въ этой странѣ послѣ генуэзцевъ и признавали князьями предковъ Сефиръ-бея-зан-Оглу. Ихъ обратили въ рабство болѣе сильные и многочисленные ихъ сосѣди—натухайцы и шапсуги. Исторію, конечно вымышленную, послѣдняго представителя племени хеаковъ я разсказалъ въ своей поэмѣ, прошедшей незамѣтною и разошедшеюся всего въ сотнѣ экземпляровъ. Только Сенковскій, въ своей «Библіотекѣ для Чтенія», нашелъ, что я достойный и прямой преемникъ Лермонтова. Не любя нашего великаго поэта, онъ радъ былъ случаю сравнить

съ его безсмертными произведеніями очень слабую поэму, въ которой только вѣрно изображены нравы и своеобразный бытъ двухъ горскихъ племенъ, хищныхъ и воинственныхъ враговъ Россіи, исповѣдующихъ странную вѣру—смѣсь язычества съ христіанствомъ, не признающихъ никакихъ обрядовъ и поклоняющихся Богородицѣ (Мерьем-Анши). Обрядъ ихъ богослуженія, подробно описанный въ началѣ поэмы, едва не подвергся исключенію: цензура находила неприличнымъ описаніе этого обряда и искаженіе имени Богородицы. По счастью цензоромъ поэмы былъ Петръ Александровичъ Корсаковъ, человѣкъ умный, и отстоялъ въ комитетѣ эту главу. Изъ этой поэмы я составилъ въ томъ же году либрето оперы, которую хотѣлъ написать небездарный музыкантъ Ушаковъ, братъ смазливенькой хоть и плохой танцорки, пользовавшейся одно время вниманіемъ театраловъ. Какъ большинство русскихъ людей, Ушаковъ съ жаромъ принялся за работу, быстро написалъ три очень недурныхъ нумера, но потомъ охладѣлъ къ ней, забросилъ, взялся за что̀-то другое и умеръ, ничего не окончивъ и не сдѣлавъ.

Въ ряду сороковыхъ годовъ 1843-й былъ типичнѣе другихъ и потому я дольше остановлюсь на немъ и отчасти на 1844-мъ, прежде чѣмъ перейти къ послѣднимъ годамъ этого десятилѣтія, такъ рѣзко отличающимся отъ его начала. При соблюденіи хронологическаго порядка въ замѣткахъ придется по временамъ повторяться, но это уже неизбѣжное неудобство всѣхъ мемуаровъ. О своихъ произведеніяхъ постараюсь говорить словами другихъ. Вотъ что отмѣтилъ А. И. Вольфъ, въ своей «Хроникѣ петербургскихъ театровъ», начиная обзоръ сезона 1842—1843 года: «Къ небольшому кружку присяжныхъ театральныхъ тружениковъ присоединился въ 1842 году В. Р. Зотовъ, только-что вышедшій изъ лицея. Дебютировалъ онъ «Святославомъ», историческою драмою въ стихахъ. Драма выдержала только два представленія, хотя отличалась исторической правдой и звучными стихами. Слѣдующія произведенія В. Зотова, какъ оригинальныя такъ и переводныя «Наука и женщина», «Король Энціо», «Учитель», «Первый дебютъ»—удались гораздо лучше перваго. Въ «Учителѣ» главное лицо—молодой человѣкъ, попавшій прямо со школьной скамейки въ провинціальный омутъ, было удачно снято съ натуры и пьеса имѣла бы конечно еще большій успѣхъ, еслибы не страдала вялостью дѣйствія». Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ почтеннаго хроникера нашей сцены и хотя написалъ для нея, въ короткое время, болѣе сорока пьесъ, но непридавалъ имъ большого значенія и, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, совсѣмъ отказался отъ драматическаго поприща, на которомъ работалъ больше изъ любезности, по знакомству съ артистами, въ бенефисы которыхъ шли почти всѣ мои произведенія. Потомъ они дѣлались собственностью дирекціи, а я получалъ за нихъ въ вознагражденіе, отъ актрисъ—сладкія улыбки, отъ актеровъ—була-

вочки въ галстукъ или предложеніе поужинать въ модномъ ресторанѣ. Подобныя предложенія дѣлались особенно охотно, такъ какъ всѣ знали, что я никогда не принимаю ихъ, не умѣя пить и кутить. Григорьевъ 1-й, которому я написалъ въ бенефисъ «Жизнь Мольера» такъ и умеръ, продолжая въ теченіе 5-ти-6-ти лѣтъ спрашивать при встрѣчѣ со мною: «а когда же мы съ вами поужинаемъ у Беранже?» (ресторанъ у Полицейскаго моста). Такъ и остался за нимъ этотъ ужинъ—до новой встрѣчи на томъ свѣтѣ.

II.

Театралы.—Смерть Головина.—Балетныя корифейки.—Андреянова и Смирнова.—Люсиль Гранъ.—Значеніе балета.—Александрінскій театръ.—Режисеръ Куликовъ и его эпиграмы.—Семейство Самойловыхъ.—Равнодушіе публики къ Гоголю и Глинкѣ.—Русская опера.—Французскій и нѣмецкій театры.—Нѣмецкая опера.—Театральная цензура.—Магнитическіе сеансы и лекціи Лемольта.—Рубини и итальянская опера.—Рубинштейнъ и Листъ.—Бросаніе цвѣтовъ.—Театральная школа и генералъ Дубельтъ.—Комета 1843 года.—Генералъ Головачевъ.—Цензурный проектъ Михайловскаго-Данилевскаго.—Строгость Александра I и довѣрчивость Николая I.—«Булочная» и фельетонистъ «Русскаго Инвалида».—Волконскій и Кавелинъ.—Общественные толки при отсутствіи гласности.—Революція въ Греціи.—Европа въ 1843 году.

Въ молодые годы я былъ страстный театралъ, и почти всякій вечеръ проводилъ въ театрахъ. Тогда, впрочемъ, театралами называли собственно поклонниковъ балета, величаемыхъ нынче балетоманами; я чаще всего посѣщалъ оперу, русскіе, французскіе, нѣмецкіе спектакли, а балетъ смотрѣлъ потому, что его давали тогда и послѣ оперы. Но хорошенькія танцорки производили и на меня впечатлѣніе и я воспѣлъ Сысоеву, Рюхину, Горину и особенно Колосову въ юмористическомъ стихотвореніи «Театралъ», изданномъ отдѣльной книжечкой съ прекрасными рисунками Тимма. Тамъ было и нѣсколько портретовъ тогдашнихъ театраловъ, участь которыхъ не всегда была пріятна и завидна. Такъ, въ началѣ 1843 года, умеръ одинъ изъ самыхъ рьяныхъ посѣтителей балета, двадцатилѣтній Головинъ. Онъ былъ влюбленъ въ танцорку Ду—ну, бывшую еще воспитанницей театральной школы. Онъ провожалъ ее всякій разъ послѣ спектакля и она сама начала кокетничать съ нимъ, дѣлая ему глазки со сцены, пока за ней еще никто не ухаживалъ. Когда же у нея объявился богатый и важный поклонникъ, она откровенно сказала Головину, чтобы онъ оставилъ ее въ покоѣ. Когда же онъ началъ описывать ей всѣ мученія отвергнутой любви, расчетливая дѣвица просто отправила его къ чорту. Сцена эта происходила послѣ спектакля, у театраль-

наго подъѣзда, когда карета воспитанницъ готова была отвезти ихъ въ школу. Головинъ вцѣпился въ окно кареты и его съ трудомъ могли оттащить. Въ ту же ночь онъ слегъ въ постель, прохворалъ два мѣсяца и умеръ, какъ говорятъ, отъ аневризма. Хоронили его въ одинъ день съ митрополитомъ Серафимомъ, но въ то время, когда Невская лавра ломилась отъ народа, Головина провожало на Волково человѣкъ 12 молодежи. Шли мы за гробомъ вовсе не въ печальномъ настроеніи: однимъ театраломъ стало меньше—явятся другіе! Сначала шли разговоры о случаяхъ, подходящихъ къ настоящему. Я припомнилъ о судьбѣ молодого герцога Бомонъ, умершаго отъ любви къ пѣвицѣ Мире и о появленіи на его великолѣпномъ памятникѣ, на кладбищѣ отца-Лашеза, шести нотъ: la, mi, re, la, mi, la, надъ которыми долго ломали голову, пока не разгадали, что они означаютъ: La Miré l'a mis là. Потомъ начали говорить уже не о смерти, а о театрѣ и, больше всего, о балетѣ и танцоркахъ, спорили о достоинствахъ Андреяновой и Никитиной, наконецъ стали хохотать надъ моими замѣчаніями о Шлефохтъ, Миловой и Гравертъ. Первая является всегда передъ публикой съ приторной гримасой. Государь какъ-то замѣтилъ, что у нея—милая улыбка и Шлефохтъ съ тѣхъ поръ носитъ ее постоянно и никогда не снимаетъ. Что же касается до двухъ остальныхъ танцорокъ, то ноги Гравертъ и руки Миловой до того похожи между собою, что если Гравертъ будетъ танцовать на рукахъ Миловой, а Милова подниметъ къ небу ноги Гравертъ, то никто этого и не замѣтитъ. Кто-то нашелъ, что подобныя бесѣды не ведутся у гроба и свѣжей могилы, но большинство рѣшило, что театралу и мертвому пріятны разговоры о театрѣ.

Корифейки того времени не отличались красотою и что всего страннѣе, многія изъ нихъ были очень похожи другъ на друга, точно были вылиты по одной формѣ; такое сходство встрѣчалось прежде у солдатъ одного набора и одной роты. Лица Яковлевой, Шлефохтъ, Костиной, Даниловой, Миловой, Коростинской 2-й были чисто русскія: пухленькія, свѣженькія, полненькія, курносенькія, при видѣ которыхъ приходила охота взять ихъ за щечки какъ ребятъ. Танцовали онѣ пожалуй и не дурно, но безжизненно, автоматически, движеніями напоминали маріонетокъ. Изъ первыхъ балеринъ, у Андреяновой носъ былъ такъ длиненъ, что поднявши ногу, она боялась всегда задѣть за него. Смирнова танцовала съ такимъ сердитымъ видомъ, что хотѣлось сказать ей:—«возьми хоть еще полтора рубля за кресло, только пожалуйста не сердись». У Андреяновой и вообще была такая непривлекательная наружность, что положительно становилось непонятнымъ, чѣмъ она могла плѣнить Гедеонова. М. Л. Неваховичъ постоянно рисовалъ ее въ своемъ «Ералашѣ» даже не въ карикатурѣ. На одномъ рисункѣ она изображена передъ прилавкомъ моднаго магазина.—«Покажите ма-

теріи, которыя были бы мнѣ къ лицу», — говоритъ она. — «Извините-съ, такихъ еще не привезли!»—отвѣчаетъ приказчикъ съ выпученными глазами.

30 января, дебютировала въ балетѣ «Жизель» хореграфическая знаменитость, Люсиль Гранъ, замѣнившая Тальони, съ которою Петербургъ простился на масляницѣ 1842 года. Дебютантка не произвела особеннаго впечатлѣнія, хотя была хорошая танцорка. Но замѣнить Тальони было не легко и второстепенная балерина не могла увлечь нашу публику. Вмѣстѣ съ Гранъ явился къ намъ изъ Гамбурга Бергъ со своимъ звѣринцемъ и георамой; послѣдняя, впрочемъ, скоро закрылась, такъ какъ была не панорамой земли, а простымъ собраніемъ ландкартъ, за созерцаніе которыхъ не находилось охотниковъ вносить 30 коп. серебромъ. Страсть къ увеселеніямъ и зрѣлищамъ была и тогда, какъ теперь, очень велика въ Петербургѣ, но въ то время онъ не зналъ еще прелестей оперетки и шансонетки, еще не достигшей и въ Парижѣ своего развитія.

Заговоривъ о балетѣ, я скажу нѣсколько словъ объ этомъ родѣ зрѣлищъ, чтобы потомъ не возвращаться къ нему. Гранъ, протанцовавъ три мѣсяца въ Петербургѣ, оставила его незамѣтно, не простившись съ публикой, принявшей ее довольно холодно. А между тѣмъ это была танцорка хорошей школы, въ ней было много искусства, чистоты, отчетливости, но нѣкоторые рѣзкіе жесты и позы разрушали всякое очарованіе. У нея были большіе выразительные глаза, но вообще суховатая фигура съ некрасивыми ногами и безконечными руками была непривлекательна. Она танцовала здѣсь «Сильфиду», «Герту», «Тѣнь» и Елену въ «Робертѣ», но ни въ одной изъ этихъ ролей не понравилась. По ея отъѣздѣ, Андреянова вздумала съиграть «Жизель»; въ ней были и страсть, и увлеченіе вовсе ненужныя въ этой роли; движенія были неловки, рѣзки, угловаты: въ танцахъ у нея не было ни крѣпости въ ногахъ («стального носка», какъ выражаются теперь), ни апломба, ни пируета, ни рон-де-жамба и эти недостатки не выкупались смѣлостью позъ — ея единственнымъ достоинствомъ, выражавшимся особенно въ характерныхъ, вакхическихъ па, гдѣ смѣлость эта переходила въ наглость. Такого рода испанскій танецъ былъ у нея во второмъ актѣ балета «Герта» и въ этомъ балетѣ Гедеоновъ показывалъ свою фаворитку всѣмъ пріѣзжавшимъ сюда гостямъ. Такъ въ іюнѣ, хотя и при почти пустомъ театрѣ, она танцовала для Мекленбургъ-Шверинскаго герцога. Изъ корифеекъ нравились еще публикѣ Прихунова, Левкѣева и Ришаръ, — послѣдняя оставила, впрочемъ, Петербургъ и перешла на парижскую сцену, а Левкѣева вступила въ труппу Александринскаго театра. Ей сначала покровительствовалъ скопецъ Солодовниковъ, потомъ генералъ Дубельтъ. Одно время за кулисами возбуждало большой смѣхъ ухаживаніе за нею В. А. Каратыгина, привозившаго ей даже конфекты, не

смотря на всю свою скупость и писавшаго ей стихи. Новыхъ балетовъ въ сезонъ не ставили. Кромѣ тѣхъ, которые я называлъ выше, давали: «Дѣву Дуная», «Гитану», «Озеро волшебницъ». Въ концѣ года возобновили «Воспитанницу Амура» — единственный балетъ, гдѣ еще была древняя миѳологія. Прошлогодняя попытка возобновить «Зефира и Флору» Дидло и «Марса и Венеру» Блаша— не имѣла успѣха. На сценѣ преобладала миѳологія средневѣковая съ ея феями, сильфидами, виллисами и чертями. Вообще балетъ не смотря на то, что онъ долженъ занимать послѣднее мѣсто въ ряду сценическихъ зрѣлищъ, стоялъ на первомъ планѣ въ глазахъ дирекціи театровъ и лицъ извѣстнаго положенія въ свѣтѣ второй и даже третьей молодости, находившихъ удовольствіе въ томъ, чтобы любоваться полускромными позами полуобнаженныхъ полудѣвицъ. Въ то время не писали глубокомысленныхъ и мнимоученыхъ дисертацій о пользѣ балета, но также горячо отстаивали его пластическое и даже эстетическое значеніе, хотя стремились въ балетъ съ болѣе или менѣе порнографическими цѣлями. Послѣ гастрономическаго обѣда съ тонкими винами и ликерами это было очень пріятное развлеченіе, удовлетворявшее эпикурейскимъ наклонностямъ всегда присущимъ сытому человѣчеству. Вотъ почему балетъ всегда процвѣталъ въ эпоху упадка всѣхъ другихъ стремленій и наклонностей, какими бы софизмами балетоманы всѣхъ временъ ни оправдывали своей страсти къ этому роду зрѣлищъ.

Первое мѣсто въ ряду сценическихъ представленій принадлежало, конечно, драмѣ и комедіи, и нашъ Александринскій театръ въ этомъ году, какъ и въ слѣдующемъ, стоялъ въ апогеѣ своего блеска. Поставили «Женитьбу» Гоголя и нашей мало развитой публикѣ пьеса понравилась не съ перваго раза. Характеры дѣйствующихъ лицъ находили карикатурными, развязку—неестественною. Слышно было даже шиканье, когда Подколесинъ выскочилъ въ окно. Комедію съиграли всего шесть разъ въ этотъ сезонъ, тогда какъ «Ломоносовъ» Н. Полевого шелъ 19 разъ и даже его «Комедія о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ китайцами» 11 разъ. Куликовъ сдѣлалъ тогда пьесу и изъ «Мертвыхъ душъ», вышедшихъ въ свѣтъ въ томъ же году, но передѣлка оказалась очень неудачна. Не оцѣнила публика и Мартынова, явившагося въ мольеровскомъ Гарпагонѣ еще болѣе великимъ артистомъ, чѣмъ въ Подколесинѣ. Театръ потерялъ даровитаго хотя нѣсколько холоднаго актера Брянскаго, оставившаго сцену по неудовольствіямъ съ Гедеоновымъ, но пріобрѣлъ хорошую актрису на первыя роли— Вѣру Самойлову; сестра ея Надежда и братъ Василій уже давно пользовались любовью публики; даже ихъ мать Софья считалась Самойловой 1-й, хотя и не являлась уже на сценѣ. Была у нихъ еще старшая сестра Любовь, не являвшаяся на сценѣ, но заботившаяся объ артистическомъ развитіи сестеръ. На этомъ основаніи она

играла своего рода роль за кулисами и до того надоѣдала съ разными требованіями режиссеру Куликову, что онъ писалъ на нее эпиграммы въ такомъ родѣ:

«Хотя я Вѣру не люблю,
«Но если съ ней соединюся,
«Тогда съ Надеждой примирюся,
«Любовь же къ... Софьѣ я пошлю».

Въ другой эпиграммѣ Куликовъ осмѣиваетъ жалкаго конторскаго чиновника Крутицкаго, бывшаго на побѣгушкахъ у Гедеонова и подслуживавшагося Самойловымъ, въ чаяніи отъ нихъ всякихъ благъ:

«Крутицкій не щадитъ по дружбѣ всѣ усилья,
«Бѣжитъ, кричитъ, зоветъ предъ публику Василья.
«Въ немъ бѣготня такъ взволновала кровь,
«Что выпустивъ Надежду, Вѣру,
«Разъ сгоряча, забывъ и стыдъ и мѣру,
«Онъ чуть не выпустилъ предъ публику Любовь».

Этотъ Крутицкій пользовался незавидною репутаціею при театрѣ, но нажилъ себѣ три дома, поставленный наблюдать за сборами театральныхъ кассировъ. На него Куликовъ написалъ слѣдующую эпиграмму съ каламбуромъ, основаннымъ на закулисныхъ сплетняхъ, не имѣвшихъ, повидимому, достаточнаго основанія:

«Мужъ къ ловлѣ денежной приставленъ,
«Чрезъ мужа и женѣ добро.
«Мужъ ловитъ злато и сребро,
«Женѣ—самой ловъ предоставленъ».

Въ русской оперѣ, въ этотъ сезонъ, была поставлена «Русланъ и Людмила». Нечего и говорить, что большинство публики отнеслось къ ней также равнодушно, какъ къ «Скупому» Мольера и «Женитьбѣ» Гоголя. Если успѣхъ такихъ драматическихъ произведеній можетъ быть спорнымъ, то что же сказать объ успѣхѣ музыки, для пониманія которой необходимо обладать еще бо́льшимъ эстетическимъ развитіемъ. Сколько умныхъ людей не только не любятъ, но и вовсе не понимаютъ музыки. Мы пришли однажды слушать «Руслана» съ моимъ товарищемъ, впослѣдствіи сдѣлавшимся министромъ, которому никто не откажетъ ни въ умѣ, ни въ дарованіи. Я долго доказывалъ, что музыку Глинки нельзя оцѣнить съ перваго разу, такъ она оригинальна и мѣстами геніальна. Вотъ что отвѣчалъ мой собесѣдникъ:

— Геній не всегда бываетъ оригиналенъ, оригинальность далеко не всегда геніальна. Прислушаться можно ко всему, также какъ присмотрѣться. Отъ долгой привычки можетъ быть только два послѣдствія: или вещь понравится, или отъ нея получишь отвращеніе. Середины тутъ быть не можетъ. Можно присмотрѣться къ красавицѣ и она надоѣстъ, можно привыкнуть къ некрасивой

женщинѣ и она понравится. Мотивъ музыкальный, сначала казавшійся страннымъ, можетъ показаться пріятнымъ отъ частаго повторенія; если онъ даже очень обыкновененъ—ухо будетъ стараться найти въ немъ что-нибудь особенное. Что же это за опера, которую начинаешь понимать послѣ десяти представленій? Можно написать такую, что ее не поймутъ и послѣ сотни спектаклей. Стало быть такая опера вѣчная и мы слушая ее будемъ все надѣяться, что когда-нибудь созрѣемъ для ея пониманія. Я увѣренъ, что Глинка началъ писать «Руслана» съ похмелья, надѣясь: авось что-нибудь да выйдетъ.

И это мнѣніе раздѣлялось многими, хотя большинство публики слушало оперу, если не съ увлеченіемъ, то съ любопытствомъ. Въ теченіе сезона ее дали 31 разъ, не смотря на довольно слабое исполненіе. Главными персонажами русской оперы были: цыганъ Петровъ, французъ Шарпантье (Леоновъ) и итальянецъ Този. Только въ этомъ году присоединились къ нимъ баритонъ Артемовскій и теноръ Михайловъ, завербованные въ Малороссіи. Женскій персоналъ состоялъ изъ превосходнаго контральто Петровой и двухъ сопрано: очень рѣзкаго—Степановой и очень жидкаго—Семеновой.

Наша французская труппа была блестящая и пьесы исполнялись съ рѣдкимъ ансамблемъ, но между ними не было ни одной выдающейся. Особенный, рѣдкій успѣхъ имѣла бульварная мелодрама «Les mémoires du diable» передѣланная изъ романа Сулье: ее дали 22 раза въ сезонъ. «Анджело» Виктора Гюго играли подъ названіемъ «La comédienne de Venise». Цѣломудренная цензура не хотѣла, чтобы ее заподозрили въ томъ, будто она можетъ позволить въ Россіи какую-нибудь драму Гюго. Когда въ «Ломоносовѣ» княгиню Дашкову приказывали назвать: княгиня NN, а Шувалова передѣлывали въ Меценатова—это еще можно было какъ-нибудь объяснить, но когда даже во французской комедіи «La fille de Figaro», цензура передѣлывала Жозефину Бонапарте въ госпожу Леклеркъ—это было уже выше всякихъ соображеній: почему на сцену можно было вывести сестру Наполеона, а не жену его? Въ пустомъ водевилѣ, данномъ въ бенефисъ Аллана, одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ: «l'homme-c'est l'image de Dieu». — «Oui, mais en laid», отвѣчаетъ другое. И тутъ цензура разрѣшила эту фразу только съ измѣненіемъ Бога въ божество. Нѣмецкая труппа была также очень недурна и раздѣлялась на оперную и драматическую, но пьесы игрались невозможныя. Большой успѣхъ имѣла, напримѣръ, комедія «Странное родство» (Die seltsame Verwandschaft), написанная четырехстопнымъ риѳмованнымъ ямбомъ. Сюжетъ ея въ томъ, что дочь немолодой женщины выходитъ замужъ за отца своего жениха, котораго она считаетъ убитымъ, а женихъ, вернувшись женится съ досады на матери своей бывшей невѣсты. Только нѣмцамъ можетъ придти въ голову составить

пьесу изъ такого запутаннаго родства. Лучшею драматическою актрисою была Лилла Леве, очень хорошенькая, имѣвшая много поклонниковъ, но она скоро уѣхала и ее замѣнила мамзель Граафъ, aus Riga, тощая, худощавая, но не безъ дарованія. Въ оперѣ примадонами были Нейрейтеръ съ большимъ голосомъ, но безъ малѣйшаго чувства, и Валькеръ, хорошая, но уже устарѣвшая пѣвица, толстая, коротенькая, игравшая Ромео въ усахъ и съ бородкой, намалеванныхъ женой пробкой. Что за антиэстетическія понятія у этихъ нѣмцевъ!

Кромѣ театровъ, въ Петербургѣ было мало другого рода зрѣлищъ. Какъ теперь, въ нѣкоторыхъ кружкахъ его свирѣпствуетъ спиритизмъ, такъ полвѣка назадъ господствовалъ животный магнетизмъ. Главнымъ жрецомъ его была придворная особа—оберъегермейстеръ Пашковъ, не знаю, родня ли современному изобрѣтателю новаго религіознаго ученія. Я напрасно старался проникнуть въ тайны магнетическаго усыпленія таинственными пассами—со всѣхъ сеансовъ меня изгоняли какъ невѣрующаго. Въ семействѣ моего цензора и хорошаго пріятеля, Михаила Александровича Корсакова, была одна особа, дѣвушка нервная и впечатлительная, не разъ усыпляемая Пашковымъ. Она сама пригласила меня на одинъ сеансъ, который сама назначила въ магнетическомъ снѣ, но когда я явился, чтобы быть свидѣтелемъ чудесъ—угадыванія мыслей присутствующихъ, чтенія писемъ положенныхъ на животъ и рецептовъ на латинскомъ языкѣ, не зная его вовсе (все это, говорятъ, она продѣлывала прежде), она начала метаться въ креслѣ и кричать, чтобы я ушелъ, такъ какъ я смѣюсь въ душѣ надъ великими тайнами. Мнѣніе мое она могла конечно знать и безъ магнетическаго предвидѣнія, но мнѣ все-таки не удалось даже посмотрѣть, при какой обстановкѣ совершаются всѣ эти фокусы. И тогда ученые возставали всѣми аргументами истинной науки противъ увлеченія этою магіею. Въ посту Лемольтъ читалъ на французскомъ языкѣ публичныя лекціи о гальванизмѣ и магнетизмѣ обыкновенномъ, неорганическомъ и животномъ. Дѣйствительность послѣдняго была положительно отвергнута Лемольтомъ, допускавшимъ существованіе одного сонамбулизма, какъ болѣзненное исключеніе, аномалію человѣческаго организма. Признаніе важности месмерическихъ и магнетическихъ чудесъ было бы опроверженіемъ всѣхъ научныхъ знаній и общественныхъ отношеній.

4-го марта, Петербургъ услышалъ наконецъ въ концертѣ знаменитаго Рубини. Онъ пріѣхалъ еще на масляницѣ и слушалъ въ театрѣ «Руслана и Людмилу». Трудно дать понятіе современному поколѣнію о томъ, что такое этотъ великій пѣвецъ. Зала Дворянскаго Собранія была наполнена чуть не до верху волнующеюся массою изъ головъ, лентъ, эполетъ, голыхъ плечъ, локоновъ, перьевъ, тюрбановъ, прекрасныхъ нарядовъ и некрасивыхъ жен-

щинъ. Не слышавъ Рубини, нельзя представить себѣ, до какой степени можетъ достигнуть искусство и человѣческій голосъ и какъ артистъ умѣетъ употребить ихъ. У него были ноты, потрясавшія до глубины сердца, какъ въ аріи изъ «Марино Фальери». Первая арія Пиччини, представлявшая наборъ руладъ, трелей, переливовъ и полосканій голоса не произвела впечатлѣнія, хотя и поражала голосовой эквилибристикой. Голосъ у этого уже не молодого пѣвца не обширенъ, но въ немъ нѣтъ не только ни одной фальшивой, но даже сомнительной ноты. А между тѣмъ, еще въ 1842 году устарѣвшая Паста угощала насъ такими звуками, отъ которыхъ приходили въ ужасъ даже лица, не знающія что̀ значитъ детонировать. Черезъ три дня, при гораздо меньшемъ стеченіи публики, былъ концертъ тринадцатилѣтняго піаниста, котораго и тогда уже сились произвести въ наши доморощенныя знаменитости. Рубинштейнъ игралъ хорошо, бѣгло, чисто и вѣрно, но смѣшно было требовать жизни и чувства отъ ребенка. На святой недѣлѣ пріѣхалъ Листъ и давалъ концерты лѣтомъ, но не смотря на это публика стекалась слушать блестящаго виртуоза. Въ послѣднемъ концертѣ своемъ, 2-го іюня, въ Большомъ театрѣ, онъ былъ предметомъ восторженныхъ овацій, особенно послѣ исполненнаго имъ марша изъ «Руслана и Людмилы». Въ концертѣ участвовали лучшіе пѣвцы и артисты и Листъ самъ акомпанировалъ всѣмъ лучше всякаго оркестра. Увертюру изъ «Вильгельма Телля» и фантазію на мотивы «Роберта» онъ игралъ на изобрѣтенномъ Лихтенталемъ piano-orchestre. Это изобрѣтеніе не вошло однако въ употребленіе. Верхняя клавіатура устроена на подобіе органа и издаетъ въ стаккато звуки, похожія на жидовскія цимбалы. Съ полнымъ звукомъ струннаго инструмента никакъ не гармонируютъ духовые аккорды. Въ концѣ спектакля изъ всѣхъ ложъ четвертаго яруса, вмѣстѣ съ цвѣтами и букетами, посыпались на сцену листочки бѣлой, розовой и голубой бумаги, на которыхъ въ изысканныхъ французскихъ фразахъ выражалась просьба еще разъ пріѣхать въ Петербургъ. Это было нововведеніемъ, потому что еще въ 1842 году было запрещено бросать букеты Тальони и если теперь вошло въ обычай бросать цвѣты Рубини, то потому что первый букетъ къ ногамъ пѣвца упалъ изъ царской ложи. Въ благодарность Листъ съигралъ свой хроматическій галопъ. Въ концертѣ игралъ еще Блазъ на кларнетѣ. Этотъ лысый фламандецъ сдѣлалъ изъ своей дудки удивительный инструментъ и игралъ на немъ съ такимъ чувствомъ, что приводилъ въ восторгъ. Рубини пѣлъ дуэтъ изъ «Велизарія» и изъ «Роберта» Девере, тріо изъ «Лукреціи Борджіа» съ Элизою Мерти и баритономъ Чіабата.

Въ апрѣлѣ начались итальянскіе спектакли съ Рубини, игравшимъ съ русскими и нѣмецкими оперными артистами. Съ каждою новою оперою восторгъ публики все увеличивался. Въ «Отелло»

выходная арія, дуэтъ съ Яго, послѣдняя сцена, увлекали публику; въ «Лучіи» дуэтъ перваго акта, финалъ второго и арія третьяго заставляли самаго холоднаго зрителя расчувствоваться и волноваться. 31-го мая было послѣднее 17-е представленіе. Энтузіазмъ публики дошелъ до послѣднихъ границъ. 18-го октября нѣмецкая опера простилась съ Петербургомъ и никогда болѣе въ немъ не возобновлялась, а 13-го октября открылась итальянская, въ которой я абонировалъ ложу № 1 четвертаго яруса и просидѣлъ въ ней чуть не сорокъ лѣтъ до закрытія у насъ итальянской оперы. Началась она «Пиратомъ», плохою оперою Беллини, изъ которой ничего не сдѣлалъ и Рубини, тѣмъ болѣе, что пѣвшая съ нимъ примадонна Тадини была тоже плоха, а баритону Тамбурини негдѣ было развернуть свои силы. Другая примадонна Ассандри, дебютировавшая въ «Нормѣ», также не понравилась, какъ теноръ Пазини, но нельзя же всѣмъ быть Рубини. За то Віардо-Гарсія произвела фуроръ особенно въ «Сонамбулѣ». Въ финалѣ третьяго акта, когда женихъ упрекаетъ ее въ измѣнѣ, а она увѣряетъ въ своей невинности— плакали не только дамы, но и мужчины. Въ «Отелло» пѣсня объ ивѣ приводила въ восторгъ. Въ «Севильскомъ цирюльникѣ» арія «una voce poco fa», вставные нумера въ урокѣ пѣнія, особенно алябьевскій «Соловей» доводили публику до крайнихъ предѣловъ энтузіазма. Холоднаго Петербурга нельзя было рѣшительно узнать.

За неимѣніемъ другихъ развлеченій я ходилъ въ посту въ театральную школу смотрѣть спектакли воспитанниковъ. Давали большею частью старый хламъ въ родѣ «Шалости влюбленныхъ», «Мужъ какихъ много» и т. п.; играли въ массѣ—скверно, но между учениками, готовящимися къ сценѣ, попадались иногда замѣчательныя дарованія, которыя легко было бы развить, еслибы въ школѣ обращали хоть какое-нибудь вниманіе на драматическое искусство. Въ то время особенно выдавались положительнымъ талантомъ воспитанники Аббе и Вальдекъ. Куда они потомъ дѣвались и вышло ли изъ нихъ что-нибудь—не знаю; вѣроятно, не перенесли борьбы за существованіе, при полнѣйшемъ равнодушіи театральнаго начальства, заботившагося только о подготовленіи танцорокъ. Но и этихъ балетныхъ жрицъ развивали больше для практическихъ цѣлей въ жизни, чѣмъ для достиженія совершенства въ хореграфическомъ искусствѣ. Хорошіе учителя являлись только въ практическомъ направленіи. Однимъ изъ ревностныхъ развивателей субъектовъ неопытныхъ на житейской сценѣ былъ генералъ Дубельтъ, другъ директора и всего дома. Онъ приходилъ въ школу во всякое время запросто, въ старомъ сюртукѣ, заглядывалъ для наблюденія за порядкомъ—и въ классныя, и въ уборныя, и въ дортуары, бесѣдовалъ со всѣми равно благосклонно, бралъ всѣхъ безразлично за подбородокъ, и смазли-

венькихъ и дурнушекъ, и всѣ находили совершенно естественнымъ такое отеческое вниманіе. Даже любящій сплетни и пересуды Петербургъ не находилъ ничего страннаго въ такомъ явномъ покровительствѣ тайной полиціи высокимъ цѣлямъ сценическаго искусства.

Столицѣ не было никакого дѣла до интимной исторіи театра: она знала только то, что происходитъ по сію, а не по ту сторону кулисъ. Ее гораздо больше занимала, напримѣръ, въ это время комета, неизвѣстно откуда-то вдругъ появившаяся, въ концѣ марта, вмѣстѣ съ такими морозами, какихъ не было во всю зиму. Комета эта, загнувшая хвостъ на 42 градуса, то есть почти на четверть горизонта, исчезла недѣли черезъ три также неожиданно. Достигни она двадцатью четырьмя днями позже своего перигелія, земля непремѣнно попала бы въ хвостъ ея и вторженіе этой странной свѣтящейся матеріи въ нашу атмосферу могло бы произвести въ ней какой-нибудь переворотъ. Это было громадное свѣтило съ ядромъ, въ тысячу семьсотъ разъ большимъ чѣмъ земля, съ хвостомъ въ шестьдесятъ мильоновъ миль. Если бы наклоненіе хвоста было всего восемью градусами ниже, онъ задѣлъ бы землю, можетъ быть смахнулъ бы съ нея половину царствъ и обитателей. Любопытно, что тогда дѣлали бы остальные?.. Астрономы увѣряли, что это была та самая комета, которая потопила землю при Ноѣ; но не предусмотрѣвъ ея появленія, они не предсказали и эпохи ея возвращенія въ нашу солнечную систему. Что же касается до ея неожиданнаго появленія на небѣ, то собственно петербуржцевъ не могло особенно поразить это обстоятельство, потому что они и у себя на землѣ привыкли ко всякимъ неожиданностямъ. Такъ въ одинъ день съ появленіемъ кометы состоялось публичное разжалованіе въ канонеры генералъ-маіора Головачева, начальника охтенскаго порохового завода, за его безчеловѣчное обращеніе съ солдатами. Что именно дѣлалъ этотъ генералъ—объ этомъ не публиковалось, но самый обрядъ публичнаго исполненія приговора уже доказывалъ, что вина была не маловажная. Впослѣдствіи, при разжалованіи военныхъ лицъ не упоминалось, за что именно они наказываются, а печаталось просто: за преступленіе предусмотрѣнное такою-то статьею военнаго положенія,—поди, отыскивай эту статью.

Не представлялъ особенной неожиданности и предложенный въ то же время извѣстнымъ историкомъ Михайловскимъ-Данилевскимъ проектъ—подвергать военной цензурѣ всѣ вообще статьи и разсужденія, гдѣ говорится хотя бы нѣсколько словъ о военномъ искусствѣ; всѣ біографіи полководцевъ, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ, даже анекдоты объ нихъ. Уваровъ—это было также довольно неожиданно—отвергнулъ этотъ проектъ, сказавъ, что въ такомъ случаѣ надо подвергнуть военной цензурѣ всѣхъ древнихъ

классическихъ писателей и даже лѣтопись Нестора. Проектами ревностныхъ сыновъ отечества завалены были въ особенности всѣ военныя учрежденія. Такъ капитанъ Грибергъ, составляя правила отступленія отъ непріятеля, совѣтовалъ для избѣжанія преслѣдованія, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пойдетъ непріятельская артиллерія, зарывать неглубоко въ землю магниты, которые притягивали бы къ себѣ колеса пушекъ, обитыхъ желѣзомъ и задерживали этимъ ихъ движеніе. Генералъ Тишинъ предлагалъ вооружить всѣ госпитали на Кавказѣ, дабы больные, вслучаѣ неожиданнаго нападенія горцевъ, могли сами защищать себя. Какъ ни дики подобные проекты, но пусть бы лучше генералы сочиняли ихъ, чѣмъ поступать какъ Головачевъ или Нильсенъ, избившій въ то же время ногами до полусмерти станціоннаго смотрителя, ни въ чемъ не повиннаго. А между тѣмъ государь не допускалъ безчеловѣчнаго обращенія и приказалъ сдѣлать строгій выговоръ генералу Тулубьеву за то, что тотъ въ своемъ донесеніи, употребляетъ выраженіе пара арестантовъ, «приличное только воламъ и другимъ животнымъ». Находили, что государь не прощалъ тѣмъ, кто однажды обманулъ его довѣріе, но въ этомъ отношеніи его снисходительность была бы уже слабостью. Въ подобномъ случаѣ Александръ I былъ еще суровѣе. Вотъ два малоизвѣстные факта его біографіи.

При восшествіи на престолъ онъ произвелъ одного изъ своихъ любимцевъ въ генералъ-маіоры и далъ ему вслѣдъ за тѣмъ мѣсто генерала квартирмейстера по морской части. Тотъ отыскалъ гдѣ-то, въ старинномъ регламентѣ Петра I, что генералъ квартирмейстеръ долженъ быть въ то же время и генералъ-лейтенантомъ и потому явился благодарить государя за милость въ генералъ-лейтенантскомъ мундирѣ. Александръ I назвалъ это школьнической выходкой, утвердилъ его въ чинѣ, но черезъ три мѣсяца лишилъ мѣста и, не смотря на всѣ просьбы, никогда никуда не опредѣлялъ и не давалъ ему пенсіи, которой онъ и не выслужилъ по закону. Наказаніе это, кажется, совершенно справедливо. Вотъ другой случай. Послѣ сраженія при Лейпцигѣ французы начали быстро отступать. Одна деревня вблизи города была еще занята ими. Александръ I, объѣзжая свои посты, встрѣтилъ полковника Мандрыкина, возвращавшагося съ небольшимъ отрядомъ съ поля сраженія и приказалъ ему сдѣлать рекогносцировку—занята ли деревня французами и намѣрены ли они очистить ее. Полковникъ отправился на развѣдки, но не доѣзжая еще до деревни, замѣтилъ разставленные пикеты и патрули и потому заблагоразсудилъ—обойти деревню лѣсомъ и сдѣлать свои наблюденія стороною. Но попавъ въ лѣсъ, онъ заблудился тамъ и долгое время то не могъ найти дороги, то боялся выйти изъ лѣса, чтобы не попасться французамъ. Наконецъ черезъ нѣсколько часовъ онъ выбрался изъ лабиринта и отправился прямо къ государю съ донесеніемъ, что взять деревню

нѣтъ никакой возможности, такъ какъ она занята непріятелемъ. «Если полковникъ считаетъ насъ непріятелями,—отвѣчалъ Александръ,—то онъ правъ, но за то онъ никогда не будетъ генераломъ». И государь сдержалъ свое слово. Дѣло въ томъ, что пока полковникъ плуталъ въ лѣсу, русскіе, получивъ извѣстіе съ другого фланга объ очищеніи деревни французами, заняли ее безъ выстрѣла. И въ этомъ случаѣ, полковникъ какъ неоправдавшій довѣрія государя, былъ наказанъ подѣломъ.

Императора Николая можно скорѣе упрекнуть въ томъ, что онъ былъ слишкомъ довѣрчивъ къ лицамъ, стоящимъ близко къ нему и не допускалъ мысли, чтобы они могли злоупотреблять его довѣріемъ. Такъ, когда министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій, воспользовавшись временнымъ отсутствіемъ оберъ-полиціймейстера Кокошкина, вздумалъ обревизовать его канцелярію, государь не позволилъ этого потому, что Кокошкинъ—генералъ-адъютантъ. Изъ Польши нѣкто Петрашко три года писалъ доносы на злоупотребленія Погодина, генералъ-интенданта дѣйствующей арміи, доказывая, что онъ съ товарищами обкрадываетъ казну. Прося нарядить комисію для изслѣдованія дѣла, Петрашко отдавалъ въ залогъ справедливости своихъ обвиненій, свою честь, жизнь и имущество, но доносъ его оставили безъ разслѣдованія: Погодинъ былъ любимецъ Паскевича, а кто же тогда осмѣливался сомнѣваться въ безкорыстіи и справедливости варшавскаго проконсула?

Къ литературѣ, особенно драматической, государь относился снисходительно. Водевиль «Булочная», написанный въ этомъ году, былъ сначала вовсе запрещенъ къ представленію по настоянію полиціи. Потомъ, цензура III-го Отдѣленія позволила пьесу, но съ такими урѣзками и сокращеніями, что П. Каратыгинъ не согласился поставить ее въ искаженномъ видѣ и упросилъ князя Волконскаго доложить объ ней государю. Тотъ прочелъ водевиль, приказалъ съиграть его во дворцѣ и въ Александринскомъ театрѣ въ томъ видѣ, какъ онъ написанъ и прислалъ перстень автору ея, Каратыгину. Въ то же время фельетонистъ «Русскаго Инвалида» Сорокинъ, былъ посаженъ, по высочайшему повелѣнію, на недѣлю на гауптвахту, за то что онъ написалъ статью о спектаклѣ итальянской оперы, въ которой Віардо Гарсіа получила два букета при восторженныхъ рукоплесканіяхъ публики,—а спектакль въ этотъ вечеръ былъ отмѣненъ. Сорокинъ оправдывался тѣмъ, что онъ писалъ не о представленіи оперы, а о ея репетиціи, но и это оправданіе было достаточно глупо, потому что на репетиціяхъ не аплодируютъ и не бросаютъ букетовъ. Министра двора однако разсердило это оправданіе и онъ приказалъ не пускать никого изъ постороннихъ лицъ на репетиціи.

Волконскаго публика не любила точно также, какъ и всѣхъ другихъ министровъ (кромѣ Перовскаго) въ особенности за то, что

онъ давалъ слишкомъ много воли Гедеонову. Не пользовался любовью Петербурга и его генералъ-губернаторъ Кавелинъ, формалистъ до педантизма и вдобавокъ фразеръ. Въ праздникъ Преполовенія онъ провожалъ крестный ходъ вокругъ крѣпости и увидѣлъ вдали въ нѣсколькихъ саженяхъ, человѣка, который шелъ стороною, не снимая шляпы. Кавелинъ велѣлъ взять его на гауптвахту, не смотря на то, что это былъ статскій совѣтникъ, человѣкъ больной, нарочно отошедшій далеко отъ крестнаго хода и надѣвшій шляпу, чтобы не простудиться въ сильный вѣтеръ. Не разузнавъ ничего, не разспросивъ ни о чемъ, Кавелинъ началъ кричать при всѣхъ окружающихъ:—«Это французское вольнодумство! Какъ смѣть наносить иностраннаго песку на нашъ благодатный русскій черноземъ!» Объ этихъ словахъ какъ и вообще обо всемъ, что дѣлалось не только въ столицѣ, но и во всей Россіи, общество узнавало чрезвычайно быстро, не смотря на совершенное отсутствіе журнальной и всякой другой гласности. Такъ, въ Петербургъ тотчасъ же пришло извѣстіе о дуэли въ Москвѣ между князьями Долгорукимъ и Голицынымъ изъ-за флигель-адъютантскаго мундира, причемъ Долгоруковъ былъ раненъ въ ногу. Говорили, что юнкеръ Ордынскій попался съ фальшивыми ассигнаціями, но такъ какъ онъ увѣрялъ, что нашелъ ихъ, то его разжаловали въ солдаты за утайку найденнаго и сослали въ дальній гарнизонъ. Узнали также скоро, что въ государя стрѣляли въ Познани, когда онъ ѣхалъ въ коляскѣ съ Суковкинымъ, что въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ были безпорядки и волненія, окончившіяся по счастію безъ кровопролитія. Понятно, что печать не могла сообщить о такихъ происшествіяхъ, но она молчала и о томъ, что дѣлалось въ Европѣ. Такъ сентябрская революція въ Греціи разсказана была въ «Сѣверной Пчелѣ» такъ, что нельзя было ничего понять изъ ея разсказа. А между тѣмъ это была одна изъ оригинальныхъ революцій, безъ смутъ, безпорядковъ, безъ пролитія крови. Болѣе десяти лѣтъ греки переносили автократическіе эксперименты своего нѣмецкаго короля-католика, женатаго на протестанткѣ, но наконецъ потеряли терпѣніе. 3 сентября 1843 года въ два часа ночи аѳинскіе граждане вмѣстѣ съ войскомъ собрались передъ дворцомъ Оттона и громкими криками требовали конституціи. Король, ничего не знавшій о единодушномъ заговорѣ своихъ подданныхъ, вышелъ на балконъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, потребовалъ, чтобы ему дали время для сочиненія конституціи. Ему отвѣтили, что все уже готово, министры его смѣнены, назначены новые, государственный совѣтъ уже разсуждаетъ о положеніи Греціи, составляя проектъ конституціи, а ему остается только подписать ее и созвать для ея утвержденія народное собраніе. Оттонъ тотчасъ же подписалъ ее, потомъ еще въ теченіе 20-ти лѣтъ старался всѣми средствами нарушить ее, пока наконецъ его не изгнали оконча-

тельно. Вообще положеніе Европы и въ то время предвѣщало уже политическія бури, возникшія въ концѣ этого десятилѣтія: Франція воевала съ своимъ королемъ въ парламентѣ и журналистикѣ. Англія—съ О'Коннелемъ и Ирландіею; въ Пруссіи публично осмѣивали короля въ театрѣ; въ Италіи не прекращались возстанія противъ неаполитанскихъ Бурбоновъ и австрійскихъ эрцгерцоговъ; въ Испаніи объявленіе королевы Изабеллы совершеннолѣтнею не останавливало волненій; Австрія порывалась сбросить съ себя гнетъ метерниховскаго режима. Первые годы пятой декады XIX вѣка носили уже въ себѣ зародыши революцій конца сороковыхъ годовъ.

В. Зотовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ. [1])

(Выдержки изъ автобіографическихъ замѣтокъ).

III.

Либеральный или консервативный городъ Петербургъ?—На сколько онъ перемѣнился въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ.—Полиція и освѣщеніе.—Регулярность столицы.—Старыя улицы.—Физіономія мостовъ и заборовъ.—Уличные запахи.—Климатъ и погода.—Петербургская природа.—Дача и столичное общество.—Литературныя характеристики.—П. А. Корсаковъ, какъ цензоръ и писатель.—«Маякъ» и Бурачекъ.—Несторъ Кукольникъ.—Межевичъ и «Полицейскія Вѣдомости».—«Репертуаръ и Пантеонъ».—Свадьба Песоцкаго.—Русскія «Осы».—«Статейки въ стихахъ безъ картинокъ».—Уличная литература.—Господство пошлости на русской сценѣ.

ПЕТЕРБУРГЪ принято называть городомъ либеральнымъ—конечно, въ пику Москвѣ,—но врядъ ли найдется въ Европѣ столица консервативнѣе нашей. Мы знаемъ, какія огромныя перемѣны произошли въ теченіе полвѣка въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ. На сколько же въ это время подвинулся впередъ Петербургъ въ области наружнаго благоустройства? Развѣ не охранялъ онъ тщательно и ревниво въ это полустолѣніе всѣ свои особенности, которыми онъ не даромъ славится въ цивилизованномъ мірѣ: свои изумительныя мостовыя, не менѣе изумительныхъ извозчиковъ, свои думскіе распорядки и тому подобные «раритеты», какихъ не встрѣтишь теперь ни въ одномъ городѣ, вышедшемъ изъ эпохи

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XXXIX, стр. 29.

пещерныхъ и свайныхъ построекъ. Совершались, конечно, и въ немъ нѣкоторыя улучшенія—невольная дань неугомонному духу времени: полиція предписала не только «тащить и не пущать» сѣрый народъ, но и вѣжливо провожать черезъ Невскій стариковъ и нянекъ съ дѣтьми, охраняя ихъ отъ экипажей, бѣшено мчащихся, какъ на рысистыхъ бѣгахъ; «квартальные надзиратели» переименованы участковыми приставами, «будочники» околодочными; введены конки, очень умѣренно, но акуратно давящіе человѣкъ по десяти въ мѣсяцъ; явились сначала газъ, потомъ электричество, соперничествующіе между собою и въ томъ, что сначала оба горятъ прекрасно, но какъ только пріобрѣтутъ монополію, начинаютъ «пошаливать». Устроенъ наконецъ фильтръ—улучшеніе безспорно полезное, но еще разъ доказавшее, что мы и улучшать какъ-то начинаемъ все не съ того конца, какъ слѣдуетъ. Почва столицы, въ теченіе ея двухсотлѣтняго существованія, до того пропиталась всякими нечистотами, что канализація города сдѣлалась настоятельною необходимостью, а мы вмѣсто отвода несомнѣнныхъ источниковъ заразы, проводимъ сомнительной чистоты воду по трубамъ, нечищеннымъ въ теченіе десятковъ лѣтъ.

Въ географическихъ учебникахъ сороковыхъ годовъ, гдѣ города обозначались однимъ эпитетомъ, какъ: Парижъ—великолѣпный, Лондонъ—обширный, Вѣна—промышленный, Римъ—вѣчный, Москва—древній, Петербургъ названъ «регулярнымъ». Развѣ и теперь не главная черта его та, что онъ регуляренъ—во всѣхъ отношеніяхъ? Развѣ есть для него что-нибудь на свѣтѣ важнѣе регулярности? Если гдѣ-нибудь въ заневскихъ странахъ домá и не вытянуты въ безукоризненную линію и погнулись немножко на бокъ, то погнулись все-таки чрезвычайно регулярно. На такихъ окраинахъ города есть цѣлыя улицы, которыя лѣпясь очень скромно вдоль заборовъ, вдругъ какъ бы испугавшись чего-нибудь, бросаются вправо или влѣво. Такія улицы лучше всего подтверждаютъ консервативность Петербурга. Правда, въ центрѣ его явились зданія, оскорбляющія своею вычурною архитектурою регулярность, нарушеніе которой ни за что̀ не было бы допущено въ николаевскую эпоху, но это только незначительныя уступки все тому же духу времени, либеральному уже по самой своей натурѣ. Къ сожалѣнію, этотъ либерализмъ выяснился рѣзче всего въ явленіи, составляющемъ дѣйствительно главнѣйшее различіе между прежнею эпохою и нынѣшнею; явленіе это—непомѣрное и весьма нежелательное размноженіе въ столицѣ—жидовъ. Въ этомъ отношеніи Петербургъ уже нисколько не напоминаетъ сороковые года, когда жидъ въ Петербургѣ былъ такимъ же рѣдкимъ явленіемъ, какъ теперь русскій человѣкъ на биржѣ, въ правленіи банковъ, акціонерныхъ обществъ, въ адвокатурѣ, въ магазинахъ, въ страховыхъ и другихъ учрежденіяхъ.

Съ сороковыхъ годовъ даже для урегулированія Петербурга сдѣлано очень немного: исчезло нѣсколько деревянныхъ домовъ на видныхъ мѣстахъ, проложена въ центрѣ города всего одна улица—Пушкинская, да и та въ самое послѣднее время, другія только перемѣнили названіе. Такъ Шестилавочная называлась Надеждинскою, Грязная—Николаевскою, Девятая рота—Бассейною; роты Семеновскаго полка получили названіе городовъ московской губерніи, Обуховскій проспектъ оказался Забалканскимъ, Мѣщанскія обратились въ Казанскую, Казначейскую и проч. Но все это только въ центральныхъ частяхъ, окраины столицы почти не измѣнились, не смотря на значительный приростъ населенія. Тамъ остались по прежнему Болотныя улицы, Ружейныя, Разстанныя, Разночинныя, Широкая, Слоновая, Бармалѣева, Плуталова, Гулярная, Теряева, Пустая и пр.; исчезли только Пискунова, Односторонняя, Поперечная, Оспинная, Траерная, Дребезгова, Проходная, Кошкина, Молчаливая; ихъ уже вовсе не прогресивныя клички замѣнились именами позднѣйшихъ дѣятелей, какъ «Треповская» улица. Но Сукинъ переулокъ остался. Уничтожилось также нѣсколько одноименныхъ Офицерскихъ, Воскресенскихъ, Мясныхъ улицъ, Глухихъ и Мучныхъ переулковъ, но это уже было необходимо для избѣжанія путаницы въ адресахъ. Огромный шагъ впередъ сдѣлалъ городъ съ устройствомъ скверовъ и садовъ. Въ годы моего ранняго дѣтства еще существовалъ бульваръ на Невскомъ проспектѣ, но уже съ конца двадцатыхъ годовъ началось въ Петербургѣ безпощадное истребленіе всякой зелени. Надо было видѣть, съ какимъ всепревозмогающимъ усердіемъ моментально уничтожалась въ николаевское время всякая травка, позволившая себѣ выглянуть на свѣтъ Божій не только на пустынныхъ площадяхъ столицы, но даже на дворѣ зданія, особенно если это зданіе было казенное. За подобный «недосмотръ» потерялъ мѣсто смотритель одного изъ такихъ зданій на Литейной, не выходившей въ началѣ царствованія Николая I на Неву, а оканчивавшейся неуклюжимъ строеніемъ Литейнаго двора съ высокою башнею.

Значительно измѣнилась также въ столицѣ физіономія мостовъ. Въ весьма недавнее сравнительно время ихъ очистили отъ всякихъ ларей, съѣстныхъ и книжныхъ, считавшихся прежде необходимою ихъ принадлежностью. Въ николаевское время мосты были излюбленнымъ мѣстомъ петербургскаго простолюдина. Прислонивъ ко всѣмъ четыремъ угламъ любого моста разныя отрасли мелкой промышленности, простой народъ нерѣдко цѣлые дни проводилъ у этихъ мостовъ, бесѣдуя съ земляками, наблюдая за прохожденіемъ барокъ, подъ арками моста, или просто облокотясь на перила и поплевывая въ воду, для собственнаго удовольствія. Мостъ для мелкаго петербуржца былъ тогда тоже, что форумъ для римлянина. Здѣсь уличные политики зачастую вели бесѣды о пред-

метахъ неподлежащихъ ихъ обсужденію, пока грозный окликъ хожалаго будочника, угощавшагося тутъ же поблизости разной снѣдью, не прерывалъ бесѣдъ приглашеніемъ не толпиться и расходиться. У мостовъ же обыкновенно воздвигались и будки, гдѣ доблестные стражи, лишенные уже алебардъ, отнятыхъ у нихъ въ тридцатыхъ годахъ, продолжали ревностно охранять самихъ себя, изрѣдка забирая подъ гостепріимный кровъ своихъ жилищъ уже черезчуръ подгулявшихъ и расходившихся гражданъ. Мостъ питалъ множество народа, начиная съ извозчика, который обыкновенно ставилъ тутъ же свою колоду, до бабы, продававшей лѣтомъ чернику въ помадной банкѣ, а зимой пряники, напоминающіе цвѣтомъ и вкусомъ мостовой булыжникъ, на которомъ баба утверждала лотокъ съ своимъ товаромъ. Съ уничтоженіемъ разносной торговли на петербургскихъ мостахъ, она потеряла свою оригинальную физіономію. Ютилась эта торговля невозбранно и у заборовъ, которыхъ прежде было гораздо больше въ Петербургѣ, ихъ также особенно облюбилъ простой народъ, останавливавшійся передъ ними за всякими надобностями, заглядывавшій во всѣ скважины барочныхъ досокъ, изъ которыхъ обыкновенно сколачивались заборы, исписывавшій ихъ нецензурными рисунками и афоризмами. Пристрастіе къ образамъ игриваго содержанія и краткимъ, но энергичнымъ изреченіямъ было такъ велико, что потребовались также весьма энергичныя мѣры и многіе годы, чтобы отучить доморощенныхъ Рембрантовъ и Пироновъ отъ илюстрированія некрашеныхъ заборовъ произведеніями отечественной порнографіи. Исчезли также съ теченіемъ времени и развитіемъ уличной цивилизаціи специфическіе запахи нѣкоторыхъ изъ петербургскихъ улицъ. Такъ Гороховая пахла смѣсью горячаго хлѣба съ деревяннымъ масломъ, Чернышевъ переулокъ сбитнемъ и тухлыми яицами, Демидовъ— соленой севрюжиной и сушеными грибами, Малая Подъяческая— старыми сапогами, и т. д.

И пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, точно также раздавались все тѣ же жалобы на петербургскую погоду; въ этомъ отношеніи городъ нашъ особенно консервативенъ. И въ сороковыхъ годахъ случалось ѣздить въ Рождество и новый годъ на дрожкахъ съ тою только разницею, что тогда падать съ дрожекъ было неудобнѣе, ибо между ними преобладали такъ называемыя «гитары» или «калиберъ», на который, чтобы удержаться въ равновѣсіи, надо было садиться верхомъ. Пролетки были также рѣдки, какъ хорошіе дни безъ «осадковъ». Но и къ этимъ осадкамъ и вообще къ непостоянству петербургскаго климата, кажется, было уже время привыкнуть и Николай Павловичъ былъ совершенно правъ, говоря иностраннымъ посламъ «я не понимаю, почему мой климатъ находятъ дурнымъ». Дѣйствительно, только одна привычка петербуржца вѣчно на что-нибудь плакаться, объясняетъ его неизмѣнныя, изъ

году въ годъ, и безплодныя жалобы на погоду. Давно уже всѣ статистики и климатологи подтвердили, что въ Петербургѣ собственно два времени года: сѣроснѣжная зима и зеленодождливая зима; первая бываетъ по временамъ бѣлоснѣжной и очень холодной, вторая — сухозеленой и не очень холодной,— вотъ и вся разница между ними. Первая устанавливается обыкновенно въ январѣ—и длится мѣсяца четыре, вторая—въ маѣ тоже на четыре мѣсяца; остальные четыре мѣсяца въ году представляютъ собою смѣсь этихъ двухъ временъ, въ которой количество снѣжныхъ осадковъ равняется количеству дождевыхъ. Съ этой несложной метеорологіей можно было бы уже давно свыкнуться, а между тѣмъ житель столицы продолжаетъ по привычкѣ роптать то на дождь, то на снѣгъ, то на бездождье, то на вѣтеръ, одинаково дующій во всѣ дни, мѣсяцы и годы. Медицинская статистика города ни въ прошломъ, ни въ нынѣшнемъ полустолѣтіи не занималась вычисленіемъ: отъ простудныхъ или отъ желудочныхъ болѣзней больше умираетъ петербуржецъ. Теперь она, правда, подводитъ итоги смертности въ столицѣ, печатая ихъ еженедѣльно въ газетахъ, изслѣдуя въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ происхожденіе и развитіе разныхъ инфлуэнцій и катаровъ. Прежде на этотъ счетъ было гораздо проще: хитрыхъ названій болѣзнямъ не давали, и умирали отъ нихъ также основательно, какъ и теперь, только приписывая причины ихъ — Божьей волѣ, а не размноженію въ водѣ и воздухѣ бактерій и микробовъ, и не занимались ловлею ихъ во всѣхъ закоулкахъ человѣческаго тѣла. Медицинскихъ знаменитостей не создавали, юбилеевъ ихъ не справляли, памятниковъ имъ не воздвигали, а лечились съ одинаковою вѣрою и въ рецептъ, исписанный невѣдомыми каракулями, и въ нашептанную водицу, которою пользовались еще радомичи и вятичи, стало быть задолго до барона Вревскаго. Вымираемость въ Петербургѣ была всегда сильнѣе рождаемости, что вовсе неудивительно въ городѣ, гдѣ сносныхъ всего три, такъ называемыхъ, лѣтнихъ мѣсяца, а остальные такъ перемѣшиваются между собою, что трудно отличить май отъ сентября, апрѣль отъ октября, мартъ отъ ноября.

Петербургская природа пробуждается обыкновенно въ апрѣлѣ; существенные признаки этого пробужденія состоятъ въ томъ, что улицы начинаютъ принимать вмѣсто грязносѣраго — грязнобурый цвѣтъ, сани начинаютъ исчезать. Въ сороковыхъ годахъ зимою, вмѣстѣ съ городскими извозчиками, допускались въ ѣзду и деревенскіе, въ бѣлыхъ нагольныхъ тулупахъ, въ саняхъ сколоченныхъ на живую нитку; въ пятидесятыхъ годахъ такихъ возницъ полиція уже не пускала въ столицу. Насильственной, «треповской» весны тогда не устроивали, а предоставляли снѣгу самому сползать съ крышъ домовъ и мостовыхъ, и литься грязнымъ пото-

комъ въ водосточныя трубы. По этой массѣ рыхлаго снѣга, перемѣшаннаго съ пескомъ и грязью, прыгали и переваливались сани, каждую минуту скользя полозьями по голымъ каменьямъ, скрывающимся подъ огромными лужами. Погода въ это время стоитъ постоянно непостоянная: утромъ солнце, къ полудню дождь, вечеромъ холодный вѣтеръ, ночью морозъ. Иногда, для разнообразія, бываетъ утромъ морозъ, въ полдень солнце, къ вечеру дождь, ночью рѣзкій вѣтеръ—и такъ далѣе, дѣлая изъ этихъ четырехъ частей дня и погоды всевозможныя перестановленія по извѣстной математической формулѣ ньютонова бинома. Главныя петербургскія улицы представляютъ тогда оригинальное зрѣлище: на одной сторонѣ ихъ, пригрѣваемой солнцемъ, катятся неуклюжія дрожки и снуютъ франты въ лѣтнихъ костюмахъ; по другой — прыгаютъ по жидкому грязеснѣгу сани и шагаютъ флегматически мѣховыя пальто и еноты. Вскрытіе рѣкъ и каналовъ доставляетъ праздному люду пріятное занятіе смотрѣть по цѣлымъ часамъ, какъ дворники отбиваютъ баграми ледъ отъ гранитной набережной и проводятъ его внизъ по теченію. По временамъ мосты и набережныя захлебываются народомъ любующимся на это зрѣлище; раздаются бойкія выходки народнаго, преимущественно непечатнаго остроумія, потѣшающагося и надъ неловкимъ ударомъ багра по льдинѣ и надъ вороною, плывущею на осколкѣ льдины и съ любопытствомъ посматривающею на людскія занятія. Первый весенній праздникъ екатерингофскаго гулянья удается очень рѣдко: термометръ никакими просьбами не поднимается выше точки замерзанія, на деревьяхъ ростутъ одни голики, земля сыра и черна,— рѣдко гдѣ торчатъ клочки прошлогодней травы, превратившейся на корнѣ въ сѣно, только верба стелетъ по землѣ красноватые стволы, усѣянные пушистыми распукольками. Съ первыми числами іюня оканчивается царство густой грязи и начинается царство жидкой. Календарь показываетъ наступленіе лѣта—предосторожность похвальная, безъ которой это было бы трудно замѣтить, и петербуржецъ, то промокая отъ дождя, то просыхая отъ холоднаго вѣтра, выставляетъ двойныя рамы и, обвязывая простуженную щеку, говоритъ: «пора на дачу!»

На петербургскія дачи жалобы слышатся также уже гораздо больше полувѣка. Число ихъ въ послѣднее время только значительно увеличилось. Столичный житель отвоевалъ себѣ нѣсколько новыхъ мѣстъ для своихъ лѣтнихъ переселеній; но строилъ онъ для дачъ, и тогда какъ теперь, какъ истый консерваторъ, одни карточные домики, безъ всякаго приспособленія къ своему климату, съ мавританскими и другими украшеніями по наружному фасаду, но безъ малѣйшихъ удобствъ внутри, съ верандами и бельведерами, но безъ печей, съ разными примѣненіями къ защитѣ отъ солнца, которое такъ рѣдко заглядываетъ въ Петербургъ, но

безъ всякой защиты отъ холоднаго, сильнаго вѣтра, насквозь продувающаго всѣ наши дачи, въ теченіе всего, такъ называемаго лѣта. Мѣняются также по временамъ модныя и излюбленныя мѣста для дачныхъ поселеній. Въ началѣ сороковыхъ годовъ высшій кругъ селился преимущественно на Каменномъ островѣ, въ Царскомъ и Павловскомъ, средній—на петергофской дорогѣ, въ чухонской деревнѣ Крестовскаго острова и въ Колтовскихъ, сообщавшихся съ Крестовскимъ только посредствомъ перевоза на яликахъ, а отъ города отдѣленныхъ деревянною мостовою, но не въ формѣ торцовой, введенной въ пятидесятыхъ годахъ, а въ видѣ бревенъ, положенныхъ поперекъ улицы и по которымъ экипажи прыгали, какъ по фортепіаннымъ клавишамъ. Новая и Старая Деревни вошли въ моду только въ концѣ сороковыхъ годовъ съ устройствомъ моста на Крестовскій и съ открытіемъ въ Новой Деревнѣ минеральныхъ водъ и концертовъ Излера. Въ Полюстровѣ, на своей роскошной дачѣ, жилъ тогда старикъ Кушелевъ-Безбородко и въ его саду, открытомъ для публики, заѣзжіе концертанты давали по временамъ музыкальные вечера. Московское шоссе и до проведенія рельсовъ во вторую столицу было пустынею и занято не дачами, а фабриками, за то петергофское, не отвоеванное еще путиловскими и другими заводами, переполнялось, особенно въ Тентелевой и Автовой деревнѣ, около Краснаго Кабачка и Сергіева монастыря, мелкими дачниками, гулявшими по шоссе, покрытомъ густою пылью въ сухую погоду и не менѣе густою грязью послѣ дождя. По вечерамъ эти дачники, принадлежавшіе большею частью къ чиновничьему классу, бились также усердно въ преферансъ, какъ усердно винтятъ теперь ихъ потомки.

Но наблюденія надъ общественною жизнью Петербурга завели бы меня очень далеко и заняли бы слишкомъ много мѣста въ журналѣ. Я могу говорить здѣсь о нихъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Въ 1844—45 гг. я посвятилъ этому предмету цѣлый рядъ статей въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», издававшемся подъ редакціей Межевича. Статьи имѣли юмористическій характеръ, потому что иначе какъ въ этомъ тонѣ и нельзя было относиться къ тогдашнему обществу. Да и у всѣхъ народовъ серьезно къ своимъ современникамъ относятся только проповѣдники и моралисты, а не журналистика. Французы безспорно самая общежительная нація въ мірѣ, но и тамъ Вольтеръ, хотя печаталъ, что только во Франціи и существуетъ общество, самъ въ то же время увѣрялъ, что это общество живетъ только злословіемъ, насмѣшками и лукавствомъ. Правда, Бюфонъ торжественно объявляетъ, что человѣкъ своимъ могуществомъ обязанъ обществу, что оно образовало умъ его, дало пищу его воображенію, показало ему вполнѣ все богатство силъ его. За то Руссо говоритъ откровенно, что первое зло большихъ городовъ—общество, въ которомъ люди должны быть

совсѣмъ не тѣми, каковы они на самомъ дѣлѣ. Даже англійскій поэтъ Муръ объясняетъ, что въ городѣ живется плохо оттого, что городъ создалъ человѣкъ, тогда какъ деревню создалъ Богъ. Каково же приходится жить въ нашемъ городѣ, созданномъ уже положительно прихотью одного человѣка, если и не «разсудку вопреки»,—припоминая стихъ Грибоѣдова, то уже во всякомъ случаѣ «на перекоръ стихіямъ». Въ статьяхъ моихъ я разбиралъ подробно, какъ живетъ Петербургъ, и кто живетъ въ немъ, какія въ немъ существуютъ маніи и житейскія непріятности, какъ въ немъ сочиняются новости и устроивается дачная жизнь, какъ онъ веселится, встрѣчаетъ новый годъ, путешествуетъ, купается, посѣщаетъ театры, слушаетъ итальянскую оперу, составляетъ домашніе спектакли. Думаю, что эти очерки представляютъ достаточно полную картину столичной общественной жизни въ началѣ сороковыхъ годовъ, со всѣми ея особенностями, странностями, недостатками, съ ея нравственною приниженностью и апатіею, съ ея лжеманіею и чиноманіею, съ ея эгоизмомъ и пышностью, проникающими во всѣ слои населенія, гдѣ въ высшій кругъ попадаетъ всякій, кто разбогатѣетъ какимъ бы то ни было средствомъ, гдѣ средній кругъ никакъ не хочетъ признаться въ томъ, что онъ средній, а низшій считаетъ себя среднимъ. Но и въ двухъ послѣднихъ кругахъ неуклонно исполняютъ золотое правило современнаго эгоизма: «не дѣлай никогда самъ того, что̀ можешь заставить дѣлать другого», а въ высшемъ кругу эта аксіома выражается еще обширнѣе: «не дѣлай для другого ничего, что̀ можешь сдѣлать для самого себя».

Я уже говорилъ, что начало сороковыхъ годовъ далеко не походило на конецъ ихъ, но петербургское общество начинало уже чаще пробуждаться отъ своей вѣчной спячки и интересоваться великими произведеніями, появившимися въ теченіе 1842—46 гг. Потому не одинъ литературный міръ былъ огорченъ смертью лучшаго цензора того времени Петра Александровича Корсакова. Это былъ вполнѣ образованный и истинно добрый человѣкъ. Литературное поприще свое онъ началъ 17-ти лѣтъ, издавъ два объемистыхъ тома собранія путешествій во внутреннюю Африку, въ 1807 году, и въ томъ же году поступилъ на службу при русской миссіи въ Голландіи, гдѣ провелъ четыре года, изучивъ основательно голландскій языкъ. Въ 1812 году онъ вступилъ въ петербургское ополченіе, гдѣ сошелся съ моимъ отцомъ. Поступивъ потомъ вмѣстѣ въ масонскую ложу св. Михаила, они остались друзьями до смерти Корсакова. Міровыя событія того времени настроили его на патріотическій тонъ и онъ написалъ нѣсколько стихотвореній на разныя побѣды, не мало торжественныхъ гимновъ, кантатъ, «Храмъ славы истинныхъ героевъ» и пр. Потомъ онъ сталъ работать для театра, переводилъ пьесы, оперу Изуара «Жокондъ,

или искатели приключеній», написалъ трагедію въ стихахъ «Маккавеи», изъ еврейской исторіи, наконецъ, въ 1817 году, издавалъ журналъ, сначала подъ названіемъ «Русскій пустынникъ», потомъ съ половины года перекрестилъ его въ «Сѣвернаго Наблюдателя»— нравственное, сатирическое, литературное и политическое изданіе. Журналъ не пошелъ — и Корсаковъ обратился къ службѣ, какъ единственному занятію, дающему обезпеченный кусокъ хлѣба въ Россіи. Онъ былъ не богатъ, хотя и владѣлецъ сколькихъ-то душъ, и долженъ былъ своимъ трудомъ содержать семью, тогда какъ братъ его, женившись на послѣдней отрасли дома Дондуковыхъ, получилъ за нею въ приданое, кромѣ деревень, княжескій титулъ и мѣсто, на которомъ его заклеймилъ Пушкинъ безсмертнымъ шестистишіемъ. Въ 1835 году, Петръ Александровичъ былъ сдѣланъ цензоромъ, и въ печати снова стали появляться его труды, сначала очерки голландской литературы, біографія поэта Катса, потомъ романъ «Креолка и европеецъ», повѣсть «Приключенія бѣднаго сироты». Въ 1840 году, онъ принялъ дѣятельное участіе въ изданіи «Маяка». Вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ Л. А. Меемъ я послалъ изъ лицея въ томъ же году нѣсколько стихотвореній въ этотъ журналъ. Они были напечатаны, но вмѣстѣ съ тѣмъ Корсакову почему-то вздумалось написать мнѣ посланіе въ стихахъ «Совѣты друга», въ которыхъ называлъ меня преемникомъ Пушкина. Я въ свою очередь, конечно, отвѣчалъ также посланіемъ, въ которомъ счелъ долгомъ дать ему эпитеты «наставника и цѣнителя Пушкина»—такъ какъ Корсаковъ былъ его цензоромъ; я говорилъ о высокой роли «быть покровителемъ искусства, совѣты опыта давать, настроить молодую лиру на чистый, звучный, вѣрный тонъ», просилъ благословить поэта на высокое призванье. Для девятнадцатилѣтняго стихотворца было конечно очень лестно получить, на первыхъ шагахъ своего поприща, одобреніе такого опытнаго писателя и цензора—и я сожалѣлъ, что не сохранилъ его посланія. Вмѣстѣ съ другими автографами и разными не печатными произведеніями, соединенными въ одну тетрадь, оно было взято другимъ моимъ товарищемъ, М. Н. Лонгиновымъ, который, какъ записной библіофилъ и собиратель всякихъ литературныхъ курьезовъ, счелъ удобнымъ пріобщить и мою тетрадь къ своей замѣчательной колекціи, о которой однако, какъ и о его рѣдкой библіотекѣ, и не подумали позаботиться наслѣдники талантливаго библіографа и отщепенца русской литературы.

Оставаясь цензоромъ моихъ первыхъ произведеній, Корсаковъ продолжалъ относиться ко мнѣ чрезвычайно благосклонно и хотя въ 1842 году цѣликомъ закрестилъ мою большую поэму «Взглядъ императрицы», изъ царствованія Екатерины II, но съ моей стороны было непостижимымъ промахомъ представить въ тогдашнюю цензуру такую вещь. Во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ отстаивалъ

меня сколько могъ. Въ домѣ его я встрѣчалъ всегда самый радушный пріемъ. Его милыя, образованныя дочери оказывали большое вниманіе начинающему писателю, хотя въ ихъ гостиной собирались люди уже составившіе себѣ литературную извѣстность, какъ напр., Кукольникъ, драмы котораго не сходили тогда со сцены. Другъ Брюлова и Глинки, представителей русской живописи и музыки, онъ самъ считалъ себя представителемъ русской поэзіи и надо сознаться, большинство нашей публики раздѣляло тогда это мнѣніе, тѣмъ болѣе, что чарующіе звуки лермонтовскихъ стиховъ не находили достойныхъ отголосковъ въ произведеніяхъ молодыхъ поэтовъ того времени. Не смотря на всѣ старанія «Отечественныхъ Записокъ» направить эстетическіе вкусы читателей на истинный путь, партія «Сѣверной Пчелы» и «Библіотеки для Чтенія» была еще очень сильна и имѣла многочисленныхъ приверженцевъ. А къ нимъ въ 1840 году присоединился еще «Маякъ», этотъ представитель «опозиціи застоя и мракобѣсія», какъ его называлъ Аполлонъ Григорьевъ. Но о тлетворной цѣли и позорной дѣятельности этого журнала критикъ могъ говорить прямо только двадцать лѣтъ спустя (въ журналѣ «Время» 1861 года, № 5), а въ тогдашнюю эпоху открыто возстать противъ него было не легко, такъ какъ онъ прикрывалъ свои ретроградныя тенденціи благочестіемъ, православіемъ и народностью, и распространялъ идеи обскурантизма, какъ говоритъ Грибоѣдовъ: «все подъ личиною усердія къ царю». Дѣятельное участіе такого честнаго и добродушнаго писателя, какъ Корсаковъ, въ такомъ журналѣ объяснялось въ старомъ ополченцѣ, помимо его шовинистскаго и отсталого направленія, желаніемъ увеличить свои средства доходами по изданію. Для этой же цѣли онъ давалъ свое имя разнымъ книгопродавческимъ, хотя и полезнымъ предпріятіямъ, какъ переводы «Робинзона Крузе» Дефо (1843 г., 2 части) и «Воспоминанія слѣпого» Араго (1844 г., 2 части). Эти переводы только редактировались Корсаковымъ, а работали надъ ними другія лица. Переводъ Робинзона съ англійскаго подлинника былъ даже и хорошимъ дѣломъ, такъ какъ въ то же время вышелъ другой, съ нѣмецкой передѣлки Кампе. А между тѣмъ этотъ второй переводъ, принадлежащій Межевичу, въ скоромъ же времени достигъ третьяго изданія (1842, 1846 и 1859 гг.), тогда какъ лучшій трудъ Корсакова не имѣлъ успѣха. Habent sua fata libelli. Но появленіе имени уважаемаго цензора, какъ редактора неуважаемаго журнала во всякомъ случаѣ было неудобно и едва ли прилично. Имя второго редактора С. Бурачка, выставляемое на обложкѣ «Маяка» не смягчало непріятнаго впечатлѣнія, производимаго ретроградными выходками журнала подъ флагомъ цензуры.

Бурачекъ, не смотря на всѣ усилія обратить на себя вниманіе рѣзкими выходками противъ просвѣщенія и прогресса, не имѣлъ никакого значенія въ журналѣ. Этотъ полупомѣшанный обскурантъ,

не разъ лечившійся въ пріютахъ для душевно больныхъ и пѣвшій пѣтухомъ на крышѣ своего домика, на окраинѣ Васильевскаго острова, такъ и умеръ не составивъ себѣ никакого литературнаго имени, не смотря на свое редакторство. Нелюдимъ, мрачнаго вида, онъ почти вовсе не появлялся въ гостиной своего товарища по редакціи, гдѣ, въ послѣднее время, преобладающая роль принадлежала Кукольнику, въ которомъ другіе посѣтители видѣли гордость и славу русской литературы. Но этотъ бойкій и нелишенный остроумія ораторъ на холостыхъ пріятельскихъ сходкахъ, въ гостиной Корсакова держалъ себя очень скромно, рѣдко пускался въ разглагольствованія объ искусствѣ и творчествѣ и разъигрывалъ даже скорѣе роль вздыхателя по одной изъ царицъ общества, чѣмъ роль проповѣдника великихъ поэтическихъ истинъ. Вздыханія его по очень умной, симпатичной дѣвушкѣ, высказывавшіяся въ усиленномъ писаніи къ ней стиховъ и въ открытомъ ухаживаніи за нею, приняли такой настойчивый характеръ, что стали ходить слухи о его матримоніальныхъ намѣреніяхъ. Ему было лѣтъ 35 и, кромѣ литературныхъ занятій, приносившихъ ему порядочныя выгоды, онъ служилъ въ военномъ министерствѣ по провіантской части—стало быть былъ женихъ хоть куда. Онъ не скрывалъ своего расположенія къ дѣвушкѣ, у сестры которой былъ также горячій поклонникъ и также поэтъ только лѣтъ на десять помоложе. Посѣтители Корсакова начали серьезно считать женихами обоихъ поэтовъ, но всѣ эти проекты кончились съ неожиданной смертью Корсакова 11-го апрѣля 1844 года. Онъ захворалъ еще въ концѣ марта и умеръ на 56 году, далеко не старымъ человѣкомъ. Его дочери и всѣ родные были поражены этой кончиной. Семья его вскорѣ же покинула Петербургъ и поселилась въ деревнѣ. Сыновей онъ не оставилъ. Послѣднимъ и самымъ замѣчательнымъ его трудомъ, вышедшимъ за нѣсколько дней до его смерти, былъ «Опытъ Нидерландской антологіи», собраніе переводовъ въ стихахъ — голландскихъ поэтовъ. Вмѣстѣ съ его критическими статьями о Іостѣ ван-Фондель, Якобѣ Катсѣ, Бильдердейкѣ и другихъ корифеяхъ голландской литературы, антологія составляетъ единственную книгу на русскомъ языкѣ, изъ которой можно ознакомиться съ этой литературой. Ни до Корсакова, ни послѣ него, никто не занимался ею, и даже Межовъ въ своей «Исторіи русской и всеобщей словесности», не упоминаетъ вовсе ни имени Корсакова, ни его произведеній. Наша литература такъ скоро забываетъ своихъ дѣятелей, что напоминаніе о нихъ становится далеко не лишнимъ. Только Кукольникъ, принужденный отказаться отъ своихъ матримоніальныхъ плановъ и женившійся впослѣдствіи на домоправительницѣ финляндскаго происхожденія, посвятилъ Корсакову небольшую статью въ своей «Иллюстраціи», которую началъ издавать въ 1845 году, да въ словарѣ Старчевскаго помѣщена

краткая біографія этого далеко не бездарнаго писателя и хорошаго человѣка. Забывать его не слѣдовало, какъ ни прискорбно было его участіе въ «Маякѣ», хотя это участіе конечно не мало способствовало этому забвенію. Къ тому же, въ ноябрѣ того же 1844 года, Россія понесла такую утрату въ лицѣ своего геніальнаго баснописца Крылова, что эта кончина, вмѣстѣ со смертью общеевропейскихъ дѣятелей, какъ Торвальдсенъ, Жофруа-Сент-Илеръ, Нодье, Делавинь и др., могла легко заставить забыть о потерѣ Петра Александровича Корсакова, отъ котораго литература была вправѣ ждать еще многихъ полезныхъ трудовъ.

Другой, также слишкомъ рано кончившій свое поприще редакторъ и писатель, съ которымъ я сошелся еще при жизни Корсакова, также заслуживаетъ того, чтобы о немъ сказать нѣсколько словъ, хотя онъ забытъ еще больше. О немъ, не только у Межова, но и въ словарѣ Толя не сказано ни слова. Умеръ онъ 35-ти лѣтъ, тоесть двадцатью годами моложе Корсакова, а между тѣмъ сдѣлалъ больше чѣмъ тотъ и вообще былъ образованъ глубже и многостороннѣе. Московскій уроженецъ, Василій Степановичъ Межевичъ, знакомый Краевскому, какъ хорошій учитель, пріѣхалъ въ Петербургъ 25-тилѣтнимъ юношею и принялъ дѣятельное участіе въ редакціи «Литературной Газеты», преобразованной Краевскимъ, который хотѣлъ сначала поручить Межевичу вести критическій отдѣлъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», но, сойдясь съ Бѣлинскимъ, предоставилъ своему товарищу мѣсто критика не въ журналѣ, а въ газетѣ. Межевичъ еще въ Москвѣ былъ извѣстенъ серьезными трудами: въ 1835 году была напечатана его рѣчь «о народности въ жизни и поэзіи». Еще раньше онъ заявилъ себя, какъ опытный педагогъ, своимъ изслѣдованіемъ системы взаимнаго обученія и переводомъ «Методы всеобщаго обученія» Жакото. Критическое поприще онъ началъ въ «Телескопѣ». Панаевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» выставляетъ его совершенной бездарностью, но это также несправедливо, какъ утвержденіе этого литературнаго хлыща, что Бѣлинскій, добиваясь всѣми силами попасть въ «Отечественныя Записки», упрашивалъ расхваливать его Краевскому. Подобныя упрашиванія были бы совершенно безцѣльны, такъ какъ Краевскій, съ первыхъ же дней знакомства съ Панаевымъ, втершимся въ новый журналъ, не вѣрилъ ни одному слову этого юркаго сотрудника, одержимаго колосальною лжеманіей. Межевичъ заявилъ себя въ Москвѣ и здѣсь разнородными трудами: онъ переводилъ Манцони, Кампе, издавалъ «Кабинетъ для чтенія», собраніе лучшихъ статей изъ иностранныхъ журналовъ, составилъ юмористическій сборникъ «Колосья», въ родѣ «Осъ» Альфонса Карра, писалъ театральныя пьесы и рецензіи. Таланта разносторонняго, хотя и не блестящаго у Межевича нельзя отнять, но нравственныя качества его были не привлекательны. Онъ вскорѣ же разошелся съ Краевскимъ, пе-

рѣшелъ въ булгаринскую партію и началъ сотрудничать въ «Сѣверной Пчелѣ». Какъ благонамѣренный литераторъ, онъ былъ выбранъ редакторомъ офиціальныхъ «Вѣдомостей петербургской городской полиціи», основанныхъ въ 1839 году и выходившихъ сначала по два раза въ недѣлю, съ 1843 года—по три, а съ 1847-го ежедневно. Въ томъ же 1839 году Песоцкій основалъ театральный журналъ «Репертуаръ», имѣвшій первые два года большой успѣхъ. Какъ истинно русскій издатель, Песоцкій, вмѣсто того, чтобы заботиться объ улучшеніи журнала, тотчасъ же завелъ на подписныя деньги пару рысаковъ и столько же француженокъ. Но на третій годъ подписка уменьшилась и дѣла пошли хуже. Упадку ихъ содѣйствовало также появленіе другого, тоже театральнаго изданія «Пантеонъ», основаннаго въ 1840 году Ѳ. А. Кони; издателемъ былъ такой же аферистъ какъ Песоцкій—Поляковъ, но имѣвшій свой книжный магазинъ, котораго у Песоцкаго никогда не было. Существованіе двухъ журналовъ съ одинаковою цѣлью и направленіемъ было конечно излишнею роскошью и, въ 1842 году, оба они были при послѣднемъ издыханіи и Кони отказался отъ редакторства. Для своего спасенія журналы рѣшились соединиться, и въ 1843 году явился «Репертуаръ и Пантеонъ русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ» подъ редакціей Межевича. Онъ самъ много работалъ въ журналѣ, писалъ біографіи русскихъ и иностранныхъ драматурговъ и артистовъ, составлялъ компиляціи, статьи по теоріи искусства, но разборъ пьесъ и вообще театральную критику поручилъ мнѣ, также какъ отдѣлъ заграничныхъ сценическихъ новостей и юмористику. Три года журналъ шелъ недурно, но у издателя не было средствъ поддержать его—и онъ прекратился на 7-й книжкѣ 1846 года.

Черезъ два года съ небольшимъ другое редакторство Межевича въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» окончилось еще печальнѣе. На 54-мъ нумерѣ газеты редакція ея была взята у Межевича и передана И. Мокрицкому. Произошли какія-то «недоразумѣнія» по счетамъ редакціи съ полиціей, при сдачѣ въ казну денегъ за объявленія—исторія обычная вездѣ, гдѣ одно лицо завѣдуетъ чужими деньгами и можетъ держать ихъ у себя хотя бы самое короткое время, не сдавая ихъ куда слѣдуетъ. Чѣмъ позже и рѣже приходится отдавать отчетъ въ казенныхъ деньгахъ, тѣмъ возможнѣе «по разсѣянности» смѣшать ихъ со своими и послѣдствія отъ этого выходятъ весьма печальныя. Для Межевича они были тѣмъ печальнѣе, что незадолго передъ тѣмъ, его постигло семейное горе: умерла жена его, съ которою, годъ тому назадъ, случилось большое несчастіе—ее разбили лошади и она прострадала очень долго, несмотря на всѣ старанія докторовъ оказать ей помощь. Старанія эти конечно не дешево стоили мужу и должны были заставить его выдти изъ скромнаго бюджета обыденныхъ домашнихъ расхо-

довъ и безъ того съ трудомъ покрываемыхъ его редакторскимъ жалованьемъ и литературными доходами. Это конечно не оправдываетъ его «недоразумѣній» съ казною, но отчасти объясняетъ ихъ. Къ сожалѣнію, гласнаго суда тогда не было и вѣдомство, къ которому принадлежалъ Межевичъ—какъ дѣлаютъ это, впрочемъ, и теперь многія вѣдомства—сочло своимъ долгомъ не доводить до гласности проступка чиновника и уволило его на основаніи такого-то пункта. Газеты не смѣли понятно заикнуться о причинахъ увольненія, но въ городѣ много говорили объ этомъ случаѣ и иные были на сторонѣ Межевича, находя растрату казенныхъ суммъ совершенно незначительною, а кару за нее слишкомъ тяжелою. Интересъ къ судьбѣ его увеличился, когда, черезъ полгода послѣ отставки, Межевичъ умеръ скоропостижно, въ сентябрѣ того же 1849 года. О причинѣ смерти 35-тилѣтняго здороваго человѣка также не было ни одного слова въ печати. Одни толковали, что причина смерти—бѣдственное, одинокое положеніе всѣми оставленнаго писателя, другіе приписывали самовольную кончину его—упрекамъ совѣсти и боязни суда за вновь обнаруженныя злоупотребленія по изданію «Полицейской газеты». Такъ и осталось неразгаданнымъ это дѣло, какъ и многія литературныя и административныя дѣла.

У Межевича не было ни дѣтей, ни семьи, ни родныхъ. Все имущество его распродали, послѣ его смерти, съ публичнаго торга. Я пріобрѣлъ на аукціонѣ нѣсколько рѣдкихъ книгъ изъ его библіотеки и довольно оригинальный письменный столъ, доставшійся ему отъ петербургскаго оберъ-полиціймейстера Кокошкина. Съ тѣхъ поръ на этомъ столѣ, вмѣсто полицейскихъ донесеній, сорокъ лѣтъ строчатся произведенія болѣе или менѣе литературныя. Межевичъ былъ характера слабаго, нерѣшительнаго, несообщительнаго. Маленькаго роста, чрезвычайно худощавый, бѣлокурый, близорукій; онъ былъ неразговорчивъ и даже въ бесѣдахъ съ близкими людьми объяснялся нескладно и далеко не краснорѣчиво. Но сердце у него было мягкое, доброе. Онъ охотно признавалъ въ другихъ превосходство таланта и отдавалъ справедливость всякому дарованію, даже легко подчинялся вліянію другихъ. Не смотря на его нелюдимость, во время редакторства, у него собирался иногда по вечерамъ небольшой кругъ сотрудниковъ, умно и горячо оратор-ствовалъ Аполлонъ Григорьевъ — но только до ужина, послѣ котораго онъ былъ уже невмѣняемъ; пѣлъ Варламовъ разбитымъ, надтреснутымъ, но полнымъ выраженія голосомъ свои задушевные романсы, до сихъ поръ незабытые, хотя и недостаточно оцѣненные музыкальной критикою. Бывалъ тутъ и издатель «Репертуара», Песоцкій, задумавшій поправить выгодною женитьбою уже давно колебавшіяся дѣла свои. Не говоря ни слова по-французски, онъ женился на француженкѣ, которой покровитель-

ствовалъ извѣстный тогда придворный метрдотель Эмберъ. Свадьба эта, бывшая въ январѣ 1845 года, произвела нѣкотораго рода сенсацію въ среднемъ петербургскомъ обществѣ. По поводу этой свадьбы заговорили о «сліяніи сословій», которое и въ наше время прививается очень туго. Отпраздновали ее съ большою роскошью, свадебный балъ былъ великолѣпенъ, музыка прекрасная, угощеніе, ужинъ, вина, доставленные Эмберомъ, самые тонкіе. Но на балу господствовала самая странная «смѣсь одеждъ и лицъ». Были приглашены писатели, купцы, актеры, офицеры, сенаторы, генералы, придворные чины и повара. Балъ отличался отсутствіемъ всякой церемонности и этикета. Дочери извѣстнаго историка и генералъ-лейтенанта М. Д., фрейлины, очень усердно отплясывали кадрили рядомъ съ купеческими приказчиками и французскими магазинщицами, къ цеху которыхъ принадлежала молодая. Ригоризмъ николаевскаго времени осуждалъ это смѣшеніе сословій, но большинство публики было имъ довольно.

Свадьба не поправила, однако, положенія Песоцкаго: говорили, что за женою онъ далеко не получилъ того, что ему было обѣщано. Вообще, кромѣ первыхъ годовъ «Репертуара», всѣ книжныя предпріятія его не удавались, хотя онъ, какъ говорится, бросался во всѣ стороны и затѣвалъ множество изданій. Въ 1842 году, имѣли успѣхъ, впрочемъ весьма эфемерный, маленькія книжки, выходившія не періодически, въ форматѣ «Осъ» Альфонса Карра. Этотъ сборникъ анекдотовъ, мыслей, остротъ, мелкихъ замѣтокъ о современной жизни, передѣланный на русскіе нравы, оказался у насъ весьма щедушнымъ и недолговѣчнымъ. Появленіе такихъ брошюръ началось съ «Комаровъ» Булгарина, которымъ редакторъ «Сѣверной Пчелы» придалъ второй заголовокъ своего газетнаго фельетона «Всякая всячина». Выпуска два были прочтены съ любопытствомъ, но потомъ, видя въ нихъ тѣ же грязныя сплетни и ту же рекламу разнымъ торговцамъ, какъ и въ «Пчелѣ», публика перестала интересоваться ими. Князь Вяземскій написалъ на нихъ злую эпиграму, начинавшуюся стихомъ: «Комаръ твой—не комаръ, а развѣ клопъ вонючій». Гораздо чище и серьезнѣе были «Колосья» Межевича, но и ихъ вышелъ только «Снопъ первый»; второй вовсе не появлялся. Нѣсколько бо́льшій успѣхъ имѣли «Статейки въ стихахъ безъ картинокъ», но съ хорошенькою виньеткою. Издалъ ихъ режиссеръ Александринскаго театра Н. И. Куликовъ съ Некрасовымъ. Нашъ поэтъ не писалъ еще тогда своихъ соціальныхъ сатиръ, не былъ «печальникомъ народнаго горя», а сочинялъ и переводилъ водевили и драмы для русской сцены. Ставя своего «Петербургскаго ростовщика», онъ сошелся съ Куликовымъ, и они издали, въ февралѣ 1843 года, книжечку въ 16-ую долю, въ 32 страницы. Начиналась она «Встрѣчею стараго 1842 года съ новымъ 1843-мъ», написаною Куликовымъ. Это—обычная бесѣда, «на оконечности

земной» года, отходящаго въ вѣчность съ своимъ наслѣдникомъ. Сорокъ второй годъ жалуется, что люди, «разводя каждую каплю добра моремъ злодѣяній», оправдывая себя, говорятъ: «такой ужъ годъ дурной!» А между тѣмъ «честь, дружба, трудъ, любовь, умъ, чувство и душа поверглись въ прахъ предъ золотымъ кумиромъ и жажда прибыли, и алчность барыша теперь владѣютъ цѣлымъ міромъ». Сорокъ третій годъ указываетъ на «кого-то со звѣздой» дающаго обѣтъ не гнать сиротъ и вдовъ, не слушаться плутовъ и службой заниматься. «Объѣлся онъ и захворалъ, — говоритъ сорокъ второй, — и мысль пришла ему о смерти; палилъ огонь, давили черти, онъ испугался, задрожалъ, но только боль пройдетъ въ желудкѣ—онъ все забудетъ въ тѣ же сутки».— «Вотъ блудный сынъ, игрокъ и мотъ, у ногъ отца лежитъ, рыдая и о прощеньи умоляя».—«Тутъ тонкой подлости расчетъ: срокъ векселей—на новый годъ».—«Вотъ литераторовъ семья, безъ желчи, зависти и злости, чтобъ встрѣтить новый годъ сошлись другъ къ другу въ гости»—«Воистину примѣрные друзья—до первой только кости».—«Вотъ журналистъ и патріотъ! казнитъ перомъ, шестой десятокъ, развратъ, порокъ, не терпитъ взятокъ»...—Пера безъ взятки не возьметъ: съ нагого стащитъ взятку! За деньги пляшетъ круглый годъ патріотически въ присядку!» За этою бесѣдою, написанною бойкими стихами, слѣдуетъ большой юмористическій фельетонъ въ стихахъ, Некрасова, подъ названіемъ «Говорунъ. Записки петербургскаго жителя Ѳ. А. Бѣлопяткина». Они перепечатаны въ послѣднемъ посмертномъ изданіи стихотвореній поэта и въ полномъ собраніи 1881 года въ одномъ томѣ (съ выпускомъ только четырехъ строкъ), но странно, что упоминая даже о томъ, что Некрасовъ писалъ по заказу книгопродавца Полякова азбуки и сказку «Баба-Яга», составитель біографіи поэта не говоритъ ни слова о «Статейкахъ въ стихахъ». Правда они въ 1881 году были уже библіографической рѣдкостью. Вторая книжечка вышла въ іюнѣ 1843 года уже въ сорокъ страницъ со второю главою «Говоруна», гдѣ описывались, какъ и въ первой, петербургскія новости того времени: Рубини и его концерты, циркъ и пр.

Въ этой же книжкѣ была помѣщена моя фантастическая сказка «Жизнь и люди». (Отрывки изъ нея помѣщены и въ хрестоматіи Гербеля «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ»). Дѣйствіе ея происходитъ «на границахъ міросданія съ безпредѣльностью и хаосомъ». На этой чертѣ между вѣчной жизнью и пустымъ небытіемъ Духъ жизни останавливаетъ тѣни умершихъ людей, стремящихся къ источнику жизни и спрашиваетъ: «прежде чѣмъ вамъ жить вѣчно, скажите какъ въ мірѣ вы временно жили и смертью достойны ли жизнь получить?» Является семь представителей русскаго общества и всѣхъ ихъ Духъ жизни отправляетъ въ небытіе, потому что на землѣ они жили не такъ какъ слѣдуетъ. У меня

было такихъ представителей девять, но двумъ изъ нихъ цензура вовсе не позволила жить и уморила ихъ до появленія въ печати. Сначала цензоръ запретилъ всю сказку. Это былъ добрѣйшій и пустѣйшій Амплій Николаевичъ Очкинъ, редакторъ «Санктъ-Петербургскихъ Вѣдомостей». Большого труда стоило мнѣ убѣдить его—пропустить совершенно невинную фантазію; онъ все твердилъ, что она противорѣчитъ общепринятымъ понятіямъ о загробной жизни.—Да вѣдь это сказка, поэтическій бредъ—твердилъ я ему—и только этимъ аргументомъ удалось мнѣ склонить его подписать разрѣшеніе къ печати, хотя и съ исключеніемъ двухъ лицъ и нѣсколькими передѣлками. Такъ мой «вельможа» превращенъ былъ въ «важнаго человѣка», который «любилъ порядокъ, симетрію, а вольнодумства не любилъ и нашу славную Россію съ утра и до ночи хвалилъ; на службѣ только лишь считался, имѣя мѣсто при дворѣ, и въ разговоры не мѣшался о Богѣ, правдѣ и добрѣ». Въ типѣ «Помѣщика» оказалось почему-то непозволительнымъ названіе деревни «Сонницы, гдѣ дрожали всѣ оконницы, какъ съ друзьями онъ кутилъ». Но вообще этотъ типъ 1843 года вышелъ цѣльнымъ и рельефнымъ и уже никакъ не былъ бы пропущенъ въ 1848 году, особенно цензоромъ моей «Литературной Газеты» Елагинымъ. Онъ бы конечно скорѣе повѣсился, чѣмъ подписалъ такіе стихи:

Я заморской тарабарщинѣ
Не учился никогда.
Дѣвки—круглый годъ на барщинѣ,
Да такія что бѣда.
На крестьянъ моихъ мошенниковъ
Дворня дюжая моя
Извела не мало вѣниковъ...
Какъ же, хамова семья!
Не на толь они родилися,
Чтобы барину служить,
А туда же нарохтилися
Для себя копить и жить!
И за то они разбойники,
Какъ прибралъ меня Творецъ—
Вотъ какъ выли по покойникѣ,
Растащивши погребецъ.

Въ типахъ актрисы, сочинителя, льва, барышни, труженика, цензоръ не дѣлалъ существенныхъ урѣзокъ, хотя нѣкоторыя помарки его остались непостижимыми загадками. Такъ въ изображеніи эксплуатируемаго редакторомъ жалкаго газетнаго сотрудника (тогда еще ихъ не называли репортерами) выброшены стихи «Душа забыла и стыдъ и честь—вѣдь надожъ было и пить и ѣсть». Въ портретѣ мелкаго чиновника исключены стихи: «Писалъ при всемъ стараніи я рядомъ ровныхъ словъ, но гдѣ властей названіе—тамъ буквы въ пять вершковъ. Покорность и приличіе —вотъ главный мой

законъ, за то я за отличіе былъ въ чинъ произведенъ». Въ портретѣ свѣтскаго хлыща или льва, считающаго себя поклонникомъ свободы, выброшено это слово и стихи «Для устройства Россіи тайкомъ я имѣлъ планъ чудесный—чего онъ мнѣ стоилъ! Еслибъ дали мнѣ власть—пусть бы дворъ посмотрѣлъ, какъ бы все я прекрасно устроилъ». Но передъ исключеніемъ цѣлаго типа свѣтской дамы рѣшительно становишься въ тупикъ. Эта представительница большого свѣта говоритъ: «я очень весело жила и очень жить любила. Мой мужъ былъ точно добрый мужъ, простъ, важенъ чрезвычайно и вѣчно занятъ, и къ томужъ еще совѣтникъ тайный. Я жизнь примѣрную вела. Толпа не догадалась, кого я въ свѣтѣ избрала, кому я отдавалась. Хоть не изъ знатныхъ былъ онъ львовъ, но ктожъ того не знаетъ, что состоянія любовь у насъ не разбираетъ». Что же въ этомъ портретѣ было новаго и непозволительнаго? Понятно было въ николаевское время исключеніе типа армейскаго офицера, частная жизнь ихъ, особенно въ далекихъ гарнизонахъ, была дѣйствительно непривлекательна, хотя это не мѣшало имъ являться истинными героями на поляхъ битвы. Но жизнь эта теперь уже давно сдѣлалась достояніемъ печати и перешла уже въ преданіе, такъ какъ нынѣшніе преемники эпохи шагистики и бурбонства далеко не похожи на армейцевъ сороковыхъ годовъ. Поэтому я позволяю себѣ воспроизвести этотъ типъ частной офицерской жизни, и тогда впрочемъ далеко не общей—чтобы видѣть громадную разницу между тѣмъ, что было полвѣка назадъ и что теперь.

Я жизнь провелъ въ ученьяхъ и смотрахъ,
Да на дежурствѣ въ караулѣ,
Гдѣ киверъ голову разломитъ такъ что страхъ,
Прилечь нельзя и сидя спишь на стулѣ.
На мнѣ сидѣлъ прекрасно мой мундиръ—
Такъ чисто низачто не нарисуешь.
Мнѣ разъ сказалъ бригадный командиръ:
«Ты, братецъ, живописно маршируешь!»
Я былъ въ полку герой и молодецъ.
Начальники меня любили, отличали,
Въ столицу разъ, какъ образецъ
Мундировъ новой формы, посылали.
Я лучше всѣхъ умѣлъ закручивать усы,
Взъерошить бакенбарды щеткой,
Подчасъ завиться для красы
И увиваться за красоткой.
Умѣлъ искусно дымъ я носомъ выпускать,
Придумать кстати каламбуры
И эполетами встряхнувши, выступать,
Пристукнувъ каблукомъ въ концѣ второй фигуры.
Хоть службой заняты мы всѣ въ родномъ краю,
Успѣлъ прочесть я три романа.

Съ гитарою бывало все пою:
«Звукъ унылый фортепьяна
«Выражай тоску мою».
Я декламировать умѣлъ стихи Баркова,
Понтерку во время умѣлъ загнуть подчасъ.
Но какъ-то подзадорясь разъ,
Хватилъ ужъ черезъ край арачку дорогого—
Да и отправился тотчасъ.

«Статейки въ стихахъ» разошлись быстро, но стоя очень дешево, не могли принести выгодъ издателямъ и прекратились на второмъ выпускѣ. Въ подражаніе имъ Песоцкій задумалъ издавать «Побрякушки», сборникъ мелкихъ статеекъ въ стихахъ и прозѣ, но первый выпускъ, появившійся въ апрѣлѣ былъ слишкомъ малъ—всего 8 страницъ съ двумя стихотвореніями и двумя десятками анекдотовъ, мыслей, остротъ, эпиграмъ. Предпріятіе лопнуло на третьемъ выпускѣ. Анонимнымъ редакторомъ его и единственнымъ составителемъ былъ я, по просьбѣ Песоцкаго, хотя дешевое остроуміе уличной литературы вовсе не въ моемъ характерѣ, да и при усилившейся строгости тогдашней цензуры эта литература, питающаяся осмѣяніемъ мелкихъ недостатковъ, сплетнями и скандалами, вскорѣ сдѣлалась совершенно невозможною и возобновилась съ новою силою только въ новое царствованіе, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, пока не сосредоточилась окончательно въ уличныхъ листкахъ такъ называемой мелкой прессы. Печальнѣе всего было господство пошлости на русской сценѣ, гдѣ почти безраздѣльно царствовалъ пустой водевиль, привлекавшій всегда многочисленную публику и возбуждавшій ея телячій восторгъ. Въ водевиляхъ 1842—43 гг. написанныхъ Ленскимъ, Каратыгинымъ 2-мъ, Кони, въ «Булочной», «Ложѣ перваго яруса», и др. была веселость, соль, острота. Съ 1844 года въ «Герояхъ преферанса», «Полькѣ въ Петербургѣ» и подобныхъ имъ произведеніяхъ Григорьева 1-го была уже одна пошлость. И теперь въ Петербургѣ винтеровъ не меньше, чѣмъ въ сороковыхъ годахъ было преферансистовъ, но подвиги ихъ совершаются подъ мирною сѣтью клубовъ, а не переносятся на сцену и не воспѣваются драматическою литературою. А въ 1844 году, «Герои преферанса», поставленные въ ноябрѣ, съиграны были до конца года 24 раза («Полька» 31 разъ) и привели въ такой восторгъ публику, что она, переполняя всякій разъ залу театра, напѣвала безъ устали не только въ ней, но въ департаментахъ и на улицахъ такіе милые стишки:

«Ужъ яжъ-те друга милочку
«Доѣду, проучу.
«И въ жилку друга, въ жилочку
«Чувствительно хвачу».

Не въ правѣ ли былъ тогдашній поэтъ, когда говорилъ:

«Да, въ жизни намъ печальный жребій розданъ
«И мы себя мечтой напрасною томимъ:
«Міръ для посредственности созданъ
«И пошлость гордо правитъ имъ».

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличалась вторая половина сороковыхъ годовъ и я постараюсь очертить ее въ послѣднихъ главахъ изъ моихъ замѣтокъ, относящихся къ 1846-му, 1848 и 1849 годамъ.

Вл. Зотовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ [1].

(Выдержки изъ автобіографическихъ замѣтокъ).

IV.

Роль газетъ въ николаевское время.—Вмѣшательство постороннихъ вѣдомствъ въ дѣла печати.—Приглашеніе пожаловать къ генералъ-губернатору.—Обличеніе извозчиковъ и городовыхъ.—Непогрѣшимость полиціи.—Второе приглашеніе къ министру.—Бесѣда о полезности новаго министерства.—Коннозаводство и краснорѣчіе.—Канцеляріи какъ пріюты гласности.—Европа въ 1845 году.—Воронцовъ на Кавказѣ.—Внѣшнія и внутреннія дѣла.—Анекдотъ изъ временъ коронаціи.—Остзейскій баронъ и малороссійскій чиновникъ.—Появленіе «Иллюстраціи».—Первая театральная газета.—Театры въ 1844 и 1845 году.—Нужны ли лѣтніе спектакли?—Актрисы французской труппы.—Печальный конецъ блестящихъ существованій.—Аполонъ Григорьевъ какъ театральный критикъ.—Былъ ли онъ славянофиломъ?—Драмы исключительныхъ и повседневныхъ явленій.—Запрещеніе цензурою «Театральной лѣтописи».—Должна ли критика быть снисходительна?—Булгаринская партія.—Гречъ и его эпиграмы.

ЖАЖДА ГЛАСНОСТИ между людьми, соединившимися въ общества, потребность знать все, что дѣлается въ этихъ обществахъ, такъ велики у всѣхъ народовъ, что и при полномъ отсутствіи органовъ этой гласности находятъ возможность удовлетворить стремленію къ ней, развитому въ каждомъ сколько-нибудь интелигентномъ человѣкѣ. Въ древнемъ мірѣ, недодумавшемся до журналистики, были въ большихъ городахъ центры, гдѣ собирались всѣ новости дня. Такими мѣстами были аѳинская агора, римскій форумъ. Въ николаевское время существовали конечно и

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XXXIX, стр. 324.

у насъ, какъ во всемъ образованномъ мірѣ, органы гласности— газеты, но наши газеты созданы были повидимому съ исключительною цѣлью: сообщать только о томъ, что все обстоитъ благополучно и все къ лучшему въ лучшемъ изъ государствъ. Обо всякомъ не благополучномъ событіи, если его уже нельзя было скрыть, въ газетахъ говорилось весьма глухо, коротко и неясно. Объ обличеніи какихъ-нибудь общественныхъ, даже городскихъ и тѣмъ болѣе административныхъ, недостатковъ, нечего было и думать. Во время моей журнальной дѣятельности, помимо очень частыхъ и обязательныхъ визитовъ къ разнымъ начальникамъ печати, я удостоился получить приглашеніе пожаловать къ двумъ важнымъ администраторамъ совершенно постороннихъ вѣдомствъ, но считавшимъ также своею обязанностью надзирать за «слишкомъ много позволявшею себѣ журналистикою», какъ выразился первый изъ этихъ администраторовъ, петербургскій генералъ-губернаторъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ, пригласившій меня къ себѣ уже не въ первый годъ моего редакторства. Не искушенный еще и въ то время въ отношеніяхъ журнальнаго дѣла къ постороннимъ властямъ, я положительно недоумѣвалъ, зачѣмъ понадобилось генералъ-губернатору видѣть «коллежскаго совѣтника», какъ я былъ названъ на пригласительной запискѣ въ третьемъ лицѣ, безъ упоминанія моего редакторскаго званія, очевидно не имѣвшаго никакого значенія для чиновной іерархіи. Въ одной изъ обширныхъ залъ казеннаго дома на Большой Морской чиновникъ попросилъ меня обождать «его высокопревосходительство». Тамъ было еще три просителя или приглашенныхъ. Ждать пришлось не долго. Генералъ-губернаторъ вышелъ въ сюртукѣ съ густыми эполетами, въ сопровожденіи двухъ чиновниковъ, и обратился прежде къ посѣтителямъ, прибывшимъ раньше меня. Говорилъ онъ съ ними довольно громко, но я не считалъ интереснымъ вслушиваться въ разговоръ до меня не касавшійся и отошелъ еще дальше, въ глубину залы. Бесѣда съ тремя лицами была непродолжительна. Игнатьевъ скоро покончилъ съ ними, причемъ сильно упрекалъ въ чемъ-то одного изъ просителей, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ другихъ и повторя нѣсколько разъ: «стыдно вамъ въ вашемъ чинѣ, въ вашемъ положеніи, очень стыдно!» Упрекаемый принималъ жалкія позы, бормоталъ что-то слезливымъ голосомъ въ свое оправданіе, прижимая лѣвую руку къ правому боку, забывъ вѣроятно, что жестъ этотъ надо дѣлать наоборотъ, пересыпая все это безчисленными «превосходительствами». Но Игнатьевъ рѣзко оборвалъ бесѣду съ этимъ посѣтителемъ и обратился къ другому. Было тяжело и непріятно слышать это публичное распеканіе и видѣть, какъ это лицо, приниженное и сконфуженное, пробиралось, бочкомъ и сжавшись, вдоль стѣнъ къ выходу изъ залы. Сказавъ еще нѣсколько словъ остальнымъ

просителямъ, Игнатьевъ быстро подошелъ ко мнѣ и, назвавъ меня вмѣстѣ съ чиномъ и мѣстомъ служенія, прибавилъ:

— Какъ же это, состоя на службѣ правительства, вы позволяете себѣ осуждать правительственныя распоряженія?

Съ минуту ждалъ онъ отвѣта, но видя, что я смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, не понимая въ чемъ дѣло, продолжалъ:

— Вы написали въ вашей газетѣ, что на поворотѣ съ Невскаго въ Морскую, оборванный извозчикъ, бѣшено гнавшій свою лошадь, опрокинулъ старуху, и его не могли догнать городовые?

Я отвѣтилъ не сразу, припоминая, что у меня дѣйствительно говорилъ что-то объ этомъ, въ послѣднемъ нумерѣ газеты, мой фельетонистъ П. М. Шпилевскій.

— Въ фельетонѣ, между другими петербургскими извѣстіями, говорилось и объ этомъ случаѣ. Сотрудникъ мой, пишущій фельетоны, былъ самъ свидѣтелемъ этого факта,—сказалъ я.

— Никакого такого факта и быть не могло,—горячо возразилъ Игнатьевъ: извозчикамъ строго запрещена не только бѣшеная, но даже скорая ѣзда, также какъ и неряшливая одежда, городовымъ отданъ приказъ останавливать всякаго, кто нарушаетъ эти постановленія. Печатая, что ихъ не исполняютъ, вы этимъ обвиняете высшія власти въ нерадѣніи и въ недостаткѣ надсмотра, да еще даете совѣты городовымъ—больше смотрѣть за порядкомъ на улицахъ, чѣмъ зѣвать на проѣзжающіе экипажи. И кто вамъ далъ право давать совѣты?

Я опять не могъ отвѣтить тотчасъ же. Мнѣ прежде всего вспомнилось, что совѣтъ фельетониста былъ не совсѣмъ тотъ, на который указывалъ губернаторъ: совѣтовалось лучше останавливать скачущихъ извозчиковъ, чѣмъ заниматься только прикладываніемъ руки къ козырьку. Но цензоръ никакъ не хотѣлъ пропустить такую страшную фразу и смягчилъ ее, какъ сказано выше. Поэтому я отвѣчалъ послѣ достаточной паузы:

— Полагаю, что полезный совѣтъ можетъ дать всякій, особенно лицо, которому предоставлено право говорить съ публикою въ печати. Городовой—не высшая власть и сказать, что онъ зазѣвался, не значитъ обвинять ее въ недосмотрѣ и нерадѣніи. Сужденіе о причинахъ, почему городовой не задержалъ извозчика, могло быть и ошибочное, но самый фактъ этимъ не опровергается.

— Что вы мнѣ все толкуете о фактѣ,—вскричалъ почти запальчиво Игнатьевъ.—Повторяю вамъ, что такого факта не было, иначе мнѣ объ немъ доложила бы полиція, да и въ такомъ видѣ, какъ вы его описали—онъ положительно невозможенъ.

— Однакоже цензура вѣроятно нашла его возможнымъ, если разрѣшила напечатать объ немъ, хотя и не была свидѣтельницею.

— До вашей цензуры мнѣ нѣтъ дѣла,—продолжалъ генералъ въ томъ же взвинченномъ тонѣ,—а за благочиніемъ въ городѣ и за точ-

нымъ исполненіемъ полиціей моихъ предписаній наблюдаю я, во исполненіе возложенной на меня обязанности. Съ министромъ народнаго просвѣщенія я еще, впрочемъ, снесусь, а васъ призвалъ вовсе не для того, чтобы выслушивать ваши объясненія и разсужденія о правѣ давать непрошенные совѣты, но для того, чтобы объявить вамъ, что и я имѣю право выслать административнымъ порядкомъ изъ столицы всякаго, кто вымышленными фактами подрываетъ довѣріе къ полицейскимъ распоряженіямъ и надзору высшихъ властей. Поэтому не пеняйте, если при вторичномъ появленіи въ печати подобнаго обвиненія полиціи въ нарушеніи ея обязанностей—я приму хотя бы и крутыя мѣры для ея огражденія.

Съ этими словами, сказанными въ мажорномъ діапазонѣ, все тѣмъ же начальническимъ тономъ, не допускавшимъ возраженій, Игнатьевъ быстро повернулся ко мнѣ спиною и исчезъ въ дверяхъ, изъ которыхъ вышелъ въ сопровожденіи двухъ чиновниковъ и теперь также безмолвно и почтительно слѣдовавшихъ за нимъ по пятамъ. Я вышелъ недоумѣвая, для чего разыгрывалась вся эта странная сцена. Не думалъ же генералъ-губернаторъ увѣрить меня въ справедливости и законности своего вмѣшательства въ цензуру и литературу, своего отстаиванія полицейской непогрѣшимости. Напоминать о своей власти въ отношеніи административныхъ порядковъ было совершенно напрасно: вся пишущая братія того времени и безъ того была увѣрена въ возможности всякій день отправиться за городскую заставу—дышать воздухомъ болѣе благорастворенным, чѣмъ воздухъ столицы. Отправленіе литераторовъ на гауптвахту за то, что они напечатали что-нибудь неугодное высшей власти или даже просто побранились между собою, считалось уже, сравнительно, болѣе легкимъ, совершенно приличнымъ и даже литературнымъ наказаніемъ, такъ какъ туда же сажали и офицеровъ за разстегнутые крючки воротника, или когда солдатъ ихъ полка попадался на глаза высшаго начальства одѣтымъ не по всей формѣ. Ничего особенно рѣзкаго не сказалъ мнѣ этотъ бывшій воспитанникъ Московскаго университета; только тонъ его замѣчаній былъ нѣсколько приподнятъ и хотя конечно «тонъ дѣлаетъ музыку», но все-таки это была музыка, то есть довольно стройная гармонія, если не мыслей, то выглаженныхъ фразъ, а не крикъ, съ какимъ нерѣдко обращался къ писателямъ начальникъ печати Мусинъ-Пушкинъ. Для чего же, повторяю, производились въ тѣ времена разными предержащими властями подобныя «внушенія» литературѣ въ лицѣ ея представителей, безапеляціонно отданныхъ на муштровку всякому постороннему вѣдомству, никакого прикасательства къ печати не имѣющему?—Всѣ эти вопросы времени не столь отдаленнаго, какъ тѣ мѣста, куда грозили отправить ослушниковъ, такъ торжественно возвѣщаемыхъ распоряженій—такъ и остались неразрѣшенными. Слѣдствіемъ генералъ-губернаторскаго выговора

было однако то, что цензоръ моей газеты, получившій съ своей стороны также надлежащее внушеніе, долгое время не пропускалъ въ ней словъ: полиція, городовые, даже извозчики, все болѣе и болѣе съуживая сферу предметовъ, о которыхъ разрѣшалось говорить злосчастной журналистикѣ.

Второе приглашеніе «пожаловать для личныхъ объясненій» получилъ я уже гораздо позднѣе, въ эпоху «новыхъ вѣяній», но когда эти вѣянія, сбивая съ ногъ кое-какъ установившіяся цензурныя отношенія, оставляли ихъ все-таки въ безпочвенномъ пространствѣ. Меня вызывалъ начальникъ только-что учрежденнаго и совершенно новаго въ Россіи министерства почтъ и телеграфовъ. Я только-что сказалъ въ своей газетѣ, что почты и телеграфы, служащіе, послѣ государственныхъ цѣлей, больше всего для развитія торговыхъ и промышленныхъ сношеній, конечно представляютъ весьма важный факторъ въ управленіи, но въ странѣ, живущей преимущественно вывозомъ своихъ земледѣльческихъ продуктовъ, учрежденіе вѣдомства земледѣлія и торговли, какъ факторовъ производства—повидимому должно бы предшествовать объединенію въ отдѣльное управленіе факторовъ распространенія этихъ производствъ. Подобное мнѣніе можно было скорѣе причислить къ «осужденію правительственныхъ распоряженій», чѣмъ замѣчаніе о зазѣвавшемся городовомъ, упустившимъ пьянаго извозчика—и поэтому я уже зналъ вапередъ, для чего меня призываютъ къ министру почтъ и телеграфовъ и приготовился дать всѣ нужныя объясненія, хотя и въ этомъ случаѣ главнымъ пунктомъ моихъ оправданій должно было служить цензурное разрѣшеніе. Если надъ умственно несовершеннолѣтними лицами установлены опекуны, наблюдающіе за благонравіемъ и приличіемъ мыслей, то очевидно, что за выраженіе этихъ мыслей должны отвѣчать не опекаемые, а сами опекуны. Только черезъ ихъ посредство и слѣдовало бы производить всякаго рода внушенія лицамъ, признаннымъ неспособными безъ цензурнаго надзора говорить въ печати съ публикой, хотя въ то же время за ними признано право быть представителями общественнаго мнѣнія.

Вторая офиціальная бесѣда моя нисколько не походила на первую. Иванъ Матвѣевичъ Толстой принялъ меня чрезвычайно любезно, въ своемъ кабинетѣ, прежде всего пригласилъ сѣсть и заговорилъ самымъ мягкимъ тономъ, нисколько не напоминавшимъ генералъ-губернаторскую «музыку». Онъ началъ съ заявленія полнаго уваженія ко всякому личному мнѣнію, выраженному печатью, но не скрылъ, что ему было непріятно, при первомъ же шагѣ на новомъ поприщѣ, вмѣсто поддержки журналистики, встрѣтить ея сомнѣніе даже въ полезности учрежденія новаго министерства. Выдѣленіе обшираго почтоваго вѣдомства изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, обнимающаго слишкомъ обширную сферу дѣятельности, должно было, по мнѣнію министра, принести несомнѣнную пользу.

— Поэтому, прибавилъ Иванъ Матвѣевичъ съ добродушной улыбкой, ваше замѣчаніе, что у насъ не людей готовятъ на мѣста, а нерѣдко для способныхъ людей придумываютъ новыя мѣста — не подходитъ къ данному случаю, хотя совершенно вѣренъ приведенный вами анекдотъ о томъ, какъ въ прошлое царствованіе одно высокопоставленное лицо отозвалось о заслуженномъ сановникѣ: «хорошій человѣкъ, надо для него составить какое-нибудь вѣдомство». Впрочемъ, прибавилъ министръ, въ принципѣ я не стою за увеличеніе числа отдѣльныхъ вѣдомствъ и нахожу, что напримѣръ — государственныя имущества или, тѣмъ болѣе — коннозаводство, могли бы и не выдѣляться въ самостоятельныя управленія. Да и ваше министерство земледѣлія и торговли, даже и съ присоединеніемъ къ нему промышленности и надзора за фабричнымъ производствомъ и рабочимъ вопросомъ — дѣло еще очень не близкаго будущаго. Департаментъ сельскаго хозяйства у насъ уже есть, но я не полагаю, что бы чиновники, завѣдующіе изъ Петербурга улучшеніемъ земледѣлія — были идеаломъ сельскихъ хозяевъ. Фабричнаго законодательства у насъ нѣтъ вовсе, а въ какомъ состояніи у насъ торговля и промышленность — извѣстно всякому. Что же касается до рабочаго вопроса, послѣ неурядицы сорокъ восьмого года его боятся затрогивать и въ западной Европѣ.

Министръ бесѣдовалъ еще нѣсколько времени на эту тему. Говоря о числѣ министерствъ, я привелъ между прочимъ мнѣніе Эмиля Жирардена о томъ, что въ благоустроенномъ государствѣ нужны собственно только два министерства: доходовъ и расходовъ. Первое заботилось бы о правильномъ поступленіи въ казну всѣхъ источниковъ государственнаго богатства, второе о равномѣрномъ распредѣленіи этихъ источниковъ на потребности страны и управленія ею. Иванъ Матвѣевичъ находилъ эту мысль болѣе остроумною чѣмъ практичною, и моя болѣе получасовая бесѣда съ нимъ оставила самыя пріятныя впечатлѣнія, особенно по сравненіи ея съ бесѣдою приведенною выше. Правда, между ними было разстояніе въ нѣсколько лѣтъ и перемѣна въ правительственныхъ «вѣяніяхъ», но вѣдь были же и въ николаевское время администраторы, не считавшіе униженіемъ своего сана бесѣдовать безъ начальническаго величія съ лицами, стоявшими ниже ихъ по табели о рангахъ. Не оттого же Игнатьевъ объяснялся высокимъ тономъ, что былъ въ золотыхъ жгутахъ и эполетахъ, а Иванъ Матвѣевичъ въ простомъ вицъ-мундирѣ. О ранней кончинѣ этого прекраснаго человѣка искренно сожалѣли всѣ, кто имѣлъ съ нимъ сношенія, хотя какъ министръ, онъ не успѣлъ сдѣлать ничего выдающагося въ своемъ вѣдомствѣ, прекратившемъ тотчасъ же свое отдѣльное существованіе вслѣдъ за смертью человѣка, такъ глубоко и безкорыстно преданнаго покойному государю.

Слова И. М. Толстого о коннозаводствѣ напомнили мнѣ, чт

это учрежденіе, основанное въ 1843 году, какъ отдѣльное главное управленіе, отличалось сначала въ особенности своими витіеватыми докладами по предмету, вовсе не требовавшему избытка краснорѣчія. Въ 1845 году ходила по рукамъ копія заключительныхъ строкъ отчета этого вѣдомства за прошлый годъ. Привожу ее цѣликомъ, какъ записалъ въ то время.

«Оканчивая симъ отчетъ за второй годъ управленія государственнымъ коннозаводствомъ, смѣю думать, что если сія отрасль народной промышленности, получившая столь неукоснительное движеніе благотзорнымъ вниманіемъ в. в., сохранитъ настоящій ходъ свой, то умноживъ производительную силу сельскаго труда, обезпечивъ сообщенія предметовъ торговли и доставляя возможность къ лучшему и дешевѣйшему ремонтированію арміи, будетъ имѣть безконечное благодѣтельное вліяніе на всю Россію, вліяніе толь свойственное царствованію». Жаль, что въ то время не существовало тотализатора. Безконечное благодѣтельное вліяніе толь свойственное этой коренной основѣ коннозаводскаго процвѣтанія, конечно послужило бы темою для еще болѣе цвѣтистыхъ фразъ краснорѣчиваго оратора. Китаизмъ выраженій у насъ всегда уживался съ монголизмомъ поступковъ.

Я заговорилъ въ началѣ этой главы о жаждѣ гласности въ сороковыхъ годахъ не для того, чтобы обрисовать ея проявленіе въ тогдашней журналистикѣ, а чтобы указать, что за невозможностью найти въ газетахъ свѣдѣнія интересующія общество, всякого рода слухи и извѣстія собирались въ то время—въ правительственныхъ мѣстахъ, такъ ревниво слѣдившихъ за непоявленіемъ въ печати никакихъ указаній, касающихся этихъ мѣстъ. Новости дня появлялись обыкновенно прежде всего въ многочисленныхъ департаментахъ разныхъ вѣдомствъ, гдѣ чиновники проводили гораздо больше времени въ пріятныхъ бесѣдахъ, чѣмъ въ строченіи дѣловыхъ бумагъ. Теперь они занимаются больше чтеніемъ газетъ и жженіемъ папиросъ, но тогда политика была такимъ же запрещеннымъ плодомъ какъ и табакъ, и курильщики выбѣгали затянуться на лѣстницы и въ ватерклозеты изъ залъ присутствій, прокопченныхъ теперь никотиномъ, но въ то время бывшихъ только центромъ, фойе всѣхъ возможныхъ новостей. Въ военномъ министерствѣ, какъ въ ближайшемъ ко двору, и преимущественно въ канцеляріи министерства, бывшей на половинѣ дороги между Зимнимъ дворцомъ и почтамтомъ, всѣ извѣстія получались раньше, чѣмъ въ другихъ вѣдомствахъ и чиновники канцеляріи часто знали прежде высшихъ круговъ общества о томъ, что̀ дѣлается у насъ и въ Европѣ. А 1845-й годъ представлялъ неутѣшительную картину какъ въ Россіи, такъ и на Западѣ. Соціальное броженіе начиналось уже во Франціи и Германіи, какъ предвѣстникъ революцій 1848 года. Въ австрійской Галиціи и прусской Познани

произошли сильныя волненія. Краковъ—единственный вольный польскій городъ, послѣдній остатокъ королевства, простиравшагося когда-то отъ моря и до моря — задумалъ сдѣлаться центромъ возстановленія Польши. Вооруженныя банды заняли нѣсколько познанскихъ городовъ. Домбровскій провозгласилъ себя диктаторомъ и десять дней царствовалъ въ Краковѣ. Кончилось конечно тѣмъ, что повстанцевъ прогнали отовсюду. Много молодежи было захвачено и перевѣшано. У насъ въ Варшавѣ взято также нѣсколько заговорщиковъ и повѣшены Коцишевскій, Зарскій, Потоцкій. Паскевичъ приказалъ повернуть всѣ пушки цитадели на городъ и объявилъ торжественно, что при первомъ выстрѣлѣ на улицахъ Варшава перестанетъ существовать. Всѣ крѣпости велѣно было привести въ оборонительное состояніе. Привислянскій и Западный край объявлены на осадномъ положеніи. А между тѣмъ въ западной полосѣ былъ голодъ, а на востокѣ Кавказъ попрежнему поглощалъ цвѣтъ росскаго юношества. Тамъ, въ началѣ года, смѣнили бездарнаго Нейдгардта и назначили намѣстникомъ М. С. Воронцова, хорошаго администратора, но очень стараго. Ему пришлось начать свое управленіе не съ военныхъ подвиговъ, а съ выговоровъ полковымъ командирамъ за то, что они удерживали въ свою пользу винныя и мясныя порціи у своихъ солдатъ. Шамиль, одержавшій въ 1844 году столько важныхъ успѣховъ, въ слѣдующемъ году былъ сильно боленъ, что не мѣшало ему выказывать прежнюю жестокость. Такъ онъ разстрѣлялъ 36 человѣкъ нашихъ плѣнныхъ и отпустилъ только одного поручика Демьянова, варварски истязавъ его, по словамъ самого поручика, полуторатысячью ударовъ. Бѣднякъ получилъ здѣсь за это тысячу рублей серебромъ. Но вскорѣ пришлось прибѣгнуть и къ подвигамъ, чтобы «деморализировать горцевъ». Рѣшено было занять столицу Шамиля Дарго, и этотъ неприступный аулъ былъ взятъ штурмомъ, конечно, послѣ отчаянной борьбы со стороны дикарей и тяжелыхъ потерь съ нашей. Однихъ офицеровъ погибло при штурмѣ 189 человѣкъ, Воронцову дали за это дѣло титулъ князя, только не Даргійскаго, хотя взять Дарго было несомнѣнно труднѣе, чѣмъ Эривань Паскевичу.

По военному вѣдомству облегчена въ томъ же году служба въ караулахъ: послѣ 9-ти часовъ вечера уже не велѣно караулу выходить на площадку. Разрѣшено также военнымъ въ царскіе дни носить сюртуки. 16-го іюля вышелъ указъ о пожалованіи потомственнаго дворянства только съ чиновъ маіора и статскаго совѣтника. Нѣсколько раньше вышло новое уложеніе объ уголовныхъ наказаніяхъ, все еще далеко не отвѣчавшее гуманному развитію криминальныхъ теорій. Частыя поѣздки Николая I по Европѣ и въ особенности его путешествіе по Италіи до Палермо, возбуждали въ европейской печати такіе же толки, какъ теперь «die wilde Jagd durch Europa» Вильгельма II. Заграничныхъ памфлетовъ на Россію

появлялось не меньше, чѣмъ теперь, а недоброжелателей было гораздо больше. Во Франціи, управляемой орлеанской династіей, никому и на умъ не приходило симпатизировать «казакамъ и варварамъ». Явная вражда англичанъ и тайная—нѣмцевъ подъ покровомъ династической и дипломатической дружбы была также сильна, какъ и нынче. Французы по поводу нашихъ послѣднихъ успѣховъ на Кавказѣ писали, что горцы приносятъ большую пользу Россіи, производя въ ней періодическое кровопусканіе, безъ чего у нея, какъ у полнокровнаго индивидуума, завелись бы въ головѣ сумасбродныя идеи, опасныя для спокойствія Европы.

На ряду съ политическими и административными новостями собирались въ канцеляріяхъ новости общественной жизни. 17-го марта, на крестинахъ великаго князя Александра Александровича, было роздано много наградъ. Одинъ министръ двора князь Волконскій получилъ четыреста тысячъ рублей серебромъ и былъ еще недоволенъ тѣмъ, что его не сдѣлали канцлеромъ, какъ Нессельроде. Но министръ иностранныхъ дѣлъ, на ряду съ безпредѣльной преданностью нѣмецкимъ интересамъ, отличался по крайней мѣрѣ дипломатическою изворотливостью, а Волконскій не оказывалъ никакихъ особенныхъ заслугъ, кромѣ безпредѣльной преданности.... По этому поводу разсказывали случай, бывшій во время коронаціи Николая I. Покойный Голицынъ вошелъ съ какимъ-то экстреннымъ докладомъ къ государю, когда тотъ былъ въ ваннѣ. Государь былъ въ духѣ и разрѣшилъ Голицыну просить у него все, что ему вздумается. Тотъ попросилъ въ знакъ особаго благоволѣнія рубашку, только-что снятую императоромъ. Просьба его была, конечно, удовлетворена. Въ этой рубашкѣ старикъ, умирая, велѣлъ себя похоронить, на что потребовалось разрѣшеніе синода. Ночью 18-го марта, въ сенатѣ загорѣлся шкафъ съ дѣлами, хотя по близости не было печи и комнату три дня не топили. Это средство рѣшать запутанныя дѣла было въ то время еще новостью. Въ обществѣ очень жалѣли о смерти Елисаветы Михаиловны, дочери великаго князя Михаила. Выйдя замужъ въ одно время съ великой княгиней Александрой Николаевной, она умерла отъ родовъ, какъ и младшая дочь императора Николая.

Исключительныя преступленія были и тогда рѣдки въ столицѣ, въ Троицкомъ переулкѣ зарѣзали двухъ женщинъ; въ Коломнѣ нашлась чадолюбивая мать, державшая нѣсколько лѣтъ на чердакѣ своихъ двухъ дѣтей въ дикомъ состояніи.

Въ канцелярію военнаго министра являлись по временамъ лица, обращавшія на себя невольное вниманіе. Такъ, приходилъ туда одинъ баронъ, семнадцать лѣтъ просидѣвшій въ казематѣ по ошибкѣ вмѣсто другого лица. Ему за это дали Владиміра на шею, чинъ коллежскаго совѣтника и десять тысячъ рублей. Едва ли все это вознаградило бѣдняка за перенесенныя имъ лишенія, и онъ,

потерявъ во время своего заключенія всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, шатался только по трактирамъ и ресторанамъ, пропивая свою пенсію до послѣдней копѣйки. Трактирную жизнь вело въ то время въ Петербургѣ еще одно замѣчательное лицо, нѣкто Дениско. Служа въ одной изъ малороссійскихъ губерній, онъ взялъ однажды отпускъ на 28 дней, имѣя дѣло въ сенатѣ, и жилъ по этому дѣлу уже 28-й годъ въ столицѣ, все собираясь вернуться въ свой родной хуторъ, какъ только кончатся всѣ мытарства россійскаго судопроизводства. Не знаю, дождался ли Дениско если не совсѣмъ скораго, то по крайней мѣрѣ благопріятнаго рѣшенія своего дѣла.

Въ литературѣ въ этомъ году явилось два новыхъ періодическихъ изданія: ежемѣсячное «Финскій Вѣстникъ», подъ редакціей путейца Дершау, и еженедѣльное—«Иллюстрація», подъ редакціей Кукольника. Толстый журналъ и еще посвященный преимущественно чуждой намъ, хотя и вошедшей въ составъ Россіи національности, былъ если и не лишнимъ явленіемъ, то — во всякомъ случаѣ—и не необходимымъ. Но газета съ рисунками, изображающими событія современной общественной жизни, и хоть сколько-нибудь подходящая къ подобнымъ же европейскимъ изданіямъ, пополняла существенный пробѣлъ въ русской журналистикѣ. Къ сожалѣнію, наша «Иллюстрація» встрѣтила на первыхъ же порахъ два непреоборимыхъ препятствія для своего процвѣтанія: строгость тогдашней цензуры и недостатокъ хорошихъ рѣзчиковъ на деревѣ. Не говоря уже о томъ, что въ журналѣ не допускались никакіе рисунки, относящіеся къ политическимъ событіямъ въ Европѣ, сцены изъ русской жизни подвергались столькимъ мытарствамъ, проходили черезъ столько цензуръ, подвергались зачастую такимъ передѣлкамъ, что картина майскаго парада появлялась осенью, а крещенской іордани весною. Отсутствіе же искусныхъ граверовъ превращало нерѣдко портреты общественныхъ дѣятелей въ карикатуры; къ этому надо было еще присоединить національную и врожденную неакуратность русскихъ художниковъ, никогда не исполняющихъ своихъ обязанностей къ сроку и постоянно запаздывающихъ со всѣми сдѣланными имъ заказами. Не смотря на все это, русская «Иллюстрація», при всей безалаберности ея редактора, имѣла успѣхъ, которому положила конецъ только цензурная психопатія 1848 года.

Кукольникъ приглашалъ меня участвовать въ его изданіи и я очень сожалѣлъ, что занятый работами по «Репертуару», не могъ принять его предложенія. Я всегда былъ убѣжденъ, что развитію здравыхъ идей и популяризаціи энциклопедическихъ знаній въ полуобразованныхъ массахъ болѣе всего содѣйствуютъ иллюстрированныя изданія и, съ самаго начала моего литературнаго поприща, намѣревался заняться именно этимъ видомъ журналистики, которому посвятилъ себя только въ 1858 году, отдавъ ему 20 лѣтъ моей

жизни. Но въ началѣ сороковыхъ годовъ я уже весь принадлежалъ театру, много писалъ для него и, въ особенности, о немъ. Съ 1844 года, я велъ постоянную и чрезвычайно акуратную театральную хронику въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», въ отдѣлѣ «Матерьялы для исторіи русскаго театра» и могу смѣло сказать, что по этимъ матерьяламъ будущій историкъ петербургской сцены можетъ вполнѣ возсоздать значеніе нашихъ театровъ въ теченіе сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ (съ 1852 г. я велъ эту хронику уже въ «Пантеонѣ» Кони). Кромѣ постоянныхъ ежемѣсячныхъ статей о замѣчательныхъ спектакляхъ всѣхъ столичныхъ сценъ, я составлялъ и годичные обзоры дѣятельности всѣхъ труппъ. Для русскаго театра составлялись въ «Репертуарѣ» отдѣльныя таблицы съ графами, гдѣ показывалось число всѣхъ представленій, казенныхъ и бенефисныхъ спектаклей, дебюты новыхъ артистовъ и проч. Теперь такихъ отчетовъ не составляютъ, находя, вѣроятно, безполезнымъ дѣлать общіе выводы изъ частныхъ явленій, не стоющихъ замѣчанія. Но полвѣка тому назадъ театръ, если и не считали уже школою нравственности, то видѣли въ немъ все-таки полезную эстетическую и литературную цѣль, а не школу разгула, гдѣ праздная, неразвитая масса удовлетворяетъ свои далеко не эстетическія поползновенія. О русской труппѣ сороковыхъ годовъ въ молодомъ поколѣніи сохранились только преданія, но кто видѣлъ ее въ то время, тотъ сознается, что никогда на нашей сценѣ не появлялось такого обилія дарованій во всѣхъ родахъ и такой плодовитой, хотя и не очень плодотворной дѣятельности. 1844-й годъ былъ въ этомъ отношеніи кульминаціонымъ пунктомъ, съ котораго начался уже упадокъ театра въ сценическомъ отношеніи. Въ этомъ году дирекція поставила въ числѣ 233-хъ спектаклей 75 вновь монтированныхъ пьесъ. Ей было легко это сдѣлать, потому-что больше половины новыхъ и возобновленныхъ пьесъ достались ей даромъ, какъ игранныя въ бенефисы, а такихъ бенефисовъ было въ теченіе года 17. Обычай не платить за бенефисныя пьесы исчезъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, но почему уничтожили обычай давать спектакли лѣтомъ—это не оправдывается никакими соображеніями. Ни въ одной европейской столицѣ на лѣто не прекращается сценическая дѣятельность, потому-что это время пріѣзда провинціаловъ и иностранцевъ, хотя собственно городскіе жители разъѣзжаются по загороднымъ мѣстамъ. Въ Петербургѣ пріѣзжихъ лѣтомъ не меньше, чѣмъ въ другихъ столицахъ, за что же ихъ лишать возможности видѣть русскій театръ? Говорятъ, актерамъ нуженъ отдыхъ, но гдѣ же въ Европѣ актеръ отдыхаетъ семь недѣль сряду въ февралѣ и мартѣ, да двѣ недѣли въ августѣ, кромѣ 52-хъ субботъ, да множества праздничныхъ кануновъ? Насильно не превлечешь въ другое мѣсто тѣхъ, кого не пускаютъ въ театръ по субботамъ.

Въ 1844 году театръ далъ дирекціи чистаго барыша полтораста тысячъ серебромъ, и если вслѣдъ затѣмъ сталъ давать дифицитъ, то потому, что начали ставить дорого стоющіе и ничего не приносящіе балеты. Злые языки прибавляютъ еще и то обстоятельство, что театральные чиновники начали жить гораздо шире. И хорошіе сборы давали не блестящія литературныя произведенія, а пьесы весьма сомнительнаго литературнаго значенія, какъ «Ермакъ» Полевого, «Басенокъ» Кукольника, передѣлки «Эсмеральды», бульварныхъ драмъ «Серафимы Лафайль», «Евлаліи Понтуа» и т. п. Болѣе всего полные сборы дѣлали пьесы, въ которыхъ появлялся на петербургской сценѣ высокоталантливый московскій гость Щепкинъ, съигравшій у насъ 16 ролей въ такихъ пьесахъ, какъ «Горе отъ ума», «Ревизоръ», мольеровскіе «Тартюфъ» и «Школа женщинъ», «Москаль-чаровникъ» и «Матросъ». Но еще болѣе успѣха на сценѣ имѣли «Преферансъ» и «Полька». Въ слѣдующемъ году репертуаръ былъ уже гораздо лучше: явилась «Смерть Ляпунова» С. Гедеонова, комедіи: «Война съ тещей», «Свѣтскій случай», «Заколдованный принцъ», «Именины городничаго» и проч. Въ пустой шуткѣ «Букеты», написанной умнымъ человѣкомъ, гр. В. Соллогубомъ, авторъ осмѣялъ возникшее на нашей сценѣ цвѣтобѣсіе: букеты подносились всѣмъ безъ разбора и первому трагику В. А. Каратыгину, и бездарнымъ танцоркамъ, перешедшимъ изъ балета на александринскую сцену, и акробату Рислею, ломавшемуся на той же сценѣ въ антрактѣ между двумя водевилями, и Рубини, пѣвшему въ бенефисъ Каратыгина. Цвѣтами осыпали на масляницѣ въ балаганѣ Леде и накрашенную даму, танцовавшую польку-мазурку, и даже кита, остовъ котораго показывали въ публикѣ въ балаганѣ близь Александринскаго театра.

И какая блестящая французская труппа была у насъ въ 1845 году! Прямо со сцены перваго французскаго театра, въ полномъ цвѣтѣ силы и таланта, перешла на нашу сцену Плесси, за что Парижъ долгое время бранилъ и ее, и Россію. Но въ это время, французскіе артисты, прослуживъ десять лѣтъ на императорской сценѣ, получали въ пенсію полный окладъ ихъ содержанія. Мудрено ли, что это условіе соблазняло многихъ: въ три съ половиной раза было выгоднѣе быть иностраннымъ актеромъ, чѣмъ русскимъ генераломъ. Поступивъ на сцену 20-ти лѣтъ, какъ Бертонъ замѣнившій у насъ Брессана, актеръ могъ оставить ее еще полный силъ, но уже обезпеченный на всю остальную жизнь, тогда какъ чиновникъ послѣ 35-тилѣтней службы большею частью былъ уже ни на что негоденъ. Лица, доставляющія намъ удовольствіе, пользуются бо́льшими благами міра, чѣмъ лица приносящія пользу. Плесси, при всемъ ея талантѣ, не заставила однако нашу публику забыть даровитую Алланъ, хотя уже нѣсколько постарѣвшую, и симпатичную Александръ-Мейеръ, старинную любимицу Михайловскаго театра. Это

были три настоящія артистки, для которыхъ сцена была цѣлью, а не средствомъ, какъ у Пажъ, Фальконъ и Эстеръ. Первыя три вели семейную жизнь: у Плесси былъ мужъ писатель, у Алланъ—артистъ, съ дарованіемъ еще бо́льшимъ, чѣмъ у жены, у Луизы Мейеръ—мужъ то же актеръ, весьма полезный на вторыя роли. Про супружескія отношенія двухъ паръ людское злословіе отзывалось не совсѣмъ благосклонно, но не могло обвинить ихъ ни въ какомъ открытомъ нарушеніи общественныхъ условій. Но про трехъ не замужнихъ артистокъ говорили напротивъ уже слишкомъ много. Корнелія Фальконъ, хорошая оперная пѣвица, потерявшая голосъ, когда ей не было еще 30-ти лѣтъ, поступила на нашу сцену, не имѣя никакого драматическаго таланта, но для того, чтобы имѣть обезпеченное содержаніе. Эстеръ Бонгаръ была не дурная актриса на роли лоретокъ, гризетокъ и на мужскія роли, хотя и исполняла ихъ безъ всякаго одушевленія. У Пажъ было еще меньше дарованія, но гораздо больше привлекательности, если не на драматической, то на житейской сценѣ. Только оцѣнить по достоинству эту артистку могли не многіе баловни фортуны, имѣвшіе возможность тратить по крайней мѣрѣ тысячу рублей въ сутки. Осматривая ея изумительно-роскошную квартиру, одно лицо сказало ея хозяйкѣ: «это просто волшебныя сказки: les contes de fées.—Нѣтъ, отвѣчала Пажъ: это изъ тысячи—одной ночи, ce sont les contes (или les comptes) de mille et une nuits. Но странна была судьба этихъ трехъ представительницъ прожиганія жизни. Напрасно французы говорятъ, что ихъ эманципированныя соотечественницы, скопивъ себѣ состояніе веселой жизнью, дѣлаются подъ старость набожными филантропками. Такой конецъ ждетъ весьма немногихъ изъ этихъ дамъ. Кому легко достаются деньги, тотъ легко и спускаетъ ихъ. Пажъ умерла въ нуждѣ и бѣдности; Фальконъ, также раззорившаяся, ослѣпла подъ старость. Судьба Эстеръ была еще ужаснѣе: параличъ лишилъ ее употребленія ногъ и рукъ и, подѣйствовавъ на мозгъ, сдѣлалъ почти идіоткой. Ее лечили въ одной парижской больницѣ и, по докторскому предписанію, сажали поутрамъ на полчаса въ ванну, куда горячая вода прибавлялась изъ крана по мѣрѣ того, какъ остывала въ ваннѣ. Устроивъ ее однажды для больной, сидѣлка за чѣмъ-то ушла. Сама ли Эстеръ, владѣвшая одной рукой, отвернула безсознательно кранъ или онъ самъ открылся, только горячая вода полилась струею; разслабленная больная не могла выскочить изъ ванны, криковъ ея не слыхали, и несчастная буквально сварилась въ кипяткѣ. Когда пришли къ ней она была уже трупомъ.

Нѣмецкая труппа наша была также весьма замѣчательна, она поставила 72 піесы въ сезонъ—тремя больше, чѣмъ французы. Если въ ней не было такихъ первоклассныхъ дарованій, какъ у французовъ, то ансамбль былъ положительно не хуже. Съ французскими комиками: Верне, Руже, Готи, Варле, смѣло могли сравняться—Го-

ландъ, Моръ, Шварцъ, Замтъ, Ладдей и Бозардъ, были также очень хорошіе актеры; изъ прежней нѣмецкой оперы остался въ труппѣ прекрасный басъ Ферзингъ, а такой комической старухи, какъ Альбрехтъ, не было ни на одной сценѣ. Въ итальянской оперѣ были: тотъ же Рубини, превосходный контральтъ Альбони, Тамбурини, Сальви, бассъ Корради, Віардо-Гарсіа, Кастеланъ, Мольтини. Къ нимъ на подмогу, въ нѣкоторыхъ операхъ, являлись нѣмецъ Ферзингъ и наши русскіе пѣвцы и пѣвицы: Петровъ, Леоновъ, Степанова, Лилѣева, Каратыгина. Они же участвовали и въ русской оперѣ, влачившей печальное существованіе. Въ годъ поставили восемь старыхъ оперъ и одну новую — «Ольга», съ музыкою Бернарда. Это доморощенное произведеніе скончалось послѣ второго представленія. Балетъ также не процвѣталъ. Умерла 20-ти лѣтъ даровитая Шлефохтъ, ее не замѣнили наслѣдницы ея—Прихунова, Никитина и Яковлева. Андреянова весь годъ лечилась и училась за границей и танцовала въ Парижѣ.

Театральная лѣтопись, которую я велъ въ «Репертуарѣ», появляясь разъ въ мѣсяцъ въ книжкѣ журнала, не удовлетворяла своему назначенію. О сценическихъ новостяхъ слѣдовало сообщать вслѣдъ за ихъ появленіемъ, чтобы артисты и режиссерская часть могли воспользоваться замѣчаніями критики и заявленіями публики. Я задумалъ тогда — отдѣлить театральную лѣтопись отъ журнала и выпускать ее еженедѣльно, въ формѣ газеты, съ обзоромъ за прошлую недѣлю всѣхъ новостей русской и иностранной сцены. Первый нумеръ моей газеты явился перваго января 1845 года: тутъ были: театральный дневникъ и отчетъ о первыхъ представленіяхъ итальянской, французской и нѣмецкой труппы (о двухъ послѣднихъ труппахъ отчеты давались на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ), письма изъ Парижа, изъ Берлина — о новой оперѣ Мейербера, мелкія извѣстія и даже «современные костюмы» съ картинкой модъ. Появленіе первой у насъ газеты, посвященной театру, встрѣчено было публикою сочувственно. Подписка на «Репертуаръ» увеличилась, такъ какъ отдѣльно на «Театральную Лѣтопись» она не принималась. Съ четвертаго номера Аполлонъ Григорьевъ началъ помѣщать въ газетѣ интересныя письма «объ элементахъ драмы въ нынѣшнемъ русскомъ обществѣ». Въ этихъ письмахъ нашъ лучшій критикъ послѣ Бѣлинскаго, во многихъ отношеніяхъ стоящій не ниже Добролюбова, является далеко не такимъ славянофиломъ, какимъ его характеризируетъ г. Страховъ. Григорьевъ хвалитъ Кукольника за то, что «угадавъ лучшую струну нашего патріотизма, онъ не осквернилъ этого чувства хвалою кулаку и сивухѣ, жалобами на паденіе стараго боярства съ его отвратительнымъ произволомъ, и раскольничьяго·быта, скошеннаго вмѣстѣ съ бородами съ лица русской земли». «Честь Кукольнику и за то наконецъ, прибавляетъ критикъ, что съ благоговѣніемъ и

любовью изучаетъ онъ всѣ слѣды лучезарнаго шествія Петра и дѣлаетъ доступнымъ для массы его сіяющій ликъ». Григорьевъ вступается и за театральную публику, за массу, наполняющую верхи и дешевыя мѣста на представленіяхъ «Польки» и «Префераиса». Масса—дитя, tabula rasa, говоритъ онъ: виновата ли она, что ее подчуютъ нелѣпостями, воспитываютъ такъ дурно? Будь у насъ сколько-нибудь благообразная драматическая литература, уничтожились бы всѣ сценическія нелѣпости. Существуютъ онѣ и во французской драматургіи, но тамъ онѣ исключеніе и не идутъ на перекоръ здравому смыслу и убѣжденіямъ общества. Но наши нелѣпицы не только просто пошлы, онѣ вредны потому, что созидаются наперекоръ здравому смыслу общества, утверждаютъ то, что общество давно отвергло. Критикъ разбираетъ главный элементъ современной драмы: любовь— и находитъ, что «Ромео, рыдающій въ пещерѣ Лоренцо, намъ непонятенъ и даже смѣшонъ; мы не понимаемъ его отчаянія, но понимаемъ любовь, основанную на взаимноравномъ отношеніи двухъ равно разумныхъ существъ». Другой конекъ нашей драмы Григорьевъ видитъ въ изображеніи идеальныхъ художниковъ, съ презрѣніемъ относящихся къ массѣ и страдающихъ оттого, что имъ не воздвигаютъ троновъ. По мнѣнію критика, не только смѣшонъ, но и жалокъ человѣкъ, который «среди общаго стона слышитъ только свою пѣсню, среди страшныхъ явленій жизни обдѣлываетъ съ величайшимъ стараніемъ свою статуэтку и любуется ею, когда кругомъ него блѣдныя, изнуренныя голодомъ лица». Въ возвеличеніи такого печальнаго идеала А. Григорьевъ обвинялъ Пушкина, съ стихотворенія котораго «Поэтъ и чернь», начались неистовые возгласы противъ толпы, непонимающей художника. «Но въ Пушкинѣ, который былъ только художникъ, а если и хотѣлъ быть подчасъ поэтомъ соціальнымъ, то въ соціальности его проглядывалъ всегда элементъ русскаго помѣщика,—въ Пушкинѣ это было только слѣдствіемъ увлеченія Байрономъ и непониманіемъ Байрона, испытывавшаго страданія человѣка, а не поэта,—о чемъ догадались только послѣ его смерти».

Въ концѣ второго письма критикъ высказываетъ весьма вѣрныя заключенія о современной драмѣ, которую онъ предлагаетъ раздѣлить на драму исключительныхъ и на драму повседневныхъ явленій; послѣдняя важна не менѣе первой, потому что и въ группахъ совершается тотъ же процесъ вѣковой идеи, какъ и въ исключительностяхъ. У всѣхъ народовъ театръ былъ всегда не только пропагандою идеаловъ, но и освященіемъ повседневныхъ явленій жизни. Идеалисты и теперь считаютъ сцену—профанаціей искусства, потому что она приближаетъ искусство къ потребностямъ жизни. Оттого и творецъ настоящей драмы Шекспиръ считалъ свои плохіе сонеты и поэмы единственно чистымъ служеніемъ искусству и сознавался, что профанируетъ его въ своихъ пьесахъ,

но поэту нельзя было дѣйствовать иначе какъ съ подмостковъ театра и Шекспиръ удовлетворялъ требованіямъ этой массы, вопреки своимъ личнымъ убѣжденіямъ. Современной драмѣ критикъ предъявляетъ весьма серьезныя требованія. «Задача драмы повседневныхъ явленій, говоритъ онъ, уловить въ этихъ явленіяхъ ту особенную сторону жизни, которая движитъ извѣстнымъ вѣкомъ и извѣстнымъ народомъ». А между тѣмъ, современной драмой «ворочаютъ избитый рычагъ пошленько-сладкой любви, которая такъ не клеится съ мундирными фраками чиновниковъ, съ фартуками хозяекъ, съ кухнею и преферансомъ, а еще болѣе не клеится съ грубою натурою русскаго человѣка».

Эти мѣткія и малоизвѣстныя сужденія о театрѣ Григорьеву не удалось, однако, развить во всей полнотѣ, какъ онъ обѣщалъ мнѣ. «Театральная Лѣтопись» была запрещена цензурою на восьмомъ нумерѣ, вышедшемъ 19 февраля. Предлогомъ запрещенія было то, что «Лѣтопись» являлась въ видѣ отдѣльной газеты, не разрѣшенной цензурнымъ вѣдомствомъ; настоящею причиною,— какъ мнѣ объяснилъ это цензоръ, финляндецъ Мехелинъ, человѣкъ образованный и расположенный къ литературѣ—слишкомъ рѣзкій тонъ статей газеты, относившейся большею частью отрицательно ко всѣмъ явленіямъ театральнаго міра. Обвиненіе это было уже предъявлено мнѣ и я привелъ его въ 7-мъ выпускѣ газеты въ статьѣ «сценическое искусство и театральная критика», но не найдя возможнымъ измѣнить тонъ статей, объяснилъ тутъ же причину его и общаго недовольства театромъ и драматическою литературою. А. Григорьевъ подтвердилъ то же мнѣніе въ 8-мъ выпускѣ, называя положеніе нашей сцены жалкимъ и говоря, что къ сценическимъ дѣятелямъ слѣдуетъ относиться съ негодованіемъ и смѣхомъ. Поэтому, видя что газета не мѣняетъ направленія, ее и прихлопнули на 8-мъ нумерѣ. Привожу главные пункты цензурнаго обвиненія изъ названной выше статьи и моего возраженія на нихъ, такъ какъ и въ 45 лѣтъ положеніе нашего театра не измѣнилось и къ нему приходится относиться съ тою же строгостью, какъ и въ дореформенное время.

«За что вы, господа рецензенты,— говорила цензура,— такъ нападаете на нашъ театръ, на пьесы, на нѣкоторыхъ актеровъ и почти на всѣхъ авторовъ? Что за страсть у васъ во всемъ видѣть дурное, все бранить, надо всѣмъ смѣяться, и смѣяться не добродушнымъ веселымъ смѣхомъ, а съ желчнымъ юморомъ, съ какимъ-то ожесточеніемъ. Рецензентъ долженъ говорить правду, но спокойно, холодно, съ убѣжденіемъ, не гоняясь за остротою, не увлекаясь насмѣшкою. Онъ долженъ быть судьею въ дѣлѣ искусства, а не сатирикомъ, не безпощаднымъ юмористомъ. Онъ долженъ доказать, почему это дурно, а не смѣяться надъ тѣмъ, что оно дурно. Правда дѣйствуетъ на человѣка сильнѣе, чѣмъ насмѣшка. Правда убѣж-

даетъ, насмѣшка раздражаетъ. Какая цѣль всѣхъ вашихъ Филипикъ противъ драматическаго искусства и жрецовъ его? исправленіе недостатковъ? Но развѣ можно исправить ихъ язвительными сарказмами? Развѣ виновенъ авторъ, если пьеса его исполняется не такъ, какъ она имъ задумана? Развѣ виновата актриса, когда горсть театраловъ вызываетъ ее съ шумомъ и громомъ и осыпаетъ цвѣтами?»

Вотъ въ главныхъ чертахъ отвѣтъ на эти упреки, раздающіеся и теперь по адресу не только сценической, но и вообще литературной критики:

«Хладнокровное и спокойное отношеніе критики къ театральнымъ и литературнымъ явленіямъ совершенно справедливо и необходимо, но только при извѣстныхъ условіяхъ. Въ принципѣ судья вездѣ и во всемъ долженъ быть безпристрастнымъ и не возставать съ насмѣшкою и сарказмомъ на подсудимаго. Идеалъ критики—холодное, юпитеровское спокойствіе, произносящее приговоры, обнаруживающее недостатки, но не преслѣдующее ихъ. Но гдѣ и въ какомъ обществѣ возможна подобная критика? Тамъ, гдѣ литература уже установилась на твердыхъ, всѣми признанныхъ основаніяхъ, гдѣ никто не споритъ противъ принятыхъ всѣми законовъ искусства и не восхищается уродливостью, называя ее оригинальностью. Такого рода критика существуетъ въ Англіи, Германіи, во Франціи, но въ Россіи, гдѣ еще до сихъ поръ перекипаетъ и бродитъ столько разнородныхъ элементовъ общественной жизни, гдѣ не только въ Петербургѣ и Камчаткѣ, въ Москвѣ и Ревелѣ, думаютъ совершенно различно не объ одной литературѣ, но гдѣ, въ одномъ и томъ же городѣ, люди дѣйствующіе на одномъ и томъ же поприщѣ, разсуждаютъ объ одномъ и томъ же предметѣ—одинъ какъ европеецъ, другой какъ патагонецъ, въ нашей великой и обильной Россіи установился ли правильный взглядъ на литературу, на критику? Гдѣ у насъ общепринятая теорія прекраснаго? Объ этомъ нечего и думать, потому что прежде, чѣмъ образовывать писателей, надо образовать кругъ публики, у которой понятія о прекрасномъ чрезвычайно разнообразны. У насъ находятся читатели и «Маяка» и Кузьмичева. Докажите какой-нибудь барышнѣ, что Бенедиктовъ и Марлинскій не образцовые писатели, убѣдите важное лицо изъ семинаристовъ, что Сумароковъ—образецъ бездарности, а Гоголь не простой грязненькій писатель, но что-нибудь и повыше, увѣрьте массу публики, что «Преферансъ» и «Полька» не составляютъ альфы и омеги сценическаго искусства—и тогда можно будетъ писать спокойныя рецензіи. Бездарность и презрѣніе къ искусству могутъ вывести изъ терпѣнія. На одеревенѣлыя головы нельзя иначе дѣйствовать, какъ сатирою. Правда, высказанная спокойно, не обратитъ на себя вниманія, сарказмъ невольно заставитъ человѣка подумать о своихъ недостаткахъ. Многіе мо-

гутъ отъ нихъ исправиться, не потому что сознаютъ ихъ, а потому что будутъ бояться прослыть смѣшными. Истиннаго таланта никогда еще не убивала самая злонамѣренная критика. Отзовись снисходительно о бездарности, она завалитъ тебя новыми произведеніями и потомъ, прокричавъ, что ты самъ сперва похвалилъ ее, будетъ ругать тебя за измѣнчивость сужденій. Стоитъ ли серьезнымъ тономъ говорить о пустякахъ. Можно ли спокойно глядѣть на явную пошлость, на визиготское искаженіе самыхъ обыкновенныхъ понятій? Насмѣшка дѣйствуетъ сильнѣе дисертацій. Смѣяться надъ нелѣпыми понятіями гораздо полезнѣе, чѣмъ вооружаться противъ нихъ доводами логики, приводя въ примѣръ основные законы истины. Смѣхъ производитъ впечатлѣніе на сердце человѣка, убѣжденіе дѣйствуетъ только на голову. Пусть лучше человѣкъ не пойметъ, но почувствуетъ дурную сторону своихъ недостатковъ. Голосъ чувства не рѣдко сильнѣе убѣжденій ума».

Съ запрещеніемъ «Театральной Лѣтописи» и съ прекращеніемъ въ 1846 году «Репертуара» я сталъ хлопотать о пріобрѣтеніи какого-нибудь періодическаго органа, въ которомъ могъ бы высказывать свои мысли не объ одномъ театрѣ или по поводу его. «Репертуаръ», правда, не стѣснялъ меня въ этомъ отношеніи: тамъ я, кромѣ рецензій, писалъ большіе этюды по разнымъ предметамъ: о Шекспирѣ въ его малоизвѣстныхъ произведеніяхъ, о Менандрѣ и Теренціи, о Рабеле, о Фаустѣ, напечаталъ, кромѣ своихъ пьесъ, являвшихся на александринской сценѣ—драму изъ древняго міра «Клитемнестра», нѣсколько романовъ, повѣстей, стихотвореній, велъ ежемѣсячный отдѣлъ юмористики, въ которомъ набросалъ довольно подробную картину петербургской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Но этого мнѣ было мало: я хотѣлъ имѣть свой органъ для того, чтобы высказаться ясно и открыто, отъ своего имени, противъ булгаринскихъ тенденцій и направленія «Сѣверной Пчелы». Въ «Репертуарѣ» я не могъ сдѣлать этого потому, что Межевичъ по своимъ служебнымъ и литературнымъ отношеніямъ не могъ явно возстать противъ булгаринста, хотя и ссорился съ его представителемъ чутъ не въ каждомъ нумерѣ своего журнала. Но для меня необходимъ былъ открытый разрывъ съ этой партіей, такъ какъ многіе считали, что и я принадлежу къ ней, потому что отецъ мой уже нѣсколько лѣтъ велъ театральную хронику и политическую лѣтопись въ «Сѣверной Пчелѣ». Помѣщеніе въ этой газетѣ моихъ первыхъ компиляцій, отданныхъ туда моимъ отцомъ, когда я былъ еще въ лицеѣ, личное знакомство мое съ Гречемъ, близкія отношенія къ цензору Корсакову,—все это поневолѣ заставляло булгаринцевъ и меня причислить къ ихъ партіи. Пока я работалъ въ совершенно отдѣльной отрасли и писалъ для театра, это было для меня базразлично, но когда я перешелъ къ журнальной дѣятельности, совершенное отчужденіе отъ этой партіи сдѣлалось для

меня настоятельною потребностью. Съ самимъ Булгаринымъ я былъ знакомъ только потому, что мой отецъ у него работалъ. Никогда не былъ я на вечерахъ ни у Булгарина, ни у Греча, но къ послѣднему заходилъ иногда по порученіямъ отца, въ домъ у Почтамтскаго мостика, и тѣмъ охотнѣе, что бесѣда наша начиналась почти всегда съ того, что Гречъ принимался за что̀-нибудь ругать Булгарина. Изъ противниковъ этого польскаго офицера, сражавшагося противъ Россіи, и потомъ превратившагося въ ея пламеннаго защитника и панегириста, въ качествѣ русскаго литератора, никто такъ не ненавидѣлъ его, какъ товарищъ по редакціи, десятки лѣтъ работавшій съ нимъ въ одной и той же газетѣ. Гречъ самъ сравнивалъ себя съ каторжникомъ, скованнымъ одною цѣпью съ своимъ врагомъ. Булгаринъ въ «Пчелѣ» велъ только свой коммерческій фельетонъ, да переругивался съ своими противниками. Вся тяжесть изданія газеты лежала на Гречѣ, который, безспорно былъ и даровитѣе, и ученѣе, и честнѣе своего компаньона, а ужъ русскую грамоту зналъ конечно несравненно лучше польскаго перевертня, хотя самъ какъ нѣмецъ и лютеранинъ не питалъ особенно нѣжныхъ чувствъ къ Россіи. О многихъ, даже достаточно высоко поставленныхъ лицахъ, онъ нерѣдко выражался весьма непочтительно, за что̀ и получилъ прозваніе злого языка. Нѣкоторыя изъ его эпиграмъ дѣйствительно остроумны. Онъ далъ мнѣ ихъ, увѣряя, что никогда не писалъ въ жизни другихъ стиховъ. Вотъ всѣ онѣ, въ томъ видѣ, какъ сохранились въ моемъ дневникѣ:

На Шишкова.

Весь свѣтъ Шишкова упрекаетъ,
Что онъ граматики не знаетъ.
Молчите, онъ ее пройдетъ,
Когда славянское ей имя приберетъ.

На засѣданіе россійской академіи 1841 года 29 декабря.

Что̀ добраго въ рѣчи, которой Фуссъ насъ мучилъ?
Что̀?.. въ академіи шестнадцать новыхъ чучелъ.

Послѣ чтенія рѣчи князя Шихматова (въ томъ же засѣданіи).

Тяжелыхъ нѣмцевъ рѣчь едва-едва выносишь,
А русскій сталъ читать—такъ снова нѣмца просишь.

На профессора Павлова.

Земледѣлецъ и ораторъ—
Онъ во всемъ равно великъ:
Онъ на пашнѣ—литераторъ,
А въ словесности—мужикъ.

На Кр — го.

Природа все распредѣлила,
Но обманулась лишь въ одномъ,
Что съ Фейгинымъ не сотворила
Она Кр—го жидомъ.

На смерть Крылова.

Врагъ Пушкина, пріятель Фон-дер-Фуру,
Хоронитъ русскую литературу [1]).
Крылова прахъ несетъ
И въ гробъ его медаль кладетъ.
Дай намъ возможность, Боже,
Надъ нимъ скорѣе сдѣлать тоже.

На предложеніе подписаться на памятникъ Крылову.

Рацея длинная! Ты всѣхъ насъ убѣдила,
Что смерть Крылова поразила,
Что здравый смыслъ и русскій слогъ
Въ могилу слегъ.

Гречъ болѣе всего злился на то, что его не дѣлаютъ академикомъ, не смотря на его заслуги въ русской граматикѣ и на то, что онъ нѣмецъ. Нѣмецкіе соотчичи непремѣнно втянули бы его въ свою среду, но на бѣду его между ними былъ нѣмецъ, хотя и принявшій русскую фамилію Востокова, но также написавшій русскую граматику, а «два граматика въ одной академіи не уживутся».

В. Зотовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Уваровъ.

ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ [1]).

V.

Непріязнь ко мнѣ театральной дирекціи и актеровъ за мои рецензіи.—Театральный цензоръ и «письма театральной мыши». — Знакомство съ Краевскимъ. — Семья Брянскихъ. — Александръ Васильевичъ Никитенко. — Либеральные цензора. — Вмѣшательство въ свѣтскую цензуру духовенства и Клейнмихеля. — Ребусъ «Иллюстраціи» и выходка актера Григорьева 2-го. — Мусинъ-Пушкинъ. — А. Ѳ. Воейковъ. — Пасквиль Булгарина и отвѣтъ Воейкова.

ЪЪ СОРОКЪ ШЕСТОМЪ году я принужденъ былъ прекратить мою театрально-критическую дѣятельность и возобновилъ ее только черезъ шесть лѣтъ въ «Пантеонѣ» Ѳ. А. Кони. Въ апрѣлѣ 1846 года, вышла послѣдняя книжка «Репертуара» и Межевичъ отказался отъ редакторства этого журнала. Шелъ онъ плохо, стоилъ дорого, и издатель Песоцкій былъ даже отчасти доволенъ, что развязался съ журналомъ, приносившимъ убытокъ. Врядъ ли подписчики были чѣмъ-нибудь вознаграждены за недоданныя восемь книжекъ. Тогда на этотъ счетъ было просто—да и тогда ли только?.. Объявилъ, что по независящимъ обстоятельствамъ изданіе прекращается — и все тутъ. Кто пойдетъ разузнавать: почему, да отчего? Еще болѣе немыслимо было жаловаться — да и кому? Жаловался больше всѣхъ самъ Песоцкій на отказъ Межевича и на невозможность найти другого редактора. Я одно время думалъ взять на себя и издательство и редакторство журнала. Отецъ мой съѣздилъ къ Дубельту, но привезъ неутѣшительное извѣстіе, что мнѣ никогда не разрѣшатъ изданіе театральнаго журнала, такъ какъ дирекція театровъ

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXIX, стр. 553.

чрезвычайно недовольна моими статьями о постановкѣ спектаклей, объ игрѣ актеровъ и вообще объ упадкѣ сценическаго искусства. Своими рецензіями я возстановилъ противъ себя всю труппу. Первый трагикъ, хотя и ставилъ мои пьесы въ свой бенефисъ, оскорбился моими замѣчаніями о ходульности его игры во многихъ драмахъ. Комическій актеръ, отлично копировавшій жидовъ и татаръ, почитавшій себя Гаррикомъ и открывшій у себя карточные вечера, на которыхъ исполнялъ роль банкомета, жаловался на замѣтку въ «Театральной Лѣтописи», что онъ «не чисто играетъ». Только-что выступившая на сцену драматическая актриса Вѣра Васильевна Самойлова обижалась, что я мало восхищаюсь ея дарованіемъ. Даже плохая танцорка Левкѣева, перешедшая на александринскую сцену и получившая въ первый же свой дебютъ огромный букетъ за совершенно бездарное исполненіе роли въ водевилѣ «Дѣвушка-гусаръ», плакалась на то, что цѣлую недѣлю послѣ того, отчетъ о каждомъ спектаклѣ оканчивался словами «госпожѣ Левкѣевой въ этотъ вечеръ букета не подносили». Цензорà, правда, принялись потомъ усердно вычеркивать эти строки, но жалобы «униженныхъ и оскорбленныхъ» все-таки не прекращались, хотя Дубельтъ, отечески покровительствовавшій экс-танцоркѣ, еще до прекращенія «Репертуара» просилъ «въ личное для себя одолженіе» не говорить ни слова объ этой особѣ. Я, конечно, долженъ былъ «сдѣлать это одолженіе». Это было тѣмъ болѣе необходимо, что въ театральной цензурѣ при III Отдѣленіи былъ у меня сильный врагъ (Дубельтъ относился, напротивъ, ко мнѣ очень благосклонно и вообще, какъ добрый человѣкъ, не желалъ никому вреда, хотя при своей неограниченной власти могъ бы совершенно безнаказанно дѣлать многихъ несчастными). Этотъ цензоръ озлобился на меня за то, что въ одной юмористической сценкѣ я вывелъ его, конечно, не касаясь его цензорскаго званія, а просто какъ лѣниваго чиновника, у котораго «лежитъ множество эфектныхъ и драматическихъ дѣлъ»; ихъ нельзя «представить» безъ его подписи, а онъ и не думаетъ читать ихъ, проводя цѣлые дни за картами и въ кутежахъ. На это, дѣйствительно, жаловались всѣ актеры, у которыхъ онъ задерживалъ по нѣскольку мѣсяцевъ пьесы, взятыя ими въ бенефисъ. Но я осмѣлился повторить эти жалобы въ печати и нажилъ себѣ непримиримаго врага, хотя не говорилъ ни слова о другихъ еще болѣе неприглядныхъ свойствахъ цензора и о его вовсе ужъ не примѣрномъ образѣ жизни, который и свелъ его потомъ въ раннюю могилу.

Говоря о прекращеніи «Репертуара», Дубельтъ прибавилъ, что давно уже «совѣтовалъ» Межевичу отказаться отъ редакторства журнала, такъ какъ оно было «несовмѣстно» со званіемъ редактора офиціальной полицейской газеты. При этомъ указывалось и на «неприличіе» отдѣла юмористики, гдѣ осмѣивался не только

театръ, но и весь Петербургъ, всѣ классы общества, ихъ домашняя жизнь, развлеченія, увеселенія... Цензура,—говорилъ всевластный шефъ III Отдѣленія,—должна была вовсе запретить юмористическія «письма театральной мыши», гдѣ разсказывались разныя закулисныя сцены и сплетни и подъ прозрачными именами: m-lle Шери и Гренье выводились всѣмъ извѣстныя артистки Ширяева и Гринева. Авторъ даже позволилъ себѣ передать анекдотъ о томъ, какъ одна высокопоставленная особа, часто сталкивавшаяся за кулисами съ однимъ писателемъ, запретила ему доступъ на сцену, на который онъ, какъ драматическій авторъ, имѣлъ право. И писатель, чтобы не быть однажды застигнутымъ въ глубинѣ сцены особою, долженъ былъ спрыгнуть въ открытый люкъ, приготовленный для провала привидѣній. Все это было совершенно справедливо—и начальственное недовольство юмористикою «Репертуара» было одною изъ главныхъ причинъ, почему о продолженіи журнала подъ моею редакціею не могло быть и рѣчи. Надо было обратиться къ другимъ изданіямъ. Въ 1844 году Кони отказался отъ редактированія «Литературной Газеты», право на которую принадлежало Краевскому. Я сказалъ Песоцкому, чтобы онъ разузналъ, не согласится ли редакторъ «Отечественныхъ Записокъ», занятый своимъ журналомъ, уступить свое право на газету. Песоцкій ухватился за эту мысль, но хотѣлъ самъ быть издателемъ. Для меня это было безразлично и я предоставилъ ему всѣ предварительныя хлопоты по этому дѣлу. А вести его Песоцкому надо было осторожно; еслибы Булгаринъ узналъ, что издатель изъ его партіи входитъ въ сношенія съ враждебнымъ лагеремъ, онъ началъ бы строчить доносъ и пустилъ бы въ ходъ всякія интриги, чтобы помѣшать возобновленію газеты. Юркій Песоцкій ужасно боялся, чтобы не провѣдали о его переговорахъ. За меня онъ былъ спокоенъ, потому что я не принадлежалъ къ породѣ болтуновъ, но онъ все-таки торопился заключить предварительное условіе съ Краевскимъ и подать прошеніе въ цензурный комитетъ отъ моего и своего имени, объ изданіи газеты съ 1847 года. Разрѣшеніе было получено очень скоро, но прежде я отправился съ Песоцкимъ — знакомиться съ Краевскимъ. Я встрѣчался съ нимъ и прежде. Одно лѣто, вскорѣ послѣ его женитьбы на Аннѣ Яковлевнѣ Брянской, дочери извѣстнаго актера, мы были сосѣдями по дачѣ на Петергофской дорогѣ. Отецъ мой былъ очень близокъ съ семьею Брянскихъ, а моя мать крестила нѣсколькихъ дѣтей у Анны Матвѣевны Брянской, очень хорошей женщины и актрисы, имѣвшей только одну слабость къ игрѣ въ бостонъ. За этой игрою она проводила цѣлые вечера и однажды, принужденная бросить ее въ моментъ кризиса, положившаго конецъ ея интересному положенію, все-таки доиграла робберъ, когда, по прошествіи нѣкотораго времени, положеніе это снова сдѣлалось нормальнымъ. Съ сыновьями и дочерьми Анны Матвѣевны

я игралъ еще ребенкомъ на большомъ дворѣ дома театральной дирекціи, выходившаго на Екатерининскій каналъ у Львинаго мостика; тамъ у моего отца и у Брянскихъ была казенная квартира. Мальчики относились ко мнѣ очень дружелюбно, но мнѣ сильно доставалось во время нашихъ дѣтскихъ игръ отъ младшей дѣвочки, Авдотьи Яковлевны, вышедшей потомъ за Панаева, а послѣ его смерти, за Головачева.

Первый визитъ Краевскому я сдѣлалъ вечеромъ 13-го августа 1846 года. Онъ жилъ на дачѣ, на Крестовскомъ островѣ. Пріемъ былъ чрезвычайно радушный. Краевскій относился всегда внимательно и любезно къ молодымъ авторамъ. Онъ былъ очень разговорчивъ и въ его живой, непринужденной бесѣдѣ никогда не проглядывалъ тонъ литературнаго генеральства, который такъ любятъ принимать на себя многіе редакторы. Онъ не доходилъ также никогда при посѣщеніи сотрудниковъ до фамильярности, или вѣрнѣе до халатности, и не принималъ ихъ, совершая утреннія омовенія и прерывая отрывистую бесѣду полосканіемъ рта, какъ это дѣлалъ зачастую Некрасовъ. Въ теченіе сорокатрехлѣтняго близкаго знакомства съ Краевскимъ я видалъ его въ халатѣ только нѣсколько разъ, позднимъ вечеромъ, когда онъ засиживался за корректурами «Голоса», или когда былъ боленъ. Вставая всегда въ 9 часовъ, какъ бы поздно ни кончилась ночная работа, и отправляясь послѣ ванны на утреннюю прогулку и на гимнастику, онъ съ самаго ранняго утра былъ постоянно въ безукоризненномъ туалетѣ и мѣнялъ его только на фракъ, для офиціальныхъ визитовъ и большихъ вечеровъ. Тонъ его бесѣды даже съ самыми непріятными людьми или съ такими, которыми онъ имѣлъ причины быть недовольнымъ, никогда не выказывалъ этого недовольства, не повышался до рѣзкаго діапазона, не принималъ оттѣнковъ раздражительности, нетерпимости къ чужимъ сужденіямъ, авторитетнаго самомнѣнія. Это былъ тонъ въ высшей степени приличный, вполнѣ джентльменскій, хотя нѣсколько сухой и дѣловой. Но въ бесѣдахъ съ близкими знакомыми дѣловитость смѣнялась полною непринужденностью, даже задушевностью; анекдоты, остроты, часто даже вовсе не цензурные, сыпались изъ памяти редактора, такъ много видавшаго на своемъ вѣку. Его можно было заслушаться, когда онъ начиналъ вспоминать о томъ, что ему пришлось пережить и испытать, съ какими лицами и явленіями приходилось сталкиваться и имѣть дѣла на литературномъ пути, далеко не усѣянномъ розами.

Въ первое же свиданіе съ Краевскимъ, бесѣда наша затянулась далеко за полночь. Правда, въ ней участвовало еще третье лицо, сидѣвшее уже у хозяина, когда мы пріѣхали съ Песоцкимъ (послѣдній куда-то вскорѣ же улетучился по дѣламъ). Это былъ—профессоръ Петербургскаго университета и цензоръ Александръ Васильевичъ Никитенко. Теперь, читая дневникъ его, я встрѣчаю въ

печати тѣ же мысли, какія онъ откровенно высказывалъ и въ первое наше знакомство, и впослѣдствіи. Это были, съ его стороны, все тѣ же жалобы на свое положеніе, на раздвоенность этого положенія, сознающаго ненормальность существующаго порядка вещей и обязанность служить этому порядку. Я, впрочемъ, и тогда не понималъ, да и теперь не понимаю необходимости такой службы. Другое дѣло, еслибы Никитенкѣ предстоялъ выборъ между голодною смертью и цензорскимъ званіемъ; по слабости человѣческой натуры онъ могъ бы предпочесть послѣднее первому. Это служило бы ему достаточнымъ извиненіемъ. Но онъ былъ уже профессоромъ университета, то-есть имѣлъ вѣрный и довольно сытный кусокъ хлѣба, обезпеченный не только подъ старость, но и въ ближайшемъ будущемъ порядочною пенсіею, для чего же ему было нужно еще другое мѣсто, несогласное съ его убѣжденіями? Положимъ, онъ думалъ сначала принести пользу на этомъ мѣстѣ, не зналъ, что отъ него потребуется отреченіе отъ завѣтныхъ принциповъ, отъ собственнаго достоинства. Но въ половинѣ сороковыхъ годовъ онъ могъ уже достаточно убѣдиться, по какому пути пошло наше просвѣщеніе. Онъ говорилъ и писалъ въ то время: «приняты всѣ мѣры, чтобы сдѣлать Россію Китаемъ. Европа становится для насъ какою-то обѣтованною землею. Но вѣдь нельзя же, чтобы идеи изъ нея не проникали къ намъ. Да и гдѣ необходимость этого насилія, не позволяющаго намъ дышать тѣмъ воздухомъ, какимъ я хочу? Вездѣ насилія и насилія, стѣсненія и ограниченія—нигдѣ простора бѣдному русскому духу. Когда же и гдѣ этому конецъ? Хотѣть управлять народомъ посредствомъ одной бюрократіи безъ содѣйствія самого народа—значитъ, въ одно и то же время угнетать народъ, развращать его и подавать поводъ бюрократамъ къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ. Есть части правленія, которыя непремѣнно должны находиться подъ вліяніемъ народа или общества: напримѣръ—часть судебная. И это можетъ быть достигнуто безъ нарушенія чьихъ-либо правъ. Надо только, чтобы власть имѣла меньше эгоизма... Двѣнадцатый годъ не оставилъ никакихъ слѣдовъ въ нашемъ народномъ духѣ, не заронилъ въ насъ ни капли гордости, самосознанія, уваженія къ самимъ себѣ, не далъ намъ никакихъ общественныхъ благъ, плодовъ мира и тишины. Страшный гнетъ, безмолвное раболѣпство — вотъ что Россія пожала на этой кровавой нивѣ, на которой другіе народы обрѣли богатства правъ и самосознанія. Что же это такое? Не фальшь ли все, что говорятъ о народномъ патріотизмѣ? Не ложь ли это, столь привычная нашему холопскому духу? Или нашъ народъ въ самомъ дѣлѣ никогда ничего не дѣлалъ, а за него всегда дѣлали власть и лица? Неужели онъ всѣмъ обязанъ тому, что только всегда повиновался?.. Ужасъ, ужасъ, ужасъ!»

Все это, конечно, очень хорошія слова, которыхъ самъ Никитенко никогда не пропустилъ бы ни въ какой книгѣ и за которыя, если бы они сдѣлались извѣстны въ то время, не остался бы навѣрное на своемъ мѣстѣ. Но какъ же согласить ихъ съ вычеркиваніемъ гораздо менѣе хлесткихъ словъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», на что Краевскій жаловался при мнѣ самому Никитенкѣ, и тотъ отговаривался тяжелою необходимостью и печальною обязанностью. Еще если бы онъ надѣялся на возможность измѣненія этого порядка вещей—хотя бы не въ очень близкомъ будущемъ,.. Но онъ самъ говорилъ совершенно основательно: «это мечта думать, что приближаясь къ источнику власти, можно открыть себѣ путь къ полезной дѣятельности: самая власть эта до того опутана сѣтями противоположныхъ вліяній, что рѣшительно не въ состояніи ничего дѣлать. Она можетъ гнѣваться, грозить, а дѣла все-таки пойдутъ своимъ порядкомъ. А порядокъ этотъ странный, удивительный, но прочно укоренившійся у насъ. Онъ состоитъ изъ злоупотребленій, безпорядковъ, всяческихъ нарушеній закона, наконецъ сплотившихся въ систему, которая достигла такой прочности и своего рода правильности, что можетъ держаться такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ держится порядокъ, законъ и правда. Говорите послѣ того о разсудкѣ, о справедливости дѣлъ человѣческихъ! Нѣтъ такого зла, котораго люди не могли бы снести: все дѣло только въ томъ, чтобы привыкнуть къ нему». И тотчасъ же вслѣдъ за этими словами, Никитенко разсказываетъ, какъ онъ получилъ брилліантовый перстень въ 800 рублей за службу въ третьемъ мѣстѣ—въ Екатерининскомъ институтѣ, хотя принцъ Ольденбургскій не благоволилъ къ нему и не ходатайствовалъ за него. Было у него еще и четвертое мѣсто въ институтѣ корпуса путей сообщенія, гдѣ онъ читалъ «теорію дѣловой словесности», думая создать изъ этой дикой идеи новую общественную науку; да въ 1846 году онъ принялъ на себя еще редакцію «Современника», а все жаловался на безденежье. Но болѣе всего онъ жаловался на цензуру и на вмѣшательство въ нее постороннихъ вѣдомствъ. Такъ, по поводу доноса ректора петербургской духовной академіи, епископа Аѳанасія, на помѣщеніе въ «Отечественныхъ Запискахъ» статей о реформаціи «извлеченныхъ изъ сочиненія Ранке», Никитенко говоритъ, что объяснялся по этому поводу съ клевретомъ Аѳанасія, законоучителемъ въ университетѣ Райковскимъ, и тотъ могъ сказать только, что необходимо преслѣдовать реформацію, потому что многіе изъ нашего духовенства пропитаны духомъ протестантизма. Но какое дѣло до этого свѣтской цензурѣ? говоритъ Никитенко, сожалѣя что у него не потребовали офиціальнаго объясненія: «можно было бы проучить этого монаха Аѳанасія, который уже не впервые обнаруживаетъ поползновеніе мѣшаться не въ свои дѣла. Бѣда, если монахамъ дать волю: опять настанутъ времена Магницкаго. Нынѣ

и то уже слишкомъ много толкуютъ о православіи, бранятъ Петра, хотятъ воскресить блаженныя времена до-петровской Руси... Они изо всѣхъ силъ хлопочатъ о церкви, а о религіи и не думаютъ, ибо у нихъ нѣтъ ея въ сердцѣ. Они не любятъ искренно ни Бога, ни людей. Они любятъ только свою славу, свою школу. Быть первыми въ движеніи общества во что̀ бы то ни стало—вотъ ихъ лозунгъ, который прячется за народностью, за патріотизмомъ и т. д.».

Въ первое же мое знакомство съ Никитенко, онъ жаловался на двуличность Плетнева, настаивавшаго въ цензурномъ комитетѣ на усиленіи строгостей, а съ писателями либеральничавшаго донельзя, на Клейнмихеля, выхлопотавшаго высочайшее повелѣніе о непечатаніи безъ его разрѣшенія статей по вѣдомству путей сообщенія... «У насъ всякій отдѣльный начальникъ избѣгаетъ гласности и старается окружить непроницаемымъ мракомъ всѣ свои дѣйствія. Такъ, конечно, лучше: во мракѣ все позволительно». По поводу Клейнмихеля, Никитенко разсказывалъ исторію съ ребусомъ въ «Иллюстраціи» Кукольника. Ребусъ этотъ заключался въ фразѣ: «одно усердіе безъ денегъ и лачуги не выстроитъ». «Это былъ явный намекъ на извѣстныя слова, данныя въ девизъ Клейнмихелю за постройку Зимняго дворца,—говоритъ Никитенко,—и я не пропустилъ разгадки ребуса, но она все-таки появилась въ журналѣ—по ошибкѣ типографіи, какъ объяснялъ Кукольникъ. Ошибка эта не повлекла однако за собою никакихъ послѣдствій. Гораздо больше досталось за выходку противъ наградъ за эту постройку Григорьеву 2-му. Играя купца въ водевилѣ «Ложа перваго яруса» на бенефисъ Тальони, онъ позволялъ себѣ дѣлать вставки въ своей роли, по поводу разныхъ современныхъ случаевъ,—и публика принимала съ рукоплесканіями эти выходки. Онъ вышелъ на сцену съ голубой ленточкой въ петлицѣ.

— Что это, батюшка, и вы развѣ на службѣ гдѣ-нибудь состояли?—спрашивалъ его чиновникъ.

— Нѣтъ-съ, мусоръ изъ дворца вывозили!—отвѣчалъ купецъ.

Гедеоновъ далъ ему страшный нагоняй за эти слова и запретилъ съ тѣхъ поръ что̀-нибудь прибавлять къ своей роли.

Въ дневникѣ Никитенко, въ 1846 году, существуетъ большой пробѣлъ въ семь мѣсяцевъ слишкомъ, между мартомъ и октябремъ. Въ мартѣ цензоръ записываетъ, что новый попечитель учебнаго округа Мусинъ-Пушкинъ очень перемѣнился и рѣшился отстать отъ барскихъ дерзостей съ подчиненными. Перемѣну эту Никитенко приписываетъ своему вліянію: онъ разсказалъ его близкому другу разные факты изъ его дѣятельности, а тотъ передалъ ихъ Мусину-Пушкину, будто бы присмирѣвшему отъ этого. Авторъ дневника забываетъ, что два мѣсяца тому назадъ причину этой перемѣны онъ объясняетъ иначе, говоря: «что такое Мусинъ-Пушкинъ? не страдаетъ ли онъ по временамъ умопомѣшательствомъ?

Учителей онъ ругаетъ болванами, дураками, шутами... Онъ началъ было также обращаться и со студентами: ему погрозили, что сначала освищутъ его, а наконецъ и поколотятъ. Онъ притихъ». Эта версія гораздо правдоподобнѣе первой и автору незачѣмъ было прибавлять къ своему объясненію громкихъ либеральныхъ фразъ: «и этого человѣка выбрали попечителемъ университета въ столицѣ! Но опять-таки приходится сказать, что всякое общество управляется, какъ оно того заслуживаетъ». Но если даже только и двое, какъ говоритъ Никитенко, изъ оскорбленныхъ попечителемъ вышли въ отставку, это уже доказываетъ, что общество наше вовсе не заслуживаетъ, чтобы имъ правили Мусины-Пушкины. А если самъ авторъ дневника, не смотря на весь свой либерализмъ нашелъ возможность служить съ такимъ звѣремъ, какъ называлъ его—это ужъ его дѣло. Въ августѣ 1846 года, онъ разсказывалъ о такихъ продѣлкахъ попечителя, которые вовсе не свидѣтельствовали о томъ, чтобы «звѣрь» притихъ.

По уходѣ Никитенко, Краевскій еще долго говорилъ объ этомъ цензорѣ, называлъ его умнымъ, но разсчетливымъ малоросомъ, себѣ на умѣ, разсказывалъ исторію «Литературной Газеты» и о томъ, какъ онъ пріобрѣлъ ее отъ Воейкова, этого въ свое время выдающагося журналиста, жолчнаго, завистливаго, грязнаго въ частной и общественной жизни, но несомнѣнно умнаго и даровитаго. Сатира его «Домъ сумасшедшихъ» никогда не умретъ въ исторіи литературы и представляетъ цѣнную характеристику журнальныхъ типовъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Самого Воейкова лучше всего обрисовалъ Гречъ въ своихъ «Запискахъ». Онъ не величаетъ его «сатирикомъ», какъ сдѣлалъ это Колбасинъ въ «Современникѣ» 1859 года, въ статьѣ «Литературные дѣятели прошлаго времени», но представляетъ мѣткую, хотя и злую оцѣнку этого дѣятеля, о которомъ никто и не вспомнилъ въ прошломъ году по случаю пятидесятилѣтія его смерти; не вспомнили объ немъ и въ 1879 году въ столѣтнюю годовщину его рожденія. А между тѣмъ, онъ положительно не заслуживаетъ забвенія, если не какъ педагогъ, бывшій инспекторомъ петербургскаго артилерійскаго училища и, еще раньше, профессоромъ русской словесности въ Дерптскомъ университетѣ, откуда его прогналъ попечитель князь Ливенъ. то какъ поэтъ, переводчикъ вольтеровской исторіи Людовика XIV и XV, Георгикъ Виргилія, Садовъ Делиля и, въ особенности, какъ журналистъ, издававшій съ 1811 года «Образцовыя сочиненія древнихъ и новыхъ писателей». Сборникъ этотъ выходилъ съ перерывами по 1826 годъ и составляетъ 25 томовъ. Съ 1815 по 1817 г. соиздателями его были А. Тургеневъ и Жуковскій, всегда покровительствовавшій Воейкову и выдавшій за него свою племянницу А. А. Протасову. Двѣнадцать частей этого сборника вышли и вторымъ изданіемъ. Въ 1826 году, Воейковъ издавалъ съ Гречемъ «Сынъ

Отечества», но могъ ужиться съ нимъ только до марта слѣдующаго года, когда сдѣлался редакторомъ «Русскаго Инвалида» и издавалъ его 18 лѣтъ сряду, прибавивъ къ нему «Новости русской литературы» (до конца 1826 года ихъ вышло 18 книжекъ), превратившіяся потомъ въ «Литературныя Прибавленія къ Инвалиду», выходившія по два раза въ недѣлю. Уваровъ не позволялъ выпускать ихъ по три раза, когда въ 1837 году Краевскій пріобрѣлъ это изданіе—и эта была одна изъ причинъ, почему новый редакторъ перемѣнилъ заголовокъ «Прибавленій» и далъ имъ названіе «Литературной Газеты» въ память изданія Дельвига, предпринятаго въ 1830 году, но прекратившагося со смертью поэта въ слѣдующемъ же году. Кромѣ того, отъ 1827 года по 1830 годъ, Воейковъ издавалъ «Славянина»—по 52 тетради въ годъ. О Воейковѣ встрѣчаются любопытныя свѣдѣнія въ запискахъ Вигеля, Дмитріева, Панаева, Жихарева, въ замѣткахъ Лонгинова, кн. Одоевскаго; въ «Библіографическихъ Запискахъ» напечатаны посланія къ нему Жуковскаго, письма его—и между прочимъ, къ княгинѣ Екатеринѣ Александровнѣ Волконской; въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 года помѣщенъ его довольно остроумный «Парнасскій Календарь»; въ моей «Иллюстраціи» 1861 года, покойный Вл. П. Бурнашевъ описалъ «Литературные вечера у Воейкова». Но весь этотъ матеріалъ не приведенъ въ порядокъ, и вообще у насъ нѣтъ еще полной и вѣрной оцѣнки этого стариннаго дѣятеля русской литературы, какъ нѣтъ впрочемъ характеристики и многихъ новѣйшихъ, болѣе крупныхъ лицъ. Въ моемъ сборникѣ непечатныхъ произведеній русской словесности сохранилось его стихотвореніе, написанное въ отвѣтъ на пасквиль Булгарина, съ которымъ Воейковъ былъ сначала закадычнымъ другомъ. Привожу обѣ эти пьесы, характеризующія журнальные нравы того времени. Изъ булгаринскаго пасквиля въ печати цитировалось нѣсколько стиховъ. Отвѣтъ Воейкова былъ неизвѣстенъ, но несомнѣнно принадлежитъ ему, тогда какъ Булгаринъ, вовсе не владѣвшій стихомъ, никакъ не могъ самъ написать пасквиля, даже въ сотрудничествѣ съ отцомъ и съ сыномъ Гречами, и кто помогъ Булгарину состряпать грубое, но не лишенное остроумія стихотвореніе—остается неизвѣстнымъ.

ПЛАЧЪ ВОЕЙКОВА.

Ахъ, зачѣмъ было,
Ахъ, на что было
Мнѣ стихи писать,
«Инвалидъ» кропать!

Человѣчество
И отечество
Гиблобъ всѣмъ на зло—
Былобъ мнѣ тепло.

Я жену продамъ,
Дѣтей такъ отдамъ,
Толькобъ я былъ сытъ
И не явно битъ.

Хоть напасть сносить—
Толькобъ всѣхъ мнѣ злить.
Клевета и месть—
Моя слава, честь.

Мнѣ презрѣніе—
Наслажденіе,
Всѣхъ несчастіе—
Сладострастіе.

Мнѣ хоть въ рожу плюй,
Мнѣ хоть въ рыло суй,
По щекамъ трезвонь—
Лишь карманъ не тронь.

Въ немъ чувствительность,
Раздражительность,
Онъ мой Богъ и царь,
Онъ души алтарь.

Мнѣ бы въ лѣсъ бѣжать,
Мнѣ бъ людей пугать,
Мнѣ острогъ пріютъ—
Не ужасенъ кнутъ.

Былъ бы счастливъ я:
Тамъ мои друзья
Знаменитые,
Кнутомъ битые.

Тамъ грабежъ, разбой,
Вопли, крики, вой –
Звуки милые,
Хоть унылые.

Воровствомъ живу,
Подлецомъ слыву,
Ахъ, въ лѣсу бъ я былъ
Всѣмъ любезенъ милъ.

Вотъ отвѣтъ Воейкова, написанный отъ лица Булгарина.

«Ахъ, зачѣмъ было
Ахъ, къ чему было
Мнѣ стихи кропать—
Въ нихъ друзей ругать.

Хоть Воейковъ шутъ,
Хоть Воейковъ плутъ,
Но и самъ-то я
Межъ людей свинья.

Онъ жену продастъ,
Дѣтей такъ отдастъ,
Онъ разбойникъ, воръ,
Онъ людямъ позоръ.

Но не такъ ли самъ
Я жену продамъ,
Не изъ бѣдности—
Для извѣстности,

Чтобъ имѣть друзей
Изъ писателей.
Ихъ легко ловить
И потомъ сводить.

Хоть не явно битъ—
Я тайкомъ избитъ
За предательство,
Надругательство.

Я кривлю душой,
Я измѣнникъ злой,
Изъ Литвы бѣглецъ,
Межъ людей подлецъ.

Уязвить словцомъ—
Сунуть въ грязь лицомъ...
Шарлатанство, лесть—
Моя жажда, честь.

Я жидомъ, лисой,
Подползу змѣей,
Гдѣ лишь можно взять,
Поднадуть, продать.

Мнѣ не кнутъ сулятъ,
А коломъ грозятъ
За язвительность,
Злую мстительность.

Какъ съ людьми мнѣ жить,
Какъ людей любить?
Вѣчно вижу въ нихъ
Лишь враговъ своихъ.

Какъ подумаю
Да раздумаю—
Такъ мнѣ негдѣ жить,
Безъ стыда ходить.

Лучше брошусь въ адъ—
Сатана мнѣ радъ.
Буду всѣхъ пугать
И въ «Пчелѣ» ругать.

Тамъ меня поймутъ,
Тамъ во мнѣ найдутъ–
Друга вѣрнаго
И примѣрнаго.

Тамъ мнѣ надо быть,
Тамъ чудесно жить.
Я бѣгу, скачу.
Какъ стрѣла лечу».

— Ты сильнѣй кричи,
И скорѣй скачи
Ты въ свой край родной
Отъ людей долой.

Міръ твой тамъ, подлецъ!
Тамъ за жизнь вѣнецъ
Отъ отечества,
Человѣчества.

VI.

Приготовленія къ редакторскому званію.—Отецъ и сыновья Неваховичи.—Начальникъ репертуарной части.—Михаилъ Неваховичъ и его «Ералашъ».—Карикатура въ Россіи.—Доморощенное остроуміе.—Петербургскіе шулера и доктора.—Забытый предшественникъ современныхъ бактеріологовъ.—М. Н. Лонгиновъ, какъ сотрудникъ «Ералаша».—Обидчивый трагикъ и нецензурная филантропія.—Шествіе въ храмъ славы.—Скабрезные рисунки.—Какъ составлялись подписи къ карикатурамъ «Ералаша».—Пародія на шекспировскія хроники, запрещенная цензурою.—Александръ Ивановичъ Герценъ въ Петербургѣ и въ Лондонѣ.—Историческая черта изъ жизни императора Александра II.

Съ осени 1846 года я началъ готовиться къ редактированію «Литературной газеты». Въ 25 лѣтъ я былъ признанъ правоспособнымъ, чтобы явиться представителемъ общественнаго мнѣнія и «смѣть свое сужденіе имѣть». Въ цензурномъ комитетѣ, при утвержденіи меня редакторомъ, замѣтили: не слишкомъ ли я молодъ для этого званія, такъ какъ всѣмъ остальнымъ условіямъ удовлетворяли мое русское происхожденіе, образованіе и шестилѣтніе литературные и сценическіе успѣхи. Очкинъ, передавшій мнѣ эти свѣдѣнія, прибавлялъ, что онъ прекратилъ всѣ сомнѣнія цитатою корнелевскихъ стиховъ: «il est jeune, c'est vrai, mais aux ames bien nés la valeur n'attend pas le nombre des années». Въ послѣдующее, болѣе либеральное время, для занятія редакторскаго званія не требовалось, какъ извѣстно никакихъ стѣснительныхъ условій: ни принадлежности къ образованному классу, ни даже русскаго подданства или знанія русскаго языка, и редакторами являлись прусскіе и австрійскіе жиды, а изъ русскихъ люди лишенные по суду гражданскихъ правъ—или лабазники, десятки лѣтъ подписывавшіеся подъ старѣйшимъ русскимъ журналомъ: «редакторъ Усъпенскій».

Вербуя сотрудниковъ для моей газеты, я обратился и къ моему хорошему знакомому по театру Михаилу Львовичу Неваховичу, карикатурный альбомъ котораго «Ералашъ» производилъ тогда фуроръ въ петербургской публикѣ. Старшій братъ его, Александръ Львовичъ, занялъ при театрѣ мѣсто моего отца и былъ начальникомъ репертуарной части. Это былъ добродушнѣйшій, гостепріимный, услужливый господинъ, но начальникъ положительно невозможный, путавшій все и всѣхъ въ своемъ управленіи. Если дѣла театра шли хорошо въ сороковыхъ годахъ, то потому что въ нихъ не мѣшался Александръ Львовичъ, предоставляя все режисерамъ. Оба брата были причастны къ литературѣ и работали для сцены, также какъ и ихъ отецъ, поселившійся въ Петербургѣ въ царствованіе Павла. Въ 1803 году вышла здѣсь книга богословскаго содержанія «Вопль дщери Іудейской» сочиненіе Лейбы

Неваховича. Въ слѣдующемъ году явился другой философскій трактатъ: «Человѣкъ въ природѣ, переписка двухъ просвѣщенныхъ друзей». Тутъ авторъ подписался уже Л. Неваховичъ. Въ 1806 году онъ явился уже критикомъ, напечатавъ «Примѣчанія на рецензію касательно опыта россійской исторіи Елагина». Наконецъ въ 1810 году, богословъ, философъ и историкъ сдѣлался драматургомъ, поставивъ на сцену и напечатавъ пятиактную пьесу «Сульеты или спартанцы восьмнадцатаго столѣтія». Драма имѣла большой успѣхъ при Александрѣ I, хотя при Николаѣ уже не появлялась на сценѣ. Когда Неваховичъ успѣлъ превратиться изъ Лейбы въ Льва Николаевича—неизвѣстно, но вѣроятно въ теченіе этихъ шести лѣтъ, какъ онъ сдѣлался русскимъ литераторомъ. Черезъ 22 года онъ попробовалъ еще разъ явиться на сценѣ съ пятиактной трагедіей «Мечь правосудія», но эта новая пьеса не имѣла никакого успѣха, и прошла такъ незамѣтно, что даже А. И. Вольфъ не говоритъ объ ней ни слова въ своей «Хроникѣ петербургскихъ театровъ» и только называетъ ее въ спискѣ новыхъ драмъ. Чѣмъ занимался здѣсь, кромѣ литературы, Л. Неваховичъ—я не знаю: сыновья его не любили говорить о своемъ родителѣ. Старшій изъ нихъ Александръ не имѣлъ даже признаковъ еврейскаго типа: полный, бѣлокурый, съ широкимъ круглымъ лицомъ, онъ походилъ скорѣе на разжирѣвшаго помѣщика и былъ большой гастрономъ; но братъ его Михаилъ сохранилъ всѣ характерныя черты семитической расы: курчавые волосы, носъ горбомъ, смуглый цвѣтъ лица, худощавость. Видя ихъ другъ подлѣ друга, никто бы не счелъ ихъ братьями. Александръ получилъ очень хорошее образованіе и даже согрѣшилъ двумя водевилями, переведенными съ французскаго, поставивъ на сцену въ 1829 году «Гусмана д'Альфараша» веселый фарсъ, имѣвшій значительный успѣхъ и, въ 1849 году, «Поэзія любви», также очень не дурную пьесу. Но главное занятіе его, даже и во время службы при театрѣ, состояло въ исполненіи всѣхъ порученій Владиміра Ѳедоровича Адлерберга, у котораго А. Неваховичъ былъ фактотумомъ, когда еще графъ не былъ министромъ. Впослѣдствіи онъ исполнялъ тѣ же обязанности и при сынѣ его, Александрѣ Владиміровичѣ, и умеръ въ Берлинѣ, куда часто ѣздилъ по дѣламъ графа. Женатъ былъ Александръ Неваховичъ на хорошей пѣвицѣ Лебедевой. Начальникомъ репертуара онъ былъ не долго, такъ какъ при сибаритскихъ наклонностяхъ пренебрегалъ дѣлами и часто путалъ ихъ. Но онъ былъ готовъ сдѣлать для всякаго все, что̀ можетъ, и эта добродушная готовность ставила его нерѣдко въ неловкое положеніе: на всѣ просьбы онъ отвѣчалъ обыкновенно полнымъ согласіемъ и, конечно, былъ не въ состояніи исполнить свои обѣщанія. Его обычная фраза: «приходите завтра въ канцелярію», повторялась такъ часто, что ее заучили всѣ сторожа и капельди-

неры и съ удивленіемъ посматривали на неискусившагося просителя, который вздумалъ бы явиться въ канцелярію, гдѣ конечно никогда не находилъ Неваховича, а чиновники канцеляріи, разумѣется, не могли дать никакого отвѣта.

Гораздо талантливѣе и дѣятельнѣе былъ младшій братъ, Михаилъ, хотя и не такой благодушный и сообщительный. Это былъ настоящій родоначальникъ литературной карикатуры, о которомъ однако совершенно забыла наша литература, не удостоивъ серьезной оцѣнкой его въ высшей степени замѣчательное дарованіе. Газетные фельетоны сороковыхъ годовъ много говорили о работахъ М. Неваховича, потому что объ нихъ говорилъ весь городъ, но ни одной сколько-нибудь обстоятельной статьи объ этомъ не осталось въ печати. Гораздо больше говорили о другомъ, также талантливомъ, карикатуристѣ Николаѣ Александровичѣ Степановѣ, но это былъ уже преемникъ и послѣдователь Неваховича, хотя и лучше его владѣвшій карандашомъ, но менѣе остроумный и наблюдательный. М. Неваховичъ почти вовсе не умѣлъ рисовать, когда вздумалъ издавать свой «Ералашъ». До тѣхъ поръ онъ занимался тѣмъ, что набрасывалъ въ свой альбомъ, безъ малѣйшей художественной отдѣлки, карикатуры на своихъ знакомыхъ. Такихъ альбомовъ не мало ходило въ то время по рукамъ и между ними былъ особенно замѣчателенъ альбомъ одного изъ братьевъ Лонгиновыхъ—не начальника цензуры: тутъ встрѣчались и политическіе рисунки и совершенно порнографическія акварели. Въ альбомѣ Неваховича было также нѣсколько весьма удачныхъ рисунковъ. Съ талантомъ, присущимъ многимъ интелигентнымъ представителямъ еврейскаго племени, Михаилъ Львовичъ умѣлъ необыкновенно мѣтко схватывать сходство и типическія особенности лицъ, а придавая имъ нѣсколько шаржированное выраженіе, представляя ихъ въ карикатурѣ, вызывалъ невольную улыбку даже у тѣхъ, кого онъ срисовывалъ въ свой альбомъ. Но не учась вовсе рисовать, и имѣя смутныя понятія о законахъ перспективы и анатоміи человѣческаго тѣла, онъ дурно рисовалъ фигуры и вообще обстановку своихъ карикатуръ. Чтобы помочь этому недостатку, онъ взялъ въ сотрудники для своего изданія молодого художника И. Пальма и, набрасывая придуманную имъ карикатуру, типъ или сцену, рисовалъ только головы, а все остальное отдѣлывалъ и дополнялъ Пальмъ. Этотъ родъ сотрудничества на второй годъ изданія «Ералаша» сдѣлался излишнимъ, такъ какъ Неваховичъ, по своей даровитой натурѣ, скоро овладѣлъ искусствомъ рисовать бѣгло и правильно,—бойко рисовалъ онъ и прежде; поэтому послѣдніе листы и цѣлыя тетради карикатурнаго альбома набрасывались уже безъ помощи Пальма. Началъ выходить альбомъ въ 1846 году, тетрадями, по четыре въ годъ въ полиста большого формата, in folio, исполнявшихся литографіей въ

изданіи Эрмитажной галереи и продавался въ книжномъ магазинѣ Ольхина по полтора рубля за тетрадь. Первые два года успѣхъ альбома былъ огромный, но сорокъ восьмой годъ съ его невозможною цензурою убилъ и это предпріятіе, какъ много другихъ литературныхъ и художественныхъ изданій, и, пробившись еще годъ съ разными «независящими обстоятельствами», «Ералашъ» погибъ окончательно въ 1849 году. Теперь онъ составляетъ библіографическую рѣдкость, но не смотря на развитіе у насъ въ послѣдующіе годы множества карикатурныхъ и такъ называемыхъ сатирическихъ изданій, немногія изъ нихъ могутъ сравниться съ «Ералашемъ» по остроумію карикатуръ и бойкому исполненію ихъ. Въ нихъ, по возможности, затронуты не безъ юмора, не рѣдко добродушнаго, но иногда и очень ѣдкаго, главныя стороны общественной жизни Петербурга въ 1846—1849 годахъ, всѣ его знаменитости, событія, увеселенія. На каждомъ листѣ, въ числѣ 6-ти—10-ти рисунковъ встрѣчалось множество портретовъ, часто даже вовсе не шаржированныхъ,—лицъ, знакомыхъ всей столицѣ. Карикатуристъ не щадилъ и себя: не рѣдко въ рисункахъ изображается его собственный портретъ, нисколько не польщенный. Онъ нарисовалъ себя на заглавномъ листѣ всѣхъ годовъ, въ первый годъ вмѣстѣ съ Пальмомъ, потомъ уже только одного себя. Его типическая физіономія, горбоносая, съ маленькой бородкой клиномъ, является чаще всего въ сопровожденіи его друзей—поэта Губера и М. Лонгинова, будущаго гонителя въ особенности юмористическихъ и сатирическихъ изданій. Рисовалъ онъ и своего брата, въ которомъ только одинъ носъ обличалъ ихъ родство и племенное происхожденіе. Въ одной карикатурѣ Михаилъ Невяховичъ нарисовалъ себя показывающимъ языкъ доктору, внизу подпись: Больной:—«Неправда ли, у меня прескверный языкъ?» Докторъ:—«На видъ ничего, а на дѣлѣ—можетъ быть». На другомъ рисункѣ типичная фигура говоритъ сильно жестикулируя: «Кто вамъ далъ право рисовать меня въ «Ералашѣ?»—«Я никогда и не думалъ!» — отвѣчаетъ издатель альбома. — «Что вы меня увѣряете! Тамъ подъ одной картинкой подписано: мошенникъ». Этотъ обижающійся господинъ является и въ другихъ рисункахъ уже въ видѣ управляющаго конторою. Директоръ спрашиваетъ его: откуда взялся у него домъ? — Въ аллегри выигралъ, отвѣчаетъ тотъ. Домъ этотъ, снятый съ натуры, изображенъ на листѣ, носящемъ общее названіе «Петербургскія тайны», а подъ нимъ подпись: тайна управляющаго конторою. Въ Большомъ театрѣ давали тогда часто маскарады съ томболою и лотереею—алегри, но очень частые выигрыши самыхъ цѣнныхъ вещей театральными чиновниками заставили въ скоромъ времени прекратить этотъ родъ увеселеній.

Безпощадно преслѣдовалъ Неваховичъ карточныя мошенничества, и въ «Ералашѣ» можно найти портреты извѣстныхъ шулеровъ того времени. Двое изъ нихъ изображены на рисункѣ, повалившими на полъ обобраннаго до рубашки партнера, отдающаго имъ свой кошелекъ подлѣ стола, на которомъ лежатъ даже нераспечатанныя колоды картъ. Внизу подпись: «усовершенствованный преферансъ». Изображены и пожиманія ногъ подъ столомъ, въ преферансѣ «съ приглашеніемъ» и маленькій сынъ хозяина, шепчущій на ухо отцу: «папа, въ прикупкѣ тузъ трефъ!» Достается порядочно и докторамъ, портреты которыхъ въ изобиліи украшаютъ альбомъ. Тутъ изображены и тогдашнія знаменитости и, въ особенности, театральные доктора: Берсъ, Гейденрейхъ, Дворжакъ. Неваховичъ изображаетъ ихъ стрѣляющими на воздухъ изъ пушки — микстурами и рецептами въ гриппъ, распространяющійся подъ ихъ ногами въ формѣ гриба (довольно бѣдное остроуміе, основывающееся на созвучіи этихъ словъ) и свободно пропускающими въ петербургскую заставу, въ 1848 году, холеру, потому что она называетъ себя — холериною изъ Персіи (тогда на заставахъ существовали еще и шлахбаумы и дикіе опросы пріѣзжающихъ въ столицу и выѣзжающихъ изъ нея): только вмѣсто солдатъ съ ружьями изображены доктора, отдающіе честь гостьѣ клистирными трубками. Подъ рисункомъ, описывающимъ увлеченіе минеральными водами—помѣщено четверостишіе:

«Послѣ курса — узко платье,
«Передъ курсомъ — широко,
«Воды — вамъ мое проклятье!
«Лучше буду пить клико».

внизу надпись—М. Л., то-есть Михаилъ Лонгиновъ, бывшій усердным сотрудникомъ «Ералаша». Цѣлый листъ посвященъ холернымъ разговорамъ великосвѣтскихъ особъ, толкующихъ о томъ, кого изъ нихъ тошнило, кого рвало. Элегантная дама на прогулкѣ, обернувшись къ своему лакею, спрашиваетъ: «Иванъ, это у тебя бурчитъ?— Никакъ нѣтъ-съ! у васъ, сударыня,—отвѣчаетъ гайдукъ, снимая шляпу. На другомъ листѣ цѣлая группа фанатиковъ, вдыхающихъ въ себя камфарныя сигареты Распайля, какъ предохранительное средство отъ холеры.

Любопытно, какъ быстро забываются у насъ уроки прошедшаго: въ сороковыхъ годахъ и даже въ началѣ пятидесятыхъ было въ большой модѣ медицинское ученіе доктора-соціалиста Распайля о происхожденіи всѣхъ болѣзней отъ живыхъ микроскопическихъ организмовъ. Въ своей «Histoire de la maladie et de la santé» онъ положительно всѣ немощи человѣчества приписываетъ размноженію въ нашемъ тѣлѣ зловредныхъ, хотя и невидимыхъ, существъ, подтачивающихъ наше существованіе и медленно или быстро сводящихъ насъ въ могилу. У сына Распайля отрѣзали ногу, вслѣд-

ствіе развившагося на ней злокачественнаго нарыва. Отецъ началъ рыться въ нарывѣ и въ гніющей кости нашелъ какого-то звѣря, причинившаго болѣзнь. Въ чахоткѣ несомнѣнно присутствіе другого звѣря, постепенно съѣдающаго легкія. Даже въ простомъ насморкѣ докторъ видѣлъ инфузорію, точащую внутреннюю слизистую оболочку носовой полости, въ зубной боли — червяка, сверлящаго кость. Отъ всѣхъ этихъ болѣзней Распайль думалъ избавиться однимъ средствомъ — камфорою, уничтожающею всѣ мелкіе, живые организмы. Онъ совѣтовалъ употреблять камфору во всѣхъ видахъ и какъ наружное втираніе, въ формѣ камфарнаго спирта или масла, и внутрь, и вдыхать въ себя ея испаренія. Распайлевская противохолерная микстура изъ камфоры дѣйствительно останавливала самые сильные холерные припадки. Сигареты пользы не принесли и были только увлеченіемъ какъ и многое въ ученіи этого умнаго и энергичнаго врача. Но это не причина черезъ тридцать лѣтъ забыть заслуги и открытія его въ области медицинскихъ теорій. Почему же современные бактеріологи, охотясь за микроорганизмами во всѣхъ болѣзняхъ, отыскавъ даже «микробъ любви», не говорятъ ни слова о трудахъ на этомъ поприщѣ своего предшественника Распайля? Никто даже и не упоминаетъ его имени, излагая исторію бактеріологическихъ опытовъ. Неужели нельзя разсчитывать хоть на справедливость, если не на благодарность потомства?..

Особенно хорошъ въ «Ералашѣ» Невскій проспектъ со всѣми обычными его посѣтителями, съ портретами лицъ гуляющихъ для здоровья, для развлеченія, съ горя, отъ нечего дѣлать, для собственнаго удовольствія. Съ этою послѣднею цѣлью прогуливается только одинъ бульдогъ. Изъ увеселеній столицы изображенъ первый день масляницы 1846 года съ проливнымъ дождемъ и второй — съ пятнадцатиградуснымъ морозомъ; майское гулянье, съ котораго городовой выноситъ замерзшаго человѣка. Изъ петербургскихъ увлеченій осмѣяна страсть къ пусканію мыльныхъ пузырей: ихъ пускаютъ даже клоунъ Віоль и лошадь высшей школы въ циркѣ Лежара. Изъ отжившихъ типовъ представленъ портретъ петербургскаго откупщика, любующагося какъ мужики тузятъ другъ друга, чтобы поскорѣе пробиться въ кабакъ. Подпись внизу изъ Измайлова: «однако надобножъ, чтобъ больше пилъ народъ». Меня Неваховичъ нарисовалъ спящимъ въ театрѣ «за деньги», вмѣстѣ съ начальникомъ репертуара, управляющимъ конторою Кирѣевымъ, княземъ Дондуковымъ, Потемкинымъ, Віельгорскимъ и другими присяжными посѣтителями театра, — въ то время, когда въ коридорахъ лакеи на шубахъ спятъ «даромъ». Изъ литераторовъ помѣщены портреты: Панаева, наблюдающаго, какъ книгопродавецъ Ратьковъ раздаетъ дичь въ видѣ приложенія къ «Современнику», Булгарина являющагося привидѣніемъ господину, начитавшемуся на ночь

«Всякой всячины», критика «Сѣверной Пчелы» Брандта, мизерной фигурки, обладавшей колосальнымъ самолюбіемъ, карикатуриста Степанова, Григоровича, роющагося въ навозѣ, читающаго «Антона-Горемыку» при заснувшихъ отъ скуки слушателяхъ и ухаживающаго за Акулиной, обливающей его помоями, поэта Губера, съ постною физіономіей бродившаго по маскарадамъ и съ подписью изъ его стиховъ: «Тяжело, не стало силы, ноетъ грудь моя, злое горе до могилы дотащу ли я?».—Изъ театральныхъ пьесъ помѣщены карикатуры на «Смерть Ляпунова», и «Вѣчнаго Жида», который наконецъ упалъ и можетъ отдохнуть на Александринской сценѣ. Изображена страшно исхудавшая голова Максимова на тонкой спичкѣ, съ подписью: «первый любовникъ Александринскаго театра постомъ отдохнулъ и поправился». Первый трагикъ, представленный также въ карикатурѣ, въ костюмѣ денди, такъ обижался, увидѣвъ свое изображеніе, что Неваховичъ долженъ былъ исключить его портретъ и замѣнить другимъ рисункомъ. Цензура въ первый годъ запретила одинъ листъ рисунковъ самаго невиннаго содержанія: изображенъ былъ спектакль въ пользу бѣдныхъ, на которомъ фешьонебельной публикѣ подносили фрукты и мороженое и извѣстный Эльканъ клалъ себѣ на колѣни цѣлую груду винограду и грушъ. На другомъ рисункѣ жирный швейцаръ оттонялъ кулаками нищихъ отъ подъѣзда съ афишею:«спектакль въ пользу бѣдныхъ». Ниже, съ подписью: «обѣдъ въ пользу бѣдныхъ» были нарисованы филантропы, объѣдающіеся и упивающіеся шампанскимъ, а по другую сторону—нищіе за непокрытымъ столомъ питающіеся объѣдками. Что было нецензурнаго въ этихъ рисункахъ—понять мудрено. Но «Ералашъ» былъ замѣчателенъ еще и тѣмъ, что листы его не были испачканы подписью: «печатать позволяется». Одна общая подпись была на оберткѣ альбома и не пестрила каждаго листа. Послѣдній, 24-й листъ альбома 1847 года оканчивался большою алегорическою картиною «Шествіе въ храмъ славы». Казенный полосатый шлагбаумъ поднималъ цензоръ Очкинъ. Подлѣ него стоялъ Гребенка, впереди всѣхъ шелъ Гречъ съ своей граматикой и съ «Черной женщиной» на плечахъ, за нимъ Кукольникъ, съ своей «Иллюстраціей». Муза очищала метлою дорогу передъ обнявшимися Жуковскимъ и Вяземскимъ. Внизу другая муза тащила съежившуюся фигуру Бенедиктова. Въ тарантасѣ, на запяткахъ котораго стоялъ медвѣдь, ѣхалъ Сологубъ, пуская мыльные пузыри, подлѣ бѣжалъ въ припрыжку Панаевъ, шелъ Одоевскій и скелеты несли Губера, разсматривающаго черепъ. Выше всѣхъ несся Гоголь, уснувшій на второмъ томѣ «Мертвыхъ душъ» и за нимъ Булгаринъ летѣлъ верхомъ на пчелѣ. Внизу, въ лѣвомъ углу, бѣжалъ Вл. Зотовъ и выглядывала голова Некрасова. Неваховичъ не сочувствовалъ «Отечественнымъ Запискамъ» и не помѣстилъ на пути въ храмъ славы ни одного изъ ихъ сотрудниковъ. Но изъ шестнад-

цати изображенныхъ имъ писателей 1847 года, не исключая и самаго карикатуриста, въ живыхъ остался только я одинъ.

Никакого скабрезнаго, порнографическаго элемента, которымъ только и живутъ современные карикатуристы, Неваховичъ не допускалъ въ «Ералашѣ». Всего подъ друмя-тремя рисунками у него нѣсколько рискованныя подписи: «Вѣдь мамашѣ должно быть очень скучно съ тобой, папа? говоритъ маленькій сынъ. — Изъ чего же ты это заключаешь? — спрашиваетъ отецъ. — Да съ нами она и разговариваетъ, и играетъ, а съ тобой все спитъ». На представленіи живыхъ картинъ въ посту, при видѣ группы граціи Кановы, мальчикъ говоритъ своему гувернеру:—вы хотѣли свести насъ въ театръ, Карлъ Иванычъ, а привели въ баню. На рисункѣ съ надписью: «Дѣтскій балъ», изображена танцующая въ сильно-интересномъ положеніи дама; внизу подпись: «Надо же доставить удовольствіе и своему ребенку». Но въ альбомѣ 1848 года цѣлый листъ 18-й, показался до того неприличнымъ, что Неваховичъ замѣнилъ его другимъ. На немъ изображены купальни и въ нихъ между типами лицъ купающихся, одни для того, чтобы потолстѣть, другіе для того, чтобы похудѣть, изображены: трагикъ Каратыгинъ, купающійся во время дождя подъ зонтикомъ и еще одинъ извѣстный всѣмъ лысый господинъ, съ такимъ широкимъ отдутловатымъ лицомъ и едва замѣтными глазами и носомъ, что про него говорятъ: «странное дѣло—вотъ ужъ четверть часа, какъ этотъ господинъ ныряетъ!» На другомъ рисункѣ гувернеру кричатъ, что его Коля тонетъ, но Карлъ Иванычъ занятый наблюденіями въ щелку, просверленную въ сосѣднюю женскую купальню, отвѣчаетъ: lassen sie! da ist ein prachtvolles Mädchens».

Перечисленіе лучшихъ рисунковъ «Ералаша» заняло бы слишкомъ много времени. Повторю, что это лучшій русскій карикатурный альбомъ, на составленіе котораго потрачено много остроумія и веселости. Конечно, у Неваховича было немало сотрудниковъ, но идея большей части рисунковъ принадлежитъ все-таки ему самому и только подписи къ нимъ составлялись иногда общими силами пріятелей художника, обыкновенно послѣ ужина, въ дружеской бесѣдѣ у гостепріимнаго хозяина, за столомъ, съ котораго снимались приборы, но не бутылки. Часто было даже трудно сказать, кому именно изъ собесѣдниковъ принадлежала та или другая удачная подпись подъ карикатурою. Но Неваховичу во всякомъ случаѣ принадлежитъ бо́льшая часть этихъ légendes, какъ ихъ называютъ французы, между которыми Гаварни, Хамъ и Берталь, прославились не меньше чѣмъ рисунками—своими подписями къ нимъ. Въ моей «Иллюстраціи» Н. Д. Хвощинская помѣстила большую статью «Гаварни и его рисунки», въ которой представлена замѣчательная оцѣнка этого главы французскихъ карикатуристовъ, какъ художника и какъ литератора-юмориста. Такимъ же

точно главою русской школы этого рода произведеній былъ М. Неваховичъ. Онъ пробовалъ также свои силы и на сценѣ и, въ 1849 году, поставилъ оригинальный водевиль «Великанъ изъ Америки», не имѣвшій, впрочемъ, успѣха. Въ томъ же году, онъ написалъ остроумную пародію на историческія и драматическія фантазіи, поставляемыя Кукольникомъ и его послѣдователями: «Эдуардъ CXII, король Англіи»—историческая хроника въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ съ маршами, пожаромъ, сраженіями, разрушеніемъ хижины и великолѣпнымъ спектаклемъ. Къ этой хроникѣ онъ составилъ цѣлую серію карикатурныхъ сценъ и рисунковъ, которыми хотѣлъ занять цѣлый выпускъ «Ералаша» 1849 года. Въ пьесѣ было всего шесть страницъ по числу листовъ выпуска. Первая изъ нихъ была занята огромнымъ числомъ дѣйствующихъ лицъ. Кромѣ короля и принца Валлійскаго, тутъ были герцоги Глочестерскій, Іоркскій, графы Эссексъ, Кентербури, Пенденмури, Диндерло, лорды Ромберлей, Финдерлей и Дундерлей, отшельникъ, даже Кромвель, офицеры: Гордонъ, и Шитъ, принцесса Кларанская, Агнеса—ея наперсница, часовые, гонцы, члены парламента, войско, музыканты, народъ. Дѣйствіе происходитъ въ Англіи, во времена междоусобій. Привожу первый актъ трагедіи, полный шекспировской простоты и краткости.

Театръ представляетъ лѣсъ. Вдали дворецъ. Слышенъ звукъ трубъ. Явленіе первое. На сценѣ двое часовыхъ. Глубокое молчаніе продолжается десять минутъ.

1-й часовой. Зачѣмъ Богъ создалъ часовыхъ?
2-й часовой. Чтобъ на часахъ они стояли.
1-й часовой. Когда же не было бы ихъ?..
2-й часовой. Тогда часовъ бы мы не знали.

Перемѣна декораціи. Тронный залъ съ портретомъ короля. Явленіе второе. Съ правой стороны входитъ принцесса, за нею наперсница.

Принцесса. О, милый мой отецъ,
Когда жъ бѣдамъ конецъ?

Наперсница. Принцесса! (Принцесса убѣгаетъ налѣво, наперсница за нею).

Перемѣна декораціи. Лагерь. Направо деревья. Воины спятъ. Явленіе третье. Герцогъ Глочестерскій и лордъ Диндерло.

Герцогъ. Какъ дни жестоко знойны!
Проснитесь, мои воины.
Лордъ. Какъ мирно спятъ
Всѣ наши воины,
И какъ они всѣ стройны,
Когда враговъ разятъ.

(Воины просыпаются и кричатъ: ура! потомъ уходятъ за герцогомъ).

Перемѣна декораціи. Явленіе четвертое. Галерея во дворцѣ. По ней ходитъ часовой. Принцесса выбѣгаетъ съ лѣвой стороны. За ней наперсница.

Принцесса. Ахъ, Боже мой!
Что станется со мной? (Убѣгаетъ направо).

Наперсница. Принцесса! (убѣгаетъ за нею. Занавѣсъ падаетъ).

Второе дѣйствіе начинается въ дворцовой залѣ. Принцесса вбѣгаетъ съ правой стороны, произноситъ стихи: «Вездѣ враги, враги! хоть на тотъ свѣтъ бѣги!» и убѣгаетъ налѣво. Наперсница слѣдуетъ на нею съ своимъ обычнымъ возгласомъ: «принцесса!» Является Эдуардъ стодвѣнадцатый съ своимъ дворомъ и говоритъ: «Враги тревожатъ насъ!»—«Ваше величество, да-съ!» подтверждаетъ герцогъ Эссексъ. Принцъ Валійскій настаиваетъ, что ихъ надо истребить. Народъ кричитъ: ура! и да здравствуетъ король! Въ слѣдующемъ явленіи принцесса опять прибѣгаетъ въ садъ и сокрушается о своей участи и затѣмъ, по заведенному порядку, бѣжитъ направо. Потомъ, въ залѣ дворца, герцогъ Глочестерскій признается лорду Диндерло, что любитъ принцессу. «Отечество я защищаю, но трепетъ сердца ощущаю!»—говоритъ онъ. Третье дѣйствіе—въ лагерѣ герцога Іоркскаго. Воины спятъ. Слышенъ ударъ грома. Герцогъ идетъ на короля, но прежде велитъ подать вина. «Чтобъ враговъ намъ побѣдить, за гибель ихъ мы будемъ пить!»—говоритъ онъ. Лорды Финдерлей и Дундерлей называютъ его освободителемъ Англіи и великимъ предводителемъ. Во второмъ явленіи, принцесса въ своей комнатѣ обращается къ наперсницѣ съ словами:—«долго ль намъ еще страдать, ночи темныя не спать?» потомъ все-таки убѣгаетъ. Въ третьемъ явленіи изъ пещеры въ лѣсу выходитъ старый отшельникъ и сокрушается объ Англіи, которая «потоки крови проливаетъ и вѣрность долгу забываетъ». Изъ-за кустовъ выбѣгаетъ графъ Пенденмури и убиваетъ отшельника. Изъ пещеры выходитъ Гордонъ и закалываетъ Пенденмури. Въ ту же минуту выбѣгаетъ Кентербури и убиваетъ Гордона. Раздается ударъ грома и Кентербури падаетъ пораженный молніею. Пещера загорается. Въ четвертомъ дѣйствіи принцъ Валлійскій сообщаетъ принцессѣ:—«нашъ батюшка сейчасъ скончался!» «О, въ этомъ я не сомнѣвался!»—говоритъ въ сторону герцогъ Глочестерскій. Принцесса говоритъ, рыдая: «Его лишилась я, Агнеса!» — О, принцесса! — повторяетъ наперсница. Затѣмъ, въ дворцовомъ залѣ, принцъ Валлійскій, въ парадномъ платьѣ, говоритъ герцогу Глочестерскому: «не стало болѣе его! Отчизна, много ты страдала, теперь блаженства твоего ужъ новая заря настала!» Но герцогъ закалываетъ принца со словами: «умри, отцеубійца!» Въ окно вдругъ вскакиваетъ лордъ Ромберлей и убиваетъ герцога, со словами: умри, цареубійца! Въ слѣдующемъ явленіи принцесса отправляется въ свою спальню, говоря наперсницѣ: «во Францію ты удались и о душѣ моей молись!» Наперсница отвѣчаетъ:—«принцесса!» и убѣгаетъ—но этотъ разъ уже одна. Пятое дѣйствіе — входитъ графъ Эссексъ. Къ нему являются одинъ за другимъ нѣсколько гонцовъ съ извѣстіями о приближеніи герцога Іоркскаго съ войскомъ. «Графъ Диндерло пораненъ въ ногу, но живъ онъ—слава Богу!»—Я радъ, что онъ не будетъ пищею воронъ!—отвѣчаетъ графъ.—«Непріятель подступаетъ, но гдѣ онъ—

никто не знаетъ,—сообщаетъ другой гонецъ.—«О демоны! что станется со мной! Трубите сборъ! готовьтесь въ бой!»—«Врагъ въ двухъ шагахъ ужъ на носу!» — «Я свой позоръ въ могилу унесу! Друзья, умрите вы, врага кляня, а мнѣ скорѣй—коня, коня!» Онъ убѣгаетъ. Послѣдняя картина представляетъ поле сраженія. Герцогъ Іоркскій и вся его армія лежатъ убитые. Графъ Эссексъ становится на колѣни и говоритъ: «отечество спаслося отъ врага! Не будетъ больше здѣсь его нога!» Войско кричитъ ура, трубы трубятъ, занавѣсъ падаетъ.

Веселой шуткѣ этой, пародирующей, конечно въ преувеличенномъ шаржѣ, слабыя стороны шекспировскихъ трагедій, не пришлось однако явиться въ печати. Цензура запретила и пьесу и рисунки. Напрасны были и передѣлки названія въ «Герцога Глочестерскаго» и совершеннаго исключенія изъ трагедіи—короля, его наслѣдника, цареубійства: во Франціи, въ Германіи, въ Австріи вспыхнули революціи—и потому русская цензура сдѣлалась строгой до абсурда. Въ ней тоже произвели своего рода революцію—только въ реакціонномъ направленіи—Мусинъ-Пушкинъ, цензоры Елагинъ, Фрейганъ и другіе достойные ихъ сподвижники...

Михаилъ Неваховичъ умеръ въ молодыхъ лѣтахъ отъ аневризма или отъ порока сердца, какъ его другъ поэтъ Губеръ, скончавшійся еще раньше, 33-хъ лѣтъ, отъ той же болѣзни. Женатъ онъ былъ на недурной, хотя и не красивой танцоркѣ Смирновой. Дѣтей у него не было.

1846 годъ памятенъ мнѣ особенно потому, что въ этомъ году я познакомился у Краевскаго съ Александромъ Ивановичемъ Герценомъ. Впечатлѣніе, какое произвелъ на меня, какъ конечно и на всѣхъ близко знавшихъ его, этотъ богато-одаренный природою человѣкъ и писатель такъ сильно, что говорить объ немъ въ немногихъ словахъ нельзя, а говорить подробно—еще не настало время. Къ сожалѣнію, я видѣлъ его въ Петербургѣ только три раза и изъ нихъ только одна бесѣда продолжалось нѣсколько часовъ—остальныя были слишкомъ коротки. Онъ вскорѣ же уѣхалъ въ Москву, а въ слѣдующемъ году, по смерти отца, эмигрировалъ за границу. Переписки вести было невозможно и я свидѣлся съ Александромъ Ивановичемъ только черезъ десять лѣтъ, когда заграничная поѣздка не была уже для насъ запретнымъ плодомъ. Въ Лондонѣ или точнѣе — въ Путнеѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы Англіи, гдѣ жилъ тогда на дачѣ Александръ Ивановичъ, я провелъ нѣсколько дней, о которыхъ конечно никогда не забуду, какъ и о томъ времени, когда онъ былъ моимъ чичероне въ Лондонѣ, водилъ меня на митинги и въ клубы, гдѣ я знакомился съ тогдашними политическими дѣятелями. Не забыть мнѣ и послѣднихъ бесѣдъ нашихъ еще черезъ десять лѣтъ въ Женевѣ, на берегу ея синяго озера... Но обо всемъ этомъ говорить еще рано. Не могу

только, вспоминая объ этой выдающейся личности, не вспомнить въ то же время и другого свѣтлаго, высоко-кроткаго образа, относившагося гуманно даже въ тѣмъ, кого онъ считалъ врагами своими или своего отечества. Разскажу одну черту изъ жизни покойнаго государя, касающуюся Герцена, хотя эта черта относится къ позднѣйшему времени. Въ печати она не появлялась и объ ней мало кто знаетъ.

Въ 1857 году, когда поѣздка за границу сдѣлалась доступною для всѣхъ, много лицъ изъ литературнаго міра воспользовалось уничтоженіемъ преградъ, разобщавшихъ насъ съ западной Европой. Ближайшаго и прямого сообщенія съ нею черезъ Берлинъ тогда еще не было: желѣзная дорога отъ Кенигсберга до нашей границы только строилась. Я поѣхалъ моремъ прямо въ Ротердамъ, потомъ изъ Голандіи черезъ Бельгію въ Лондонъ. Тамъ уже было много русскихъ, между которыми покойный Краевскій и нѣсколько доселѣ здравствующихъ писателей; всѣ они конечно желали видѣть своего собрата, «колоколъ» котораго такъ громко гремѣлъ въ Россіи. Герценъ принялъ всѣхъ радушно—кромѣ Некрасова, однако, котораго обвинялъ въ неблаговидныхъ поступкахъ, по отношенію къ женѣ Николая Платоновича Огарева. Вернувшись въ Петербургъ и готовясь къ редактированію въ 1858 году «Иллюстраціи», я продолжалъ, хотя уже не такъ часто, посѣщать театры, особенно въ дни первыхъ представленій. Знакомые кассиры оставляли мнѣ всегда одно и тоже кресло, подлѣ кресла «Сѣверной Пчелы», третье отъ средняго прохода въ 4-мъ ряду. Первое крайнее кресло этого ряда принадлежало III-му Отдѣленію и на немъ почти всегда сидѣлъ одинъ изъ его чиновниковъ Иванъ Андреевичъ Нордстремъ, человѣкъ чрезвычайно любезный и обходительный. Я познакомился съ нимъ и мы часто бесѣдовали весьма откровенно о предметахъ, неподлежащихъ публичному обсужденію. Либеральничало тогда и Третье Отдѣленіе. Кресло «Пчелы» обыкновенно пустовало и я садился подлѣ Ивана Андреевича, и когда являлся П. С. Усовъ, взявшій на себя черезъ три года потомъ редакторство «Пчелы», просилъ его пересѣсть на мое мѣсто. Однажды, въ сентябрѣ, сосѣдъ мой очень любезно предупредилъ меня, что «у нихъ» знаютъ о поѣздкѣ моей и другихъ писателей въ Лондонъ и о нашихъ посѣщеніяхъ Герцена. Я отвѣчалъ, что не считаю нужнымъ скрывать этого. Уѣзжая, я не давалъ подписки, встрѣтясь за границей съ знакомымъ мнѣ по Петербургу человѣкомъ, зажать ротъ и уши и бѣжать отъ него.

— Все это такъ, замѣтилъ добродушный Нордстремъ, но совѣтую вамъ однако принять мѣры на случай, когда будетъ сдѣланъ допросъ по этому предмету.

Какія же мѣры я могъ принять? Бумаги мои восемь лѣтъ назадъ были разсмотрены въ III Отдѣленіи, куда ихъ возили вмѣстѣ

со мною, по дѣлу Петрашевскаго. Съ тѣхъ поръ въ нихъ не прибавилось ничего особеннаго. Книги, по словамъ самого Леонтія Васильевича Дубельта, снимавшаго съ меня предварительный допросъ, могли служить только какъ обстоятельства, увеличивающія вину, circonstances aggravantes, если бы за мной нашли какую-нибудь вину. Но такъ какъ меня выпустили изъ крѣпости тотчасъ послѣ допроса въ тайной комиссіи, то я, не признанный виновнымъ въ 1849 году, не могъ считать себя преступникомъ въ 1857-мъ только потому, что видѣлся въ Лондонѣ съ петербургскимъ знакомымъ. Поэтому я былъ совершенно спокоенъ, хотя ждалъ съ любопытствомъ, какого рода «запросъ» будетъ предложенъ мнѣ хотя бы и либеральничавшимъ III-мъ Отдѣленіемъ. Но прошло недѣли двѣ безъ всякихъ послѣдствій. То мнѣ нельзя было быть въ театрѣ, то я не находилъ моего сосѣда въ его креслѣ. Наконецъ, въ половинѣ октября, онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. Шефъ жандармовъ получилъ отъ нашего посла въ Лондонѣ списокъ лицъ, посѣщавшихъ Герцена. Дѣлая докладъ государю, жефъ жандармовъ подалъ и этотъ списокъ съ объясненіемъ, что получилъ его отъ барона Брунова. Государь стоялъ у камина, горѣвшаго въ холодный октябрскій день.

— Не дѣло русскаго посла заниматься такими донесеніями!— сказалъ Александръ Николаевичъ и бросилъ въ каминъ списокъ, не развертывая его.

Нужно ли прибавлять еще что-нибудь къ этимъ словамъ, и этому поступку, достойнымъ того, чтобы навѣки остаться въ исторіи?..

В. Зотовъ.

ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ [1].

(Выдержки изъ автобіографическихъ замѣтокъ).

VII.

Исторія русской журналистики.—Указатели журнальныхъ статей.—Еженедѣльная газета въ 1847—1848 годахъ.—Неблагопріятныя условія, мѣшавшія успѣху «Литературной Газеты».—Ошибки редакціи.—Преобладаніе въ газетѣ научныхъ статей и библіографіи.—Читатели и сотрудники.—Мих. Илар. Михайловъ.—Двадцатипятилѣтняя годовщина его смерти.—Н. Д. Хвощинская и ея мнѣнія о поэзіи и искусствѣ.—«Московскій Городской Листокъ».—Стихи императрицы Елисаветы Петровны.—Журнальная полемика.—Побасенка Ив. Андр. Крылова.—Продѣлки Булгарина.—Европейскія волненія 1848 года, отозвавшіяся въ Россіи.—Запрещеніе говорить о революціи.—Дурные слухи.—Цензурный переполохъ и невозможныя распоряженія.—Негласный комитетъ.—Цензоръ Елагинъ и прекращеніе «Литературной Газеты».—Холера и ея жертвы между писателями: Менцовъ, Аксель, Сорокинъ, Ефимовичъ.—Истомина и ея супругъ.—Смерть Песоцкаго и трехъ сотрудниковъ «Литературной Газеты».—Непростительный промахъ редакціи.—Изленіада и пародія на нее.—Ѳед. Алекс. Кони, какъ сатирическій поэтъ.

ИСТОРІЯ журналистики имѣетъ чрезвычайно важное значеніе во многихъ отношеніяхъ. Безъ нея немыслима полная и всесторонняя исторія литературы и невозможно рѣшеніе вопроса, какую роль играетъ журналистика въ общественной жизни; она важна кромѣ того для характеристики времени, то есть—явленій и лицъ этой жизни, современной науки и литературы. Безъ нея невозможна исторія критики—и даже исторія вообще». Этими словами начинаетъ С. Весинъ свои «Очерки исторіи русской журналистики двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ», книгу серьезную, объемистую,

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XL, стр. 93.

но какъ многія серьезныя книги оставленную безъ вниманія нашею критикою, а теперь и совершенно забытую, хотя не прошло еще и десяти лѣтъ со времени ея появленія. Такое равнодушіе нашей журналистики къ своей собственной исторіи не можетъ быть объяснено одними недостатками книги г. Весина. Въ ней дѣйствительно много пропусковъ, много неяснаго, недосказаннаго, но все-таки это единственная у насъ сколько-нибудь систематичная и обстоятельная исторія любопытной журнальной эпохи, которую мы знаемъ даже меньше, чѣмъ журналистику Екатерининскаго времени. Для оцѣнки журнальной дѣятельности XVIII столѣтія у насъ имѣется почтенный трудъ г. Неустроева, изслѣдованія Тихонравова, Буслаева, Пекарскаго и др., тщательная разработка періодическихъ изданій Новикова и его послѣдователей въ трудахъ Аѳанасьева, Ефремова, Лонгинова и др. Г. Весинъ разсказалъ журнальную исторію послѣднихъ годовъ царствованія Александра I и первыхъ—Николая I, но дальше, начиная съ сороковыхъ годовъ, у насъ уже нѣтъ никакихъ историческихъ очерковъ нашей журналистики, хотя матеріаловъ для нея не мало въ разныхъ мемуарахъ, указателяхъ періодическихъ изданій, критическихъ обзорахъ главнѣйшихъ журналовъ и отчетовъ за отдѣльные года. Но все это отрывочно, не полно, не систематично, разбросано въ сотняхъ книгъ—а между тѣмъ г. Весинъ совершенно основательно замѣчаетъ, что ни исторія литературы, ни даже исторія общественной жизни, въ данное время не мыслима безъ исторіи журналистики. Составленію ея могли бы содѣйствовать редакторы отдѣльныхъ журналовъ, издавая хотя бы одни толковые указатели (catalogue raisonné) за извѣстный промежутокъ времени. Къ сожалѣнію, и такихъ каталоговъ имѣется у насъ за послѣднее время только одинъ—для «Русской Старины», а редакторъ «Русскаго Архива» долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія издать указатель за 25-тилѣтнее существованіе своего журнала, такъ какъ между его читателями не набралось и сотни лицъ, пожелавшихъ узнать, что̀ печаталось въ теченіе четверти вѣка въ нашемъ старѣйшемъ историческомъ органѣ. Но если у насъ имѣются хотя и не полные указатели ежемѣсячныхъ журналовъ, какъ «Отечественныя Записки», «Современникъ», «Библіотека для Чтенія» и др., то указателей для изданій еженедѣльныхъ не существуетъ вовсе, не говоря уже о газетахъ. Только одинъ «Голосъ» печаталъ въ концѣ каждаго года систематическій перечень своихъ главнѣйшихъ статей и издалъ такой же указатель по истеченіи 15-ти лѣтъ своего существованія, отдѣльною книгою. Но если ежедневный органъ важенъ болѣе для политической и гражданской исторіи, органы ежемѣсячные и еженедѣльные важны для исторіи литературы и, передавъ содержаніе перваго театральнаго журнала сороковыхъ годовъ—«Театральной Лѣтописи», погибшей на восьмомъ нумерѣ, я считаю не лишнимъ разсказать

вкратцѣ—исторію двухлѣтняго существованія «Литературной Газеты», тѣмъ болѣе, что годы, когда она выходила въ свѣтъ, принадлежали къ любопытной эпохѣ нашего общественнаго движенія—назадъ.

Первый нумеръ «Литературной Газеты» вышелъ въ четвергъ, 2-го января 1847 года, безъ имени редактора и издателя, за то съ подписью двухъ цензоровъ: А. Очкина и А. Крылова. Вѣроятно для публики было гораздо важнѣе и интереснѣе знать, кто цензируетъ газету, а кто ее составляетъ, и кто ручается за ея акуратное появленіе—кому было дѣло до этого? Имя новаго редактора было конечно мало извѣстно въ журнальномъ мірѣ и выставлять его не было особенной надобности, но имя издателя все-таки могло служить нѣкоторою гарантіею для публики, что принятыя имъ на себя обязательства будутъ выполнены. Это было тѣмъ необходимѣе, что въ 1846 году «Литературная Газета» вышла только въ количествѣ семи нумеровъ, за смертію ея редактора—Н. А. Полевого. Конечно, смерть освобождала редактора отъ всѣхъ его отношеній къ читателямъ, но они все-таки не получили сорока пяти нумеровъ газеты—и это обстоятельство не могло не имѣть вліянія на подписку 1847 года. Началась она вообще подъ весьма неблагопріятными условіями: форматъ газеты въ три столбца неуклюжій, бумага сѣрая, типографія Жернакова—плохая, въ самомъ распредѣленіи отдѣловъ допущена большая несообразность: литературная газета начиналась съ рубрики наукъ и еще съ такого предмета, который очень мало интересовалъ нашу публику—съ открытія Медлеромъ центральнаго солнца. М. Неваховичъ имѣлъ полное основаніе нарисовать въ своей карикатурѣ господина, бросающаго нумеръ съ изображеніемъ этого солнца и говорящаго: «надо по крайней мѣрѣ употребить на свое образованіе 160,000 рублей серебромъ, чтобы вполнѣ оцѣнить «Литературную Газету». И за удовольствіе читать подобныя статьи съ публики взималось тринадцать рублей серебромъ, то есть тремя рублями дешевле ежедневныхъ и ежемѣсячныхъ изданій. Правда, при такой цѣнѣ изданіе окупалось семью-восемью стами подписчиковъ, но ихъ не было, при появленіи газеты, и пятисотъ и тотъ же карикатуристъ, въ первомъ листѣ своего альбома, приложеннаго къ газетѣ, представилъ Песоцкаго, поздравляющаго «своихъ подписчиковъ» съ новымъ годомъ, но на рисункѣ подписчикъ былъ всего одинъ. Какъ ни изворотливъ былъ Песоцкій, но, при недостаткѣ средствъ, не могъ дѣлать никакихъ затратъ на изданіе, въ чаяніи будущихъ благъ и не выставилъ своего имени подъ газетою какъ издатель потому, что въ предъидущемъ году не додалъ подписчикамъ пяти книжекъ «Репертуара» и послѣднюю, седьмую книгу разослалъ только въ началѣ 1847 г., что засвидѣтельствовалъ и Неваховичъ на другомъ рисункѣ, гдѣ былъ изображенъ Песоцкій, ѣдущимъ въ саняхъ съ огромною кни

гою подъ мышкою; внизу была подпись: «іюльская книжка «Репертуара» ожидала для появленія въ свѣтъ только перваго зимняго пути».

Такимъ образомъ на успѣхъ газеты, хотя у нея не было другихъ еженедѣльныхъ конкурентовъ, расчитывать было нельзя, особенно при возростающемъ успѣхѣ «Отечественныхъ Записокъ», при изданіяхъ, хотя съ противоположнымъ направленіемъ, какъ «Сѣверная Пчела» и «Библіотека для Чтенія», но имѣвшихъ свой значительный кругъ читателей. Надобно было сдѣлать «Литературную Газету» органомъ читателей, не получавшихъ высшаго и спеціальнаго образованія, а ихъ угощали съ первыхъ же нумеровъ астрономическими и химическими формулами. Не мудрено, что число подписчиковъ не увеличивалось, но не смотря на это редакторъ продолжалъ работать усердно и, при невозможности имѣть сотрудниковъ съ громкими именами, составлялъ почти одинъ нумера газеты, обращая преимущественно вниманіе на критическій отдѣлъ и знакомя читателей съ новостями иностранной литературы. Въ первый же годъ газета отдала отчетъ обо всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ книгахъ, появившихся въ то время (570 рецензій), кромѣ четырехъ большихъ статей въ отдѣлѣ критики, о стихотвореніяхъ Плещеева, Вердеревскаго, переводѣ «Донъ-Жуана» Любича-Романовича и въ особенности о книгѣ Гоголя «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Въ трехъ нумерахъ газеты подробно разобраны всѣ двадцать пять статей, составляющихъ эту странную книгу, и критикъ даже теперь ставитъ себѣ въ заслугу, что онъ, прежде Бѣлинскаго и Павлова, указалъ на слабыя, нелогичныя стороны этихъ статей, на упадокъ таланта великаго писателя, ясно выразившійся въ этой книгѣ. «Общій голосъ—говорилось въ заключеніе разбора—произнесъ свой приговоръ надъ этою книгою—и конечно не въ пользу Гоголя. Къ литературѣ и къ имени автора она ничего не прибавляетъ. На каждой страницѣ видно, какъ выражается самъ авторъ, что выдержки эти писаны въ «принужденномъ» состояніи. Туманность, безотчетность и парадоксальность мыслей въ ней изумительны». Критика оканчивается цитированіемъ самого Гоголя, говорящаго о безцѣльности и безполезности подобныхъ выдержекъ. «Пріятель нашъ имѣетъ обыкновеніе, отрывши какія ни попало строки извѣстнаго писателя, тотчасъ же тиснуть ихъ въ журналѣ, не взвѣсивъ хорошенько, къ чести ли это или къ безчестію его. Онъ скрѣпляетъ все дѣло извѣстною оговоркою журналистовъ: «надѣемся, что читатель и потомство останутся благодарны за сообщеніе сихъ драгоцѣнныхъ строкъ; въ великомъ человѣкѣ все достойно любопытства». Все это пустяки. Какой-нибудь мелкій читатель останется благодаренъ, но потомство плюнетъ на эти драгоцѣнныя строки, если въ нихъ бездушно повторено то, что уже извѣстно». Перечитывая теперь эту цитату,

гдѣ вѣрная мысль облечена въ неуклюжія выраженія (къ чему тутъ напримѣръ «бездушное повтореніе?»), удивляешься, какъ даровитый авторъ не примѣнилъ ее къ выдержкамъ изъ своей собственной переписки съ друзьями.

За невозможностью пріобрѣтать оригинальныя произведенія, вниманіе редактора было обращено въ особенности на иностранную литературу. Ни одно изъ тогдашнихъ замѣчательныхъ произведеній западной Европы не оставлено безъ оцѣнки. Кромѣ того, въ нѣсколькихъ большихъ статьяхъ разсмотрѣно направленіе европейской литературы, состояніе англійской поэзіи, состояніе журналистики Германіи и произведенія ея семнадцати поэтовъ, характеристики французскихъ романистовъ: Бальзака, Сулье и др., этюды Шекспира въ его малоизвѣстныхъ произведеніяхъ, Теннисона, Бульвера, Байрона, Петрарки, братьевъ Шлегелей, Ржевускаго, послѣднія разъисканія о Гомерѣ и его поэмахъ, о Сафо и пр. Въ отдѣлѣ словесности помѣщены переводы изъ Виктора Гюго, «Цикута» Эмиля Ожье, «Діогенъ» Феликса Піа, «Записки Донъ-Жуана» Мальфиля, повѣсти Нодье, Гозлана, Жюль-Жанена. Отдѣлъ наукъ, болѣе всего стоившій труда редактору—популяризовать отвлеченныя знанія—менѣе всего интересовалъ публику, хотя газета говорила обо всѣхъ научныхъ вопросахъ того времени: объ открытіи Медлера, о новѣйшей теоріи воздуха, изобрѣтеніи гремучей ваты, о развитіи метаморфозъ при помощи химическихъ уравненій, объ археологическихъ раскопкахъ въ Нинсвіи, объ открытіи сѣрнаго эѳира и хлороформа. На все это не обращалось вниманія и, судя по письмамъ, получаемымъ въ редакціи, въ отдѣлѣ наукъ, читались только біографіи ученыхъ и историческихъ лицъ: Парацельса, Гумфри Деви, Берліоза, Шеля, Каталины де Эраузо, Ришелье и пр.

Особенно была богата газета стихотвореніями и съ первыхъ же нумеровъ познакомила публику съ поэтомъ, дарованіе котораго было такъ блестяще, а судьба такъ печальна. Въ началѣ марта въ редакцію явился студентъ Петербургскаго университета, въ мундирѣ съ синимъ воротникомъ и золотыми петлицами, и принесъ нѣсколько стихотвореній, которые были напечатаны въ 11-мъ № газеты. До конца года молодой поэтъ помѣстилъ до 80-ти пьесъ оригинальныхъ и переводныхъ изъ Гейне, Шенье, Мосха, изъ антологіи. Кромѣ того, была напечатана его повѣсть «Дуняша» и этюдъ изъ исторіи древней литературы: «Сафо и Лезбосскія гетеры». Это былъ Михаилъ Иларіоновичъ Михайловъ, сынъ чиновника горнаго вѣдомства, начальника одного изъ казенныхъ заводовъ на Уралѣ, и киргизской княжны. Восьмнадцати лѣтъ пріѣхалъ онъ въ Петербургъ, чтобы поступить въ университетъ, но увлекся страстью къ литературѣ и вскорѣ же пересталъ посѣщать лекціи. Съ перваго появленія въ кругу литературной петербургской молодежи Михаилъ Иларіоновичъ пріобрѣлъ ея любовь и всеобщую

симпатію. Добродушный, восторженный, увлекающійся, онъ всегда былъ готовъ жертвовать собою для другихъ, для тѣхъ идей, которыя онъ считалъ справедливыми и гуманными. Онъ имѣлъ большой успѣхъ и у женщинъ, не смотря на свою наружность, напоминавшую его киргизское происхожденіе. Сильный брюнетъ, онъ отличался мертвенною блѣдностью лица, пробивавшеюся сквозь смуглую кожу, и рѣдко встрѣчающимся физическимъ недостаткомъ: атрофіею мускуловъ вѣкъ, не позволявшею ему поднимать глаза вверхъ. Его вѣчно опущенныя рѣсницы, какъ у слѣпыхъ, производили странное впечатлѣніе, усиливавшееся отъ непріятнаго, глухого тембра его голоса, но всѣ эти недостатки забывались въ его увлекательной, симпатичной бесѣдѣ. Въ «Литературной Газетѣ» Михайловъ работалъ до ея прекращенія въ 1849 году и тогда же переселился въ Нижній Новгородъ на службу, а помѣщать свои стихи и повѣсти началъ въ Погодинскомъ «Москвитянинѣ», гдѣ явилась первая, возбудившая впечатлѣніе, повѣсть его «Адамъ Адамовичъ». Но служебная карьера поэта продолжалась всего три года; долѣе онъ не могъ ужиться съ ея формалистикой и дисциплиной и въ началѣ 1852 года вернулся въ Петербургъ, гдѣ поселился окончательно, пристроившись въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ». Тамъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, явились: лучшій романъ его «Перелетныя птицы», въ четырехъ частяхъ, пять повѣстей и еще трехтомный романъ «Марья Ивановна», кромѣ многихъ переводныхъ стихотвореній. Вообще, какъ переводчикъ иностранныхъ поэтовъ, онъ завоевалъ себѣ первое мѣсто и въ этомъ родѣ произведеній съ нимъ можетъ стать наравнѣ развѣ только одинъ Мей, по звучному стиху и вѣрной до мелочей передачѣ всѣхъ особенностей подлинника, духомъ котораго вполнѣ проникались оба поэта. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» Михайловъ сотрудничалъ до 1855 года, потомъ перешелъ въ «Современникъ», гдѣ помѣщалъ, впрочемъ, и прежде стихи и разсказы,—и продолжалъ работать въ этомъ журналѣ до катастрофы, прекратившей литературное поприще поэта въ 1861 году. Здѣсь онъ помѣстилъ свою лучшую повѣсть «Кружевница», четыре прочувствованныхъ разсказа, цѣлый рядъ серьезныхъ статей по исторіи литературы и общественнымъ вопросамъ о женщинахъ вообще, о женщинахъ въ университетѣ, объ эмансипаціи женщинъ по Стюарту Миллю, о Джорджѣ Эліотѣ, о юморѣ и поэзіи въ Англіи, объ американскихъ поэтахъ и романистахъ. Но всего болѣе переводилъ онъ изъ Гейне, Ленау и англійскихъ поэтовъ Теннисона, Лонгфеллоу, Бернса, Гуда.

Кромѣ того, работая быстро и неутомимо, онъ печатался и въ другихъ журналахъ.

Въ 1865 году, 3-го августа, Михайловъ умеръ въ Восточной Сибири, на Каднинскомъ пріискѣ. Послѣдними замѣчательными

работами его были статьи по исторіи литературы въ «Энциклопедическомъ словарѣ», составленномъ русскими учеными и литераторами, гдѣ онъ завѣдывалъ редакціей словесныхъ наукъ. Имя его, какъ члена редакціи, появлялось во всѣхъ трехъ книгахъ словаря, вышедшихъ въ этомъ году и исчезло только съ четвертаго тома, гдѣ его замѣнилъ по этому отдѣлу В. Зотовъ.

Во второмъ полугодіи «Литературной Газеты» явилось новое поэтическое дарованіе—Надежда Дмитріевна Хвощинская. Въ біографическомъ очеркѣ этой первой русской романистки, помѣщенномъ въ октябрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1889 годъ, я говорилъ уже о томъ, какъ познакомился съ этой высокоталантливой писательницей и познакомилъ съ нею нашу публику. Не возвращаясь поэтому къ сужденію, высказанному о ея стихахъ, прибавлю только, что уже въ самомъ началѣ установившейся между нами переписки я убѣдился, что изъ моей кореспондентки выйдетъ замѣчательная писательница и тогда же началъ убѣждать ее набросать какой-нибудь прозаическій разсказъ или очеркъ. Сначала она упорно отказывалась, потомъ собиралась и писала очень долго, и повѣсть, назначавшаяся въ «Литературную Газету», явилась по случаю прекращенія ея въ 1849 году—только въ слѣдующемъ году въ «Отечественныхъ Запискахъ». Но въ теченіе всего 1848 и даже 1849 года будущая образцовая романистка отстаивала свои стихи, поэзію вообще, и ни за что̀ не хотѣла приняться за прозу. Вотъ что писала она мнѣ въ мартѣ 1848 года:

«Если надоѣла поэзія, то скоро надоѣстъ и романъ, потому что никакая выдумка не будетъ живѣе и занимательнѣе самой жизни; люди, дѣла ихъ, приключенія, проходятъ такъ скоро, не въ одномъ политическомъ, даже въ нашемъ провинціальномъ мірѣ, что не успѣешь схватить одной черты, какъ является другая. Кто возьмется описывать—утомится, кто станетъ читать—найдетъ, что все или слабо, или невѣрно. Я могу только пѣть, потому что нѣтъ чувства, которое не пробуждало бы чувства въ моей душѣ; но приглядываться, разбирать и описывать, не знаю, могу ли, буду ли въ состояніи. Я пробовала писать прозу, но не пишу больше; тутъ есть еще убѣжденіе, что я пишу ее дурно и даже не смѣю за нее взяться, какъ за тотъ новый и вмѣстѣ старый родъ богословской поэзіи, который предлагаютъ намъ, кажется, не въ шутку, чтобы какъ-нибудь разнообразить наше однообразіе. Это богословіе въ риѳмахъ напоминаетъ мнѣ то, что я читала о портретахъ дорогихъ только для насъ особъ; ихъ надо хранить далеко и показывать не всякому, иначе они теряютъ свою прелесть и даже свою святость... Почемъ знать, можетъ быть, неожиданности, которыя насъ окружали, бросятъ намъ неожиданно совершенно новый родъ поэзіи, или такъ

обновятъ прежніе, что тѣ, кто ее оставили, примутся за нее снова, а тѣ кто продолжали писать, не будутъ казаться отсталыми отъ вѣка. Этимъ я нѣсколько утѣшаю себя, потому что, согласитесь, непріятно дѣлать ничего». Въ слѣдующемъ письмѣ она развила еще подробнѣе свои мысли. Она писала: «Поэзія, это древняя святыня, недавній двигатель—теперь предметъ гонимый, и какъ ни тверда вѣра въ него ваша и моя, а громко сознаться въ ней неловко. «Масса, холодная толпа» считаетъ поэзію за ничто (замѣчу, что послѣднее выраженіе, повторяемое многими, можетъ быть очень чистосердечно, всегда казалось мнѣ страннымъ: мы признаемъ чувство во всякомъ человѣкѣ отдѣльно, а въ людяхъ взятыхъ вмѣстѣ не хотимъ его видѣть!) Не смѣю взять на себя—презирать массу, по убѣжденію, что масса, толпа, какъ общее, цѣлое—и должна заключать въ себѣ идею. Неужели истину хранятъ одни исключенія? Я составляю одно изъ этихъ исключеній, вѣрю въ божество, которому служу, хотя замѣчаю за нимъ, что оно не совсѣмъ удовлетворяетъ мольбамъ тѣхъ, кто къ нему обращается. Въ голосахъ многихъ не можетъ не быть какой-нибудь истины. Божество не даетъ толпѣ, чего она проситъ и она называетъ его—ничѣмъ; она не права: божество все-таки божество. Но чего же она проситъ? Я сужу по себѣ: конечно не разочарованія, я ему нисколько не вѣрю; гдѣ разочарованному искать какого-нибудь комфорта! а эти разочарованные въ жизни только и думаютъ какъ бы украшать эту жизнь,—и часто насчетъ другого. Просятъ они конечно не пѣсень къ черноокимъ и голубоокимъ, потому что это часто смѣшно, а въ печати всегда не естественно и не истинно; и конечно не воззваній къ крылатымъ геніямъ, которые прилетаютъ и вдохновляютъ—сознаюсь вамъ по совѣсти, что я сомнѣваюсь въ ихъ существованіи. Судя по себѣ и ставъ въ ряды этой напрасно презираемой массы, я соглашаюсь съ нею вполнѣ. Я читаю все, что является у насъ новаго, и изъ этого новаго нашла по сердцу только нѣсколько стихотвореній Некрасова. Вотъ отголосокъ настоящей жизни, часто печальный, но за то какой вѣрный!... Мнѣ никогда не сказать такого живого слова и отъ этого сознанія происходитъ часто мой атеизмъ. Между тѣмъ, я все-таки пою, потому что поется, не надѣясь никогда на отзывъ камней пустыни. Всего менѣе отзовутся они на поэзію природы. Природа стала у насъ какою-то фермою съ хорошимъ доходомъ и эта мысль приводитъ меня въ истинное отчаяніе, ничто такъ не близко мнѣ, какъ вѣрованія героевъ Куперовыхъ романовъ. Вы можете видѣть однако, что я не полагаю счастья въ одномъ мечтаніи и не отвергаю благъ міра сего, доказательствомъ тому послѣдніе присланные вамъ стихи, гдѣ я желаю человѣку, котораго ставлю выше всѣхъ живущихъ, довольства и славы при жизни. Это наводитъ меня еще на одну досадную мысль: меня поражаетъ окружающая насъ и

кажется нынѣ вездѣ царствующая, убійственная холодность къ искусству, а искусству принадлежитъ мое обожаніе—прежде поэзіи слова. Недавно, читая въ «Современникѣ» біографію Торвальдсена, я съ горечью подумала, что у насъ до такого почета не достигнетъ никакой геній, ему не достанетъ главнаго двигателя—общаго восторга, восторга народнаго, который способенъ разбудить и заставить трудиться. Вамъ не слыхать такихъ словъ, образчиковъ холодности, какіе я слышу. Часто я боюсь говорить, чтобы не показаться смѣшной...»

Я привелъ эту выписку, какъ характеристику мнѣній и взглядовъ двадцатидвухлѣтней даровитой дѣвушки, никогда не покидавшей своего провинціальнаго захолустья, развившей себя чтеніемъ и мышленіемъ. Съ первыхъ писемъ своихъ она высказалась какъ художница, жаркая поклонница Брюлова. Рисовала она очень не дурно, прежде чѣмъ начала писать стихи и потомъ романы. Живопись она всегда любила гораздо больше литературы и въ письмахъ ея высказывается столько важныхъ и любопытныхъ мыслей обо всѣхъ изящныхъ искусствахъ, столько мѣткихъ, философскихъ выводовъ о людяхъ и событіяхъ, что изданіе выбранныхъ мѣстъ изъ ея писемъ становится необходимымъ для полной характеристики этой талантливой писательницы, имя которой не забудется въ исторіи русской литературы. Надѣюсь, что я успѣю по крайней мѣрѣ приготовить къ выпуску въ свѣтъ выдержки изъ тридцатилѣтней переписки Надежды Дмитріевны со мною.

О «Литературной Газетѣ» 1847 года мнѣ остается сказать немногое. Холодно встрѣченная публикою, она не удостоилась вниманія и отъ своихъ собратовъ по журналистикѣ. И въ то время существовалъ у насъ обычай не дѣлать отзывовъ о своихъ конкурентахъ. Только немногія періодическія изданія не держались этого правила и «Литературная Газета» давала подробный отчетъ обо всѣхъ журнальныхъ явленіяхъ въ фельетонахъ почти каждаго нумера. Она говорила и о спеціальныхъ или малоизвѣстныхъ изданіяхъ, какъ «Вѣдомости с.-петербургской полиціи», «Журналъ общеполезныхъ свѣдѣній» Ѳ. Перцова или «Московскій Городской Листокъ»—единственная ежедневная газета въ Москвѣ, гдѣ въ то время и «Московскія Вѣдомости» выходили только три раза въ недѣлю. «Полицейскія Вѣдомости» были въ то время энциклопедическою газетою; въ нихъ помѣщались, кромѣ свѣдѣній, относящихся къ Петербургу, статьи самаго разнообразнаго содержанія: «Народные обычаи и повѣрья Малороссіи», «Придворные обряды царей московскихъ», о пьянствѣ въ медикополицейскомъ отношеніи, о хлѣбной торговлѣ, о гимнастикѣ и ея вліяніи, о перелетѣ птицъ, о микроскопѣ, о Густавѣ Адольфѣ, о судоходствѣ по Днѣпру. Журналъ Перцова, какъ первый опытъ распространенія у насъ экономическихъ, хозяйственныхъ и практическихъ научныхъ свѣ-

дѣній, имѣлъ въ первый годъ большой успѣхъ, болѣе всего по своей дешевизнѣ: три съ полтиной за двѣнадцать, хотя и тощихъ книжекъ въ годъ—цѣна небывалая въ русской журналистикѣ. «Московскій Городской Листокъ» щеголялъ обиліемъ интересныхъ статей и свѣдѣній; въ немъ помѣщались разсказы Вельтмана, Загоскина, Шевырева, стихи К. Павловой, Ѳ. Миллера, такія статьи, какъ «Москва въ ея русскихъ пословицахъ», историческій обзоръ московской журналистики, очеркъ значенія Фонвизина, частная жизнь Карамзина, біографія Новикова, масляница въ Москвѣ, обзоръ важнѣйшихъ сочиненій и изданій по русской исторіи, статья С. М. Соловьева, разсказъ Герцена «Тройка Мироши» и его же очеркъ «Станція Едрово». «Листокъ» сообщилъ первыя свѣдѣнія о русскомъ музеѣ Карабанова, этомъ рѣдкомъ собраніи древнихъ вещей, рукописей, медалей, портретовъ, перешедшемъ по смерти собирателя въ 1851 году въ Публичную Библіотеку, въ петербургскій Эрмитажъ, въ московскую Оружейную Палату. Кто теперь знаетъ о «Московскомъ Городскомъ Листкѣ», убитомъ вмѣстѣ съ другими изданіями безпощадной цензурой 1848 года? а между тѣмъ въ немъ было столько замѣчательныхъ статей... Такъ «Листокъ» приводилъ любопытное стихотвореніе императрицы Елисаветы Петровны, написанное ею, когда она была еще цесаревною. Нѣкоторые историки литературы упоминаютъ о двухъ пѣсняхъ, сочиненныхъ ею въ это время и изъ которыхъ одна «Во селѣ, селѣ Покровскомъ» была народною, но ея стиховъ «на разлуку съ другомъ» нѣтъ ни въ курсахъ литературы, ни въ біографическихъ словаряхъ, ни въ «Русскомъ Архивѣ», ни въ «Русской Старинѣ». Привожу ихъ съ сохраненіемъ августѣйшей орѳографіи.

«Всякой разсуждаетъ, какъ въ свете бъ жить,
«А недоумѣваетъ какъ з рокомъ бы быть:
«Что така тоска и жизнь не мила
«Когда друкъ не зритъся, луче бъ жизнь лишиться,
«Вся то красота.

«Я не въ своей мочи огнь утушить,
«Серцемъ я болею, да чѣмъ пособить?
«Что всегда разлучно и безъ тебя скучно.
«Легчебъ тя не знати, нежель такъ страдати
«Всегда по тебѣ.

«О несчастье злое, долголь мя мучишь?
«О чемъ я страдаю, то не даешь зрить.
«Или я одна тебѣ отданна?
«Что меня мучитъ, темъ ея веселити
«И жизнь лишити.

«Куда красныя дни тогда бывали,
«Когда мои очи тя не видали.
«Ахъ не были вскуке и ни въ какой мукѣ,
«Какъ цвѣтъ процвѣтали».

Безъ полемики, конечно, не обходилось дѣло и въ «Литературной Газетѣ». Перебранка періодическихъ изданій между собою составляетъ неотъемлемую принадлежность нашей журналистики и едва ли не самую существенную часть ея исторіи. Полемику двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ г. Весинъ вѣрно обрисовалъ въ своихъ «Очеркахъ русской журналистики». Сороковые года въ этомъ отношеніи не уступали своимъ предшественникамъ. Дѣло начиналось обыкновенно съ учтивостей, даже съ похвалъ конкуренту и оканчивалось переругиваніемъ не на животъ, а на смерть. Отчего же происходила эта перемѣна въ отношеніяхъ періодическихъ изданій между собою и ихъ ожесточеніе? По здравой логикѣ они должны бы, казалось, быть снисходительны другъ къ другу, скрывать ошибки товарища, потому что и онъ въ свою очередь могъ скрыть наши. Но дѣло всегда и вездѣ происходило иначе. На этотъ случай Иванъ Андреевичъ Крыловъ разсказывалъ слѣдующую побасенку: «Въ старые годы, въ нѣкоторомъ царствѣ не въ нашемъ государствѣ, какой-то мудрый правитель для наказанія преступниковъ придумалъ слѣдующее постановленіе: провинились положимъ двое, одинъ въ воровствѣ, другой пожалуй въ чемъ-нибудь и похуже. Но черезъ палача ихъ не наказывали, а выводили обоихъ передъ народъ и давали имъ въ руки пукъ розогъ или веревку какую, да и приказывали наказывать другъ друга. Казалось бы лучше этого и не надобно: своя рука владыка. Извѣстное дѣло: можно ли ударить товарища, когда онъ въ свою очередь можетъ огрѣть меня? Дѣло обыкновенно тѣмъ и начиналось, что господа эти гладили только другъ друга розгами: одинъ чуть-чуть дотрогивался и другой тоже. Случилось какъ-то одному ненарокомъ задѣть другого побольше; рука сорвалась что ли или подтолкнулъ ее лукавый, неизвѣстно. Другой подумалъ: «эге, пріятель, да ты ужъ никакъ взаправду дерешься. На же и тебѣ!»—да и царапнулъ его почувствительнѣе. Тотъ разумѣется въ долгу не остался, да въ свою очередь отпустилъ другу съ придачею... и еще... и еще. И пошло, и пошло! И стали товарищи лупить другъ друга и въ хвостъ и въ голову, такъ что секуція кончилась тѣмъ, что друзей надо было разливать водою». Между нашими журналистами происходила подобная же исторія, да и у насъ ли только и между одними ли журналистами?.. Припомнимъ перебранки ученыхъ во всѣ вѣка, мольеровскихъ Трисотина и Вадіуса, богословскіе споры среднихъ вѣковъ и реформаціи и множество словесныхъ и печатныхъ диспутовъ. Всѣ они начинались очень учтиво «вы, если я не ошибаюсь, сообщили о томъ-то не совсѣмъ вѣрно».—Съ вашего позво-

ленія, осмѣлюсь замѣтить, что вы, какъ мнѣ кажется, сдѣлали вотъ такую-то ошибку.—Pardon!—Mille excuses!—а дѣло кончалось обыкновенно тѣмъ, что собраты называли другъ друга мошенниками пера и разбойниками печати. Между журналистами всегда были люди, готовые «для остраго словца не пощадить ни матерь, ни отца». Были между ними люди и очень добрые въ душѣ, но которые отъ привычки перебраниваться не могли никакъ утерпѣть, чтобы даже закадычному пріятелю не ввернуть непріятнаго словца. Въ самыя тяжелыя эпохи цензурнаго гнета писателямъ всегда разрѣшалось костить другъ друга, сколько душѣ угодно. Какъ тутъ удержаться, когда свобода печати сводится на свободу ругаться? Въ лавкѣ ли, въ газетѣ ли, русскій человѣкъ не любитъ, чтобы «препятствовали его ндраву, коли ежели онъ хозяинъ». И добро бы еще спорили и ругались за дѣло важное, за литературное или общественное мнѣніе. Чаще всего сцѣпятся, какъ говорится, ни за что, ни про что. Скажи одинъ, что любитъ луну больше солнца, что такой-то человѣкъ ему нравится.—Какъ это можно! кричитъ тотчасъ же обидчивый «хозяинъ» своей газеты,—надо быть идіотомъ, чтобы предпочитать луну солнцу, а что такой-то ему нравится—немудрено: оба они одного поля ягода—и такъ далѣе до безконечности.

Булгаринъ сначала хвалилъ «Литературную Газету» и ея редактора, расчитывая, конечно, что они примкнутъ къ его партіи, но когда расчетъ оказался ошибочнымъ, въ фельетонѣ «Сѣверной Пчелы» начались вылазки противъ меня сначала только смѣшныя. Такъ по поводу того, что я назвалъ одну волтижерку изъ цирка Лежара плохою наѣздницею, явилась горячая защита этой наѣздницы. Затѣмъ я былъ названъ плохимъ поэтомъ. Наконецъ, Булгаринъ сталъ утверждать, будто я говорилъ въ своей газетѣ, что женщина—не человѣкъ. Конечно, ничего подобнаго не было и сочинитель «Всякой всячины» прибѣгаетъ и тутъ къ своему обычному полемическому пріему—нецеремонной выдумкѣ. До какой степени простиралась наглость этого привилегированнаго клеветника въ подобныхъ случаяхъ можно судить потому, что «Финскій Вѣстникъ» только-что уличилъ его въ продѣлкѣ, которую озаглавилъ: «Небывалое въ литературѣ дѣло со времени изобрѣтенія письменности». Дѣло въ томъ, что Булгаринъ приписалъ только-что возникшему журналу, съ указаніемъ даже на страницу, такія фразы о Полевомъ и Гоголѣ, какихъ никогда не было въ этомъ журналѣ ни на одной страницѣ. «Мы готовы снизойти къ ошибкѣ, къ промаху,—говорила редакція «Финскаго Вѣстника»,—но выдумывать такія фразы и публично указывать на томъ, отдѣлъ и страницы журнала, въ которомъ онѣ будто помѣщены—это превышаетъ всякую смѣлость». Редакція напрасно только называла продѣлку Булгарина небывалымъ дѣломъ,—для него это было дѣло не только

бывалое, но и привычное. Но когда ему замѣчали его собственные промахи, онъ ни за что не хотѣлъ сознаваться въ нихъ и оправданія его, въ такихъ случаяхъ, доходили до геркулесовыхъ столбовъ комизма. Такъ я замѣтилъ въ печати, что говоря о будущемъ составѣ итальянской оперы въ Петербургѣ, онъ напрасно назвалъ Фрецполини контральтомъ. Что же отвѣтилъ на это обиженный полякъ? Черезъ два дня послѣ своего промаха, онъ печатаетъ: «Въ сообщенномъ нами извѣстіи переписчикъ написалъ ошибочно: контральтъ г-жа Фрецполини, вмѣсто контрактъ г-жи Фрецполини». Надо было много рѣшимости, чтобы поправляться такимъ образомъ. Булгаринъ былъ, вѣроятно, увѣренъ, что никто не станетъ справляться съ его словами, когда онъ цитируетъ самого себя. Но вотъ каковы были его фразы, въ которыхъ слѣдовало исправить ошибку переписчика: «знаменитая Фрецполини, первый контрактъ въ Италіи, которую наша дирекція успѣла перебить у Парижа» и «съ новымъ контрактомъ оперы примутъ свой настоящій характеръ». Но если бы редакторъ «Сѣверной Пчелы» ограничивался подобными выходками, это было бы смѣшно и глупо. Совершенно другое чувство возбуждали его постоянныя старанія выказаться православнымъ и вѣрноподаннымъ патріотомъ. Въ тѣхъ же нумерахъ своей газеты, гдѣ онъ распространялся о контрактѣ пѣвицы, возставалъ онъ противъ тѣхъ, кто пишетъ: «этотъ храмъ», утверждая, что благоговѣніе требуетъ непремѣнно говорить: «сей храмъ» и осуждалъ Кукольника за то, что онъ назвалъ свою пьесу «Рука Всевышняго отечество спасла», тогда какъ величіе предмета требовало тутъ выраженія: «Десница Вышняго». Это литературное ханжество и подхалимство дѣлалось возмутительно, особенно когда зачастую соединялось и съ сожалѣніями о томъ, что его журнальные противники и въ Бога не вѣрятъ и властей не уважаютъ. Вотъ почему литературная характеристика Булгарина внушаетъ такое отвращеніе и этотъ кондотьеръ журналистики вполнѣ заслуживаетъ всѣ рѣзкіе эпитеты, начиная съ «патріотическаго предателя», какимъ заклеймилъ его Пушкинъ, до грязнаго клеветника и доносчика, какимъ онъ остался и до нашего времени. Можно порадоваться тому, что это единственный типъ въ нашей литературѣ и что ни до него ни послѣ него она не производила подобныхъ субъектовъ.

Сорокъ восьмой годъ начался въ Европѣ, какъ и у насъ, довольно спокойно. Ничто не обѣщало наступленія эпохи революціи, начавшейся въ февралѣ. Реформа Пія IX конечно удивляла дипломатовъ, но не угрожала никакими крайними послѣдствіями. Учрежденіе муниципальнаго управленія и совѣта министровъ въ Римѣ не предвѣщали установленія римской республики. Воспользовавшись открытіемъ заговора противъ папы, Австрія захватила Феррару въ іюлѣ, но въ декабрѣ принуждена была оставить ее

потому, тѣмъ болѣе, что и тосканскій герцогъ декретировалъ свободу печати и сформировалъ національную гвардію, да и самъ австрійскій императоръ, открывая венгерскій сеймъ, принужденъ былъ въ первый разъ произнести на немъ рѣчь на мадьярскомъ языкѣ. Открытіе сейма и въ Пруссіи обѣщало полное развитіе либеральныхъ учрежденій, такъ же какъ публичныя засѣданія законодательнаго корпуса во Франкуртѣ на Майнѣ. Въ Баваріи, правда, старый король не совсѣмъ прилично велъ себя, награждая испанскую кокотку Лолу Монтесъ титуломъ графини Лансфельдъ, но это было дѣло семейное, такъ же какъ въ Парижѣ убійство герцогомъ Праленомъ своей жены и скандальный процесъ проворовавшихся министровъ Теста и Кюбьера. Реформистскіе обѣды устраивались въ разныхъ городахъ Франціи и въ день Рождества въ Руанѣ собралось на такой обѣдъ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Но правительство запрещало ихъ въ Парижѣ и, довольное тѣмъ, что Ламорисьеръ захватилъ наконецъ Абдель-Кадера, надѣялось, что блескъ военныхъ побѣдъ заставитъ французовъ отказаться отъ требованій реформъ въ администраціи. Надежды эти рушились, однако, вмѣстѣ съ монархіей въ февралѣ 1848 года. У насъ провозглашеніе республики въ Парижѣ произвело ошеломляющее дѣйствіе, выразившееся, конечно, прежде всего, въ самыхъ странныхъ мѣрахъ. Газеты наши, имѣвшія право говорить о политикѣ, нѣсколько дней не сообщали ничего о происшествіяхъ въ Парижѣ. Въ Петербургѣ объ нихъ узнали однако раньше полученія нѣмецкихъ газетъ. Мнѣ сообщилъ объ этомъ въ театрѣ М. Неваховичъ, имѣвшій возможность раньше узнать эту новость отъ своего брата, фактотума В. Ѳ. Адлерберга. Когда уже пришли изъ-за границы и печатныя свѣдѣнія, я вздумалъ, также въ театрѣ, обратиться съ вопросомъ объ нихъ къ моему близкому сосѣду по кресламъ полиціймейстеру Трубачееву, очень любезному и обязательному господину, всегда чрезвычайно внимательно относившемуся къ журналистамъ и театраламъ. Подойдя къ нему въ антрактѣ, я сказалъ ему совершенно спокойно, никакъ не воображая, что слова мои произведутъ сильное впечатлѣніе:

— А каковы французы-то! что они натворили!

Трубачеевъ замѣтно измѣнился въ лицѣ и отвѣчалъ почти шопотомъ:

— Прошу васъ не говорить объ этомъ ни слова ни мнѣ, ни кому-либо изъ вашихъ знакомыхъ, въ которыхъ вы не увѣрены, а тѣмъ болѣе — лицамъ постороннимъ. Полиція имѣетъ приказаніе сообщать въ Третье Отдѣленіе о тѣхъ, кто будетъ разговаривать о революціи. Велѣно даже брать тѣхъ, кто будетъ разсказывать подробности. Мнѣ, какъ вашему хорошему знакомому, непріятно было бы отнести и васъ къ числу лицъ, распространяющихъ дурные слухи.

Я, какъ говорится, опѣшилъ отъ такого неожиданнаго реприманда. Болѣе всего меня поразило названіе «дурными слухами» того, что̀ было историческою правдою. Никогда система замалчиванія фактовъ, всегда практикававшаяся у насъ и въ управленіи, и въ печати, не казалась такой странной, какъ въ подобномъ случаѣ. Вся Европа тогда волновалась; въ Италіи, въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, появлялись признаки народнаго возстанія, во Франціи уничтожалась монархія, а у насъ это были—дурные слухи. Намъ запрещалось даже спрашивать о томъ, что̀ дѣлается въ Европѣ, какъ запрещаютъ дѣтямъ неумѣстные вопросы, говоря: ты еще молодъ, тебѣ рано знать это; молчи и будь паинька. И мы были паинькой—поневолѣ, особенно въ печати, на которую налегла съ тѣхъ поръ всею своею тяжестью совершенно сбившаяся съ толку цензура. Предписанія, одно другого страннѣе, посыпались изъ комитета. Уваровъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы не пропускать переводовъ французскихъ романовъ и повѣстей иначе, какъ съ разрѣшенія попечителя. Цензурный комитетъ нашелъ, и совершенно основательно, что это предписаніе прямо нарушаетъ законъ. Къ чему же тогда и комитетъ, если печатаніе произведеній будетъ зависѣть отъ единоличной воли попечителя? Рѣшили не исполнять предписаніе министра, хотя Мусинъ-Пушкинъ, по свидѣтельству Никитенки, доказывалъ, что надо совсѣмъ вывести романы въ Россіи, чтобы никто не читалъ ихъ. «Я еще не встрѣчался на моемъ служебномъ поприщѣ съ такимъ ....., — говоритъ самъ цензоръ, — у него обыкновенно ни на что̀ нѣтъ причинъ: онъ шумитъ, кричитъ, размахиваетъ руками и въ своихъ мысляхъ скачетъ черезъ всѣ логическія препятствія, пока наконецъ не стукнется лбомъ о какую-нибудь до того отчаянную нелѣпость, что уже самъ остановится». Но для чего же было и Уварову сочинять такое предписаніе, какого невозможно было исполнить? Затѣмъ, слѣдовало распоряженіе уже цензурнаго комитета: чтобы всѣ статьи въ періодическихъ изданіяхъ были подписаны полною фамиліею ихъ авторовъ—и вотъ 11-й и 12-й №№ «Литературной Газеты», отъ 18-го и 25-го марта вышли испещренные множествомъ фамилій. Даже мелкія извѣстія въ смѣси являлись непремѣнно за чьею-нибудь скрѣпою, точно офиціальный документъ, и я долженъ былъ выставлять свое имя подъ извѣстіемъ объ освѣщеніи электричествомъ, подъ мыслями о женщинахъ и анекдотами. Это дикое распоряженіе существовало однако всего двѣ недѣли и цензора сами увидали, что оно ни къ чему не ведетъ, смѣшно и не практично.

Въ апрѣлѣ учрежденъ былъ негласный верховный трибуналъ для надзора за печатью и самими цензорами. Пока литературу обвиняли въ потрясеніи всякихъ основъ доносчики-добровольцы въ родѣ Булгарина, Бориса Федорова, Калашникова, правительство и ограничивалось преслѣдованіемъ отдѣльныхъ лицъ, но европей-

скія смуты дали поводъ выступить на сцену лицамъ офиціальнымъ, привилегированнымъ, хотя дѣйствовавшимъ тоже изъ личныхъ видовъ, но подъ предлогомъ радѣнія объ общемъ благѣ. Уваровъ, въ 1847 году, былъ причиною увольненія графа С. Г. Строгонова отъ должности попечителя Московскаго университета, которую онъ занималъ съ 1835 года. Въ 1848 году Строгоновъ написалъ государю записку о томъ, что въ русской литературѣ и особенно въ журналистикѣ господствуютъ разрушительныя, зловредныя идеи — благодаря слабости министра просвѣщенія и цензуры. Въ то же время баронъ М. А. Корфъ, всю жизнь свою домогавшійся сдѣлаться министромъ и расчитывавшій смѣнить Уварова, представилъ подобное же донесеніе. Вслѣдствіе такого единодушія высокостоящихъ лицъ, дѣйствовавшихъ «все подъ личиною усердія къ царю», учрежденъ былъ тайный комитетъ, существованіе котораго тотчасъ же сдѣлалось извѣстно въ столицѣ, хотя объ немъ и не сообщалось въ законодательномъ порядкѣ. Не остались тайною и имена грознаго комитета. Предсѣдательствовалъ въ немъ морской министръ, плохо знавшій море и еще плоше знавшій и свою землю, и свой народъ, какъ доказалъ это черезъ пять лѣтъ «герой проигранныхъ сраженій». Членами комитета были, конечно, прежде всего: составители докладныхъ записокъ, Корфъ и Строгоновъ, братъ попечителя, затѣмъ Бутурлинъ, юристъ Дегай — «чтобъ дѣлу дать законный видъ и толкъ», наконецъ Дубельтъ—неизбѣжный членъ всякаго учрежденія, имѣющаго производить сыски и розыски. Комитетъ прямо обвинялъ, кого находилъ нужнымъ, въ распространеніи преступныхъ идей, не требуя объясненій отъ обвиняемыхъ, не дѣлая запросовъ министру просвѣщенія, не приглашая его на свои засѣданія, не сносясь съ нимъ, налагая карательныя мѣры, на основаніи своихъ докладовъ. Бутурлинъ предложилъ закрыть университеты и когда въ «Современникѣ» появилась статья въ защиту университетовъ, комитетъ обратился къ Уварову съ запросомъ: на какомъ основаніи позволилъ онъ печатать такую статью. Министръ нашелъ въ себѣ столько мужества, чтобы отвѣчать, что статья даже написана по его распоряженію и помѣщена въ распространенномъ органѣ для того, чтобы успокоить умы профессоровъ, студентовъ и ихъ семействъ, встревоженныхъ слухами о закрытіи университетовъ. Нельзя было взыскивать съ министра за то, что онъ старался успокоить взволнованные умы. Цензоръ Куторга былъ посаженъ на десять дней на гауптвахту и потерялъ мѣсто за пропускъ какихъ-то нѣмецкихъ стиховъ, которые, по мнѣнію комитета «содержатъ въ себѣ мистическія изображенія и не благовидные намеки, несогласные съ нашею народностью». Что это за странное обвиненіе нѣмцевъ, то-есть протестантовъ въ мистицизмѣ и требованіе, чтобы они писали стихи въ духѣ нашей народности. И не смотря на это, отъ Куторги не потребовали никакого объя-

сненія, съ министромъ не вошли въ сношеніе, а спросили его только, считаетъ ли онъ возможнымъ терпѣть на службѣ цензора, въ послужной списокъ котораго внесена такая вина. Между тѣмъ самъ государь отозвался, что считаетъ проступокъ его неважнымъ. Еще возмутительнѣе была исторія съ Далемъ. Онъ напечаталъ въ «Москвитянинѣ» разсказъ «Цыганка-воровка», въ которомъ передалъ случай одной кражи и напрасныхъ стараній полиціи найти виновницу. Казалось бы, что могло быть законопреступнаго въ такомъ содержаніи? И однако комитетъ нашелъ нужнымъ доложить государю, что Даль въ своемъ разсказѣ внушаетъ публикѣ недовѣріе къ бдительности начальства. Это было повтореніе мыслей генералъ-губернатора Игнатьева, которыя я уже приводилъ. Но такъ какъ это сдѣлано авторомъ разсказа вѣроятно безъ злого умысла, и сочиненіе вообще не представляетъ ничего вреднаго, то комитетъ полагалъ сдѣлать автору замѣчаніе, а цензору выговоръ. Послѣдовала резолюція: «сдѣлать и автору выговоръ, тѣмъ болѣе, что и онъ служитъ». Комитетъ и этимъ не удовольствовался, а послалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ запросъ: «разсказъ писалъ тотъ ли Даль, который служитъ въ министерствѣ?» Перовскій предложилъ тогда писателю—бросить или службу, или литературу. Даль долженъ былъ перестать писать, такъ какъ средства къ жизни давала ему служба, а не литература. Вообще на литературу смотрѣли всѣ, начиная съ самыхъ высшихъ лицъ, какъ на неизбѣжное зло и самые благосклонные изъ нихъ, какъ Я. И. Ростовцевъ, отзывались объ ней такъ: «охъ, ужъ эта мнѣ литература—съ ней только одни хлопоты! хоть бы ее и вовсе не было!» Эти слова я слышалъ самъ лично отъ автора трагедіи «Персей», когда онъ, позднѣе, отстаивалъ меня по дѣлу Петрашевскаго. Краевскій, еще въ началѣ 1848 года, передавалъ мнѣ сужденіе великаго князя Михаила Павловича о журналистикѣ. У кадетъ Горнаго корпуса, учениковъ низшихъ классовъ найдены были тетрадки съ выписками изъ «Отечественныхъ Записокъ». Это было конечно страшное преступленіе, усложнявшееся тѣмъ, что редакторъ журнала былъ наставникомъ-наблюдателемъ въ Павловскомъ корпусѣ. Краевскій былъ, разумѣется, тотчасъ же лишенъ этого званія, но кромѣ того, великій князь, какъ начальникъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній, призвалъ къ себѣ редактора и, сдѣлавъ ему самый строгій выговоръ за направленіе журнала, объявилъ категорически, что питаетъ глубокое.... нерасположеніе ко всѣмъ журналамъ и журналистамъ. Что касается до Николая Павловича, то еще за годъ передъ тѣмъ, онъ хотѣлъ даже Булгарину запретить издавать «Сѣверную Пчелу» за помѣщенныя въ ней стихи графини Ростопчиной «Насильственный бракъ», причемъ рѣзко отозвался о глупости стараго пройдохи, обойденнаго графиней, разыгрывавшей роль представительницы московской опозиціи.

При такихъ прискорбныхъ и многочисленныхъ фактахъ, что же значили злоключенія какой-нибудь «Литературной Газеты» въ борьбѣ съ цензорами, положеніе которыхъ было ничуть не лучше и пожалуй еще затруднительнѣе положенія писателей. Не стану приводить выписокъ изъ статей, запрещенныхъ цензурою, — все это слишкомъ мелко въ сравненіи съ такими крупными явленіями, какъ приведенныя выше, или какъ преслѣдованіе славянофиловъ, захватъ на границѣ экономиста Ѳедора Васильевича Чижова, отправленіе на гауптвахту Ивана Аксакова, заключеніе въ крѣпость Юрія Самарина, аресты Костомарова, Шевченки, Кулиша, истребленіе въ Москвѣ томовъ «Чтеній общества исторіи и древностей россійскихъ», съ переводомъ записокъ Флетчера, ссылка Бодянскаго, секретаря общества, и объявленіе предсѣдателю общества генералъ-адъютанту графу Строгонову строжайшаго выговора за разрѣшеніе печатать эти записки. Въ этомъ случаѣ Уваровъ отплатилъ-таки Строгонову своимъ докладомъ за его записку о слабости цензуры, подавшую поводъ къ учрежденію негласнаго комитета. Любопытно, что докладъ свой по этому случаю Уваровъ основалъ на донесеніи Шевырева о томъ, какъ неблаговидно позволять печатаніе Флетчера. Хороши были лица надзиравшія въ то время за литературою, но хороши и иные литераторы, по счастію не составлявшіе большинства.

Хуже всего въ этомъ положеніи было то, что изъ цензурныхъ помарокъ никакъ нельзя было узнать, какихъ же указаній слѣдовало держаться. Сегодня запрещалось одно, завтра другое, а вчерашнее разрѣшалось. Государь, признавая патріотизмъ Самарина, обличавшаго сепаратизмъ остзейскихъ нѣмцевъ, говорилъ, однако, что не слѣдовало пускать въ народъ опасную идею, будто русскіе цари съ Петра Великаго дѣйствовали только подъ вліяніемъ и по внушенію нѣмцевъ. Третье Отдѣленіе, отпуская Чижова, благодарило за истинно-русскія чувства человѣка, сказавшаго, что Петръ I былъ величайшимъ и опаснѣйшимъ революціонеромъ. И оно же благодарило Краевскаго за статью, помѣщенную въ «Отечественныхъ Запискахъ» противъ славянофиловъ, а цензурный комитетъ въ то же время запрещалъ точно такую же статью въ «Библіотекѣ для Чтенія» Сенковскаго, и въ университетскомъ совѣтѣ, по свидѣтельству Никитенки, «читали предписаніе министра, составленное по высочайшей волѣ, и гдѣ объясняется, какъ надо понимать намъ нашу народность и что такое славянство по отношенію къ Россіи. «Народность наша состоитъ въ безпредѣльной преданности и повиновеніи самодержавію, а славянство западное не должно возбуждать въ насъ никакого сочувствія. Оно само по себѣ, а мы сами по себѣ». Что было бы, еслибъ мы также думали въ 1853-мъ и въ 1877-мъ годахъ?

Изъ двухъ цензоровъ «Литературной Газеты», Крыловъ становился положительно невозможнымъ: онъ то пропускалъ такія фразы, которыя послѣ того приходилось смягчать—страха ради іудейска, то зачеркивалъ совершенно невинныя вещи. Приходилось вести съ нимъ упорную борьбу чуть не за каждый нумеръ. Надоѣло ли это ему и самъ онъ ушелъ изъ газеты, или цензурный комитетъ нашелъ, что онъ не достаточно строгъ, только съ апрѣля вмѣсто него мнѣ дали Фрейганга. Это значило промѣнять кукушку на ястреба. Еще черезъ мѣсяцъ ушелъ и Очкинъ, съ которымъ, какъ съ человѣкомъ умнымъ, можно было и объясняться, и торговаться относительно передѣлки или смягченія статей, тогда какъ Фрейгангъ, упрямый и подозрительный гернгутеръ, однажды запретивъ статью, не склонялся ни на какія поправки въ ней. Очкина замѣнилъ Елагинъ. Это былъ уже совершенно невмѣняемый господинъ. Необразованный, незнающій ни одного иностраннаго языка, придирчивый, мстительный, мелочной, онъ сдѣлалъ невозможнымъ продолженіе существованія газеты. Песоцкій отказался отъ изданія ея еще въ маѣ и съ іюня я принужденъ былъ взять на себя хозяйственную часть газеты. Съ самыхъ же первыхъ нумеровъ Фрейгангъ едва могъ убѣдить Елагина пропустить біографію Аспазіи—хотя и въ неузнаваемомъ видѣ, и названіе Вольнаго острова подъ Петербургомъ, въ оригинальномъ разсказѣ. Этотъ образцовый цензоръ не пропускалъ въ повѣстяхъ—дуэлей, на томъ основаніи, что дуэли запрещены у насъ закономъ. Любовныя сцены онъ разрѣшалъ только, когда онѣ оканчивались законнымъ бракомъ. Самоубійства не допускались ни подъ какимъ видомъ, какъ преступленія, осуждаемыя церковью и караемыя уголовнымъ кодексомъ. Со статьями, цензируемыми имъ, онъ обращался самымъ нецеремоннымъ образомъ, не только зачеркивая, что ему не приходилось по вкусу, но вставляя отъ себя благочестивыя и вѣрноподданическія размышленія, передѣлывая даже содержаніе повѣстей, измѣняя печальное окончаніе ихъ въ совершенно благополучное. Злодѣи и преступники могли являться въ разсказѣ, но подъ непремѣннымъ условіемъ—раскаяться и исправиться въ концѣ его, или получить по закону должное возмездіе... Какую же газету возможно было издавать съ такимъ цензоромъ? По неволѣ пришлось наполнять ее переводами мемуаровъ Шатобріана, да романами Маріетта. Въ надеждѣ на болѣе счастливыя времена, я попробовалъ продолжать изданіе въ 1849 году, но цензурный гнетъ не измѣнился, а напротивъ усилился съ возникновеніемъ дѣла Петрашевскаго. Замѣшанный въ это дѣло, я долженъ былъ прекратить на время свою литературную дѣятельность, и газета, остановившись на десятомъ нумерѣ, покончила свое существованіе въ исторіи русской журналистики. Я не могъ никому передать этотъ органъ, основанный въ 1830 году Дельвигомъ, другомъ и товарищемъ Пушкина,

процвѣтавшій года два подъ редакціей Краевскаго. Въ два года моего редактированія я старался придать газетѣ своеобразный видъ, отличавшій ее отъ другихъ подобныхъ изданій, и въ первый же годъ сдѣлалъ ее органомъ популяризаціи научныхъ свѣдѣній, открывъ въ то же время ея страницы молодымъ, начинающимъ дарованіямъ, въ особенности поэтическимъ. О М. И. Михайловѣ и Н. Д. Хвощинской я уже говорилъ, но въ «Литературной Газетѣ» помѣщалось много стихотвореній и второстепенныхъ поэтовъ, между которыми были и весьма замѣчательные. Такъ въ ней печатались послѣднія произведенія даровитаго писателя Ѳедора Николаевича Менцова, умершаго 6-го февраля 1848 года на тридцатомъ году. Онъ началъ печатать свои стихотворенія въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1837 года, хотя былъ собственно ученымъ, а не поэтомъ. Кандидатъ философіи, онъ, кромѣ европейскихъ языковъ, обладалъ знаніемъ языковъ восточныхъ и былъ въ то же время педагогомъ. Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» онъ помѣстилъ много ученыхъ статей и рецензій: о Лейбницѣ, объ Индіи, Китаѣ, о персидскомъ царѣ Іездержидѣ. Онъ былъ также дѣятельнымъ сотрудникомъ въ «Энциклопедическомъ лексиконѣ» Плюшара, писалъ въ «Сынѣ Отечества», въ «Чтеніи для солдатъ». Въ «Литературной Газетѣ», кромѣ стиховъ «Осень», «Нѣтъ жизни», «Пѣснь Луизы Орлеанской» и др., проникнутыхъ грустнымъ колоритомъ, и гдѣ мысль преобладала надъ формою, онъ напечаталъ прозаическій разсказъ «Красотка». Въ 1848 году умерло нѣсколько писателей въ молодыхъ годахъ: П. И. Сорокинъ, Аксель, Ефимовичъ. Первый хорошо владѣлъ стихомъ и издалъ отдѣльно цѣлый томъ стихотвореній, переведенныхъ изъ Виктора Гюго. Аксель—былъ псевдонимомъ Линдфорса, офицера одного изъ гвардейскихъ полковъ. Онъ задумалъ облагородить александринскій водевиль и очистить его отъ грубыхъ и двусмысленныхъ пошлостей, какими наполнялъ пьесы этого рода Петръ Григорьевъ, а впослѣдствіи Павелъ Федоровъ. Пьесы Акселя возбуждали смѣхъ комическими характерами и положеніемъ дѣйствующихъ лицъ, а не топорными каламбурами и площадными фарсами въ родѣ «Героевъ префераиса» и «Польки въ Петербургѣ». Слѣдуя примѣру Ленскаго и П. А. Каратыгина, Аксель поставилъ нѣсколько забавныхъ и не глупыхъ водевилей, долгое время несходившихъ со сцены, какъ «Дядюшка-болтушка», «Приключеніе въ Полюстровѣ», «День домашняго квартета», «Новый Русланъ». Но особенно нельзя было не пожалѣть о ранней кончинѣ Кондратія Дмитріевича Ефимовича, офицера второй артилерійской бригады. Онъ хорошо зналъ сцену и, близко знакомый съ нашими актерами, изучилъ всѣ особенности ихъ дарованія и писалъ для нихъ эфектныя драмы, имѣвшія большой успѣхъ въ концѣ сороковыхъ годовъ. Въ драмахъ этихъ Ефимовичъ не выказалъ особенно блестящаго таланта, но

при погонѣ за эфектами и преувеличеніи неестественныхъ страстей обнаруживалъ все-таки знаніе человѣческаго сердца. Всѣ драмы его напечатаны въ «Репертуарѣ» безъ подписи автора: для офицера того времени занятіе литературою считалось неприличнымъ. Въ 1844 году была поставлена его первая пятиактная драма «Эспаньолетто». На афишахъ стояла фамилія Ралянча. Не смотря на не естественность характеровъ и положеній, драма имѣла успѣхъ. Въ 1846 году играны остальныя его драмы «Дугласъ Черный», не имѣвшій успѣха, «Отставной театральный музыкантъ и княгиня» и «Владиміръ Заревскій», возбуждавшія восторгъ и на долго оставшіяся въ репертуарѣ. «Дугласъ» имѣетъ больше литературное значеніе, хотя и не вѣренъ англійской исторіи, что доказалъ автору критикъ «Сѣверной Пчелы». Сознаваясь въ томъ, Ефимовичъ, въ напечатанномъ предисловіи къ своей драмѣ, въ свою очередь доказывалъ, что въ художественномъ произведеніи прежде всего необходимо, чтобы лица вѣрны были себѣ, а не исторіи, и доказывалъ это примѣромъ Вальтеръ-Скотта. «Музыкантъ и княгиня» и «Заревскій» взяты изъ русской жизни, и въ первой изъ этихъ пьесъ много истиннаго чувства въ изображеніи отношеній отца къ дочери, поставленныхъ на различныхъ ступеняхъ общественнаго положенія, а въ характерѣ грубаго, но благороднаго моряка Заревскаго много неподдѣльнаго увлеченія.

Всѣ эти три лица умерли отъ холеры, лѣтомъ 1848-го года, вторично посѣтившей Петербургъ, послѣ перваго появленія ея въ 1830 году и унесшей не мало жертвъ всѣхъ возростовъ и званій. Умерла отъ холеры и бывшая первая танцовщица нашего балета (ихъ тогда еще не называли балеринами) А. С. Истомина, когда-то воспѣтая Пушкинымъ. Жизнь этой женщины замѣчательна не столько по отношенію къ міру искусства, какъ къ міру высокопоставленныхъ лицъ, покровительство которыхъ доставило ей возможность провести всю жизнь въ довольствѣ и роскоши. Какъ танцорка она славилась техникой, отчетливостью исполненія хореграфическихъ трудностей, граціозностью движеній, но въ ней не было ни пластичности позъ, ни одушевленія или увлеченія, необходимаго для исполненія драматическихъ ролей. Что касается до ея частной жизни, то она была далеко не образцомъ скромности. Зола, создавая въ своемъ романѣ «Нана» ультра-реалистическую сцену, когда его героиня, снимая съ себя излишніе покровы, сводитъ съ ума стараго аристократа, не сказалъ ничего новаго въ этомъ отношеніи: наша танцорка исполняла передъ извѣстнымъ вельможею свои сценическія па, только не въ театральномъ костюмѣ. Выйдя въ отставку съ значительнымъ капиталомъ, скопленнымъ на служеніи не одной Терпсихорѣ, Истомина, уже не въ молодыхъ лѣтахъ, тотчасъ же нашла себѣ мужа въ своемъ же артистическомъ кругу. Это былъ второстепенный актеръ Александринскаго театра Екунинъ, не от-

личавшійся дарованіемъ, но прекрасно исполнявшій только одну роль Скалозуба, къ которой какъ нельзя болѣе подходила его рослая, видная фигура. Екунинъ, жившій по неволѣ очень скромно на свое маленькое жалованье, надѣялся въ бракѣ со старой танцоркой найти по крайней мѣрѣ средства пожить широко и весело. Но онъ ошибся въ расчетѣ, жена держала его, какъ говорится, въ ежевыхъ рукавицахъ и не давала ему возможности развернуться, какъ подобаетъ широкой русской натурѣ. Только съ ея смертью, послѣдовавшей быстро и не ожиданно, сдѣлавшись единственнымъ наслѣдникомъ всѣхъ капиталовъ своей благовѣрной, могъ онъ вполнѣ удовлетворить своей наклонности къ кутежамъ. Но и тутъ эта широкая натура, погубившая уже столько русскихъ людей, стоящихъ неизмѣримо выше Екунина, наказала жестоко и этого заурядnаго актера за нарушеніе законовъ умѣренности и воздержанія. Понадѣявшись на свое замѣчательно крѣпкое здоровье, онъ вскорѣ же послѣ смерти жены, справляя по ней одну изъ тризнъ, въ разгоряченномъ состояніи отъ излишковъ возліяній, пробылъ долго на холодномъ сильномъ вѣтрѣ, схватилъ простуду, а затѣмъ и горячку, которая свела его въ гробъ еще быстрѣе чѣмъ холера. Такъ и не удалось ему попользоваться ни веселою жизнью, ни средствами къ ней, бывшими у него въ рукахъ.

Умеръ въ то же время и Песоцкій, также не доживъ до сорока лѣтъ, но его свела въ могилу не холера, а болѣзнь въ ногахъ, давно развивавшаяся и заставившая его почти годъ не вставать съ постели. Онъ былъ предпріимчивый, дѣятельный издатель, но которому не удавались какъ-то всѣ его предпріятія, хотя въ другихъ рукахъ они и приносили выгоду. Такъ основанные имъ «Репертуаръ», «Экономъ» и «Военная Галерея», если и не процвѣтали у другихъ издателей, то все-таки существовали долго спустя послѣ смерти ихъ основателя. Не безукоризненный въ отношеніяхъ къ литераторамъ, онъ по крайней мѣрѣ по отношенію къ своимъ собратамъ книгопродавцамъ не прибѣгалъ къ продѣлкамъ недопускаемымъ честнымъ отношеніемъ къ дѣлу и не банкротился, какъ Базуновъ, Ольхинъ, и другіе издатели, подрывавшіе кредитъ своихъ товарищей.

Изъ молодыхъ сотрудниковъ «Литературной Газеты» умерли вслѣдъ за ея прекращеніемъ: Кресинъ, Нѣмчиновъ и Лукьяновъ. Талантъ ихъ могъ развиться, если бы они не такъ скоро кончили свое жизненное и литературное поприще. Кресинъ былъ еврей бойкій, расторопный, писавшій обо всемъ, еврей съ гоноромъ какихъ не встрѣчаешь между нынѣшными жидами. Онъ тотчасъ же разошелся со мною и пересталъ вовсе писать въ газетѣ, хотя заработывалъ въ ней больше другихъ,—послѣ того, какъ я однажды высказалъ—и не въ печати—свое мнѣніе объ эксплуататорскихъ свойствахъ евреевъ. Двое другихъ были изъ купеческаго званія:

Нѣмчиновъ по чайной торговлѣ, Лукьяновъ былъ механикомъ и работалъ аэростатическія лампы. Были у меня сотрудниками и профессора, и учителя, и чиновники, и военные. Одинъ изъ чиновниковъ, Михаилъ Ивановичъ Поповъ, также уже умершій въ важномъ чинѣ и званіи, писалъ не дурные стихи подъ буквою М. и псевдонимомъ Миронскаго. Братъ его, Александръ, учитель русской словесности въ Смольномъ институтѣ и другихъ заведеніяхъ, писалъ разсказы. Путейскій офицеръ Вл. И. Цимерманъ началъ у меня свою литературную карьеру. Одинъ изъ петрашевцевъ, С. Ѳ. Дуровъ, писалъ не только замѣчательные стихи, но и прозаическіе очерки. Обо всѣхъ ихъ пріятно вспомнить и черезъ сорокъ лѣтъ слишкомъ; объ одномъ только не сохранилъ я доброй памяти, хотя онъ писалъ много въ 1848 году. Передавъ ему въ этомъ году фельетонъ, который я велъ самъ въ 1847 году, я конечно предоставилъ вполнѣ на его волю выборъ предметовъ для этихъ фельетоновъ— а онъ сталъ расхваливать разныя увеселительныя заведенія и даже, по образцу Булгарина, разные предметы торговли. Мнѣ конечно слѣдовало бы тотчасъ же прекратить подобную литературу, но я не считалъ себя вправѣ безъ явныхъ доказательствъ оскорбить своего сотрудника подозрѣніемъ, что подобные отзывы могли казаться не безкорыстными. Въ холерное время Излеръ своими вечерами и праздниками на минеральныхъ водахъ приносилъ пользу тѣмъ, что развлекалъ петербургскую публику и заставлялъ ее забывать о страшной гостьѣ. Онъ дѣлалъ также много добра, жертвуя частью сборовъ въ общество посѣщенія бѣдныхъ, въ разные пріюты, въ человѣколюбивое общество. Поэтому, въ концѣ лѣтняго сезона, всѣ участвовавшіе въ его концертахъ и вечерахъ и получавшіе отъ него достаточное вознагражденіе: пѣвцы, музыканты и хоры, дали ему благодарственный бенефисъ, на которомъ хоръ московскихъ цыганъ пропѣлъ въ честь Излера куплеты, сочиненные Платономъ Смирновскимъ. Эти куплеты, съ подробнымъ описаніемъ всего праздника, фельетонистъ предподнесъ читателямъ «Литературной Газеты» и редакторъ ея былъ такъ слабъ, что позволилъ напечатать это вовсе не литературное произведеніе, въ чемъ онъ кается и теперь, какъ въ проступкѣ неизвительномъ. Mea culpa, mea maxima culpa. Приведу въ укоръ себѣ первую строфу этихъ куплетовъ, пѣтыхъ на голосъ извѣстнаго французскаго романса: «T'en souviens tu? disait un capitaine».

«Хвала тебѣ, нашъ Излеръ благородный,
«Несчастныхъ другъ и другъ честныхъ людей.
«Хвала тебѣ! ты въ памяти народной
«Останешься на память нашихъ дней.
«Въ тѣ дни, какъ всѣ отъ страха трепетали
«И грозный бичъ тревожилъ всѣхъ умы,
«Въ твоихъ садахъ превесело гуляли.
«Ты вспомнишь ли?—но не забудемъ мы!»

Далѣе воспѣвались разныя качества и подвиги петербургскаго увеселителя. Одинъ изъ этихъ подвиговъ дѣйствительно заслуживалъ вниманія. Въ холеру особенно плохо приходилось уличнымъ музыкантамъ, шарманщикамъ, акробатамъ: ихъ почти никуда не пускали на дворы и не слушали ихъ музыки и пѣнія. Излеръ собиралъ этихъ бѣдняковъ на свои вечера, на минеральныхъ водахъ, заставлялъ ихъ пѣть, играть и выдавалъ имъ часть сбора. Это конечно хорошая черта, но и ее не слѣдовало воспѣвать въ такомъ восторженномъ тонѣ. Немудрено, что куплеты г. Смирновскаго возбудили неудовольствіе въ истинныхъ литераторахъ и я вскорѣ услышалъ, что Ѳ. А. Кони написалъ пародію на эти куплеты. Я просилъ его прислать мнѣ эти стихи—что онъ тотчасъ же исполнилъ—и хотѣлъ ихъ напечатать, чтобы хоть сколько-нибудь загладить мою вину и доказать безпристрастіе «Литературной Газеты», но всѣ старанія мои помѣстить въ ней насмѣшку надъ черезчуръ восторженнымъ куплетистомъ были напрасны и я только теперь могу привести остроумную пьесу даровитаго писателя, лирическія произведенія котораго слѣдовало бы собрать такъ же, какъ его критическія статьи о театрѣ и искусствѣ и издать ихъ, какъ Вольфъ издалъ его пьесы. Пародія Ѳ. А. Кони называется «Диѳирамбъ искреннему другу мелочному лавочнику». Эпиграфъ взятъ изъ Карамзина: «Пусть Виргилій прославляетъ Августовъ, я хочу хвалить Фрола Силна, простого поселянина».

«Хвала тебѣ, торговецъ благородный,
«Съ душою нѣжной, мягкою какъ шолкъ,
«Хвала тебѣ! въ тѣ дни, когда голодный,
«По лавочкамъ таскался я какъ волкъ,
«Въ тѣ дни когда вдругъ захворалъ картофель
«И страхъ объялъ кухарокъ всѣхъ умы,—
«Ты разгадалъ мой истощенный профиль...
«Ты помнишь ли? но не забудемъ мы!

«Пожертвовавъ для ближняго карманомъ
«И теплою любовію дыша,
«Не захотѣлъ прослыть ты Тамерланомъ
«И бралъ на грошь лишь гривну барыша.
«За то къ тебѣ сбѣжалися всѣ бабы
«И съѣли вмигъ всѣ огурцовъ холмы,
«Хотя тогда желудки были слабы....
«Ты помнишь ли?.. но не забудемъ мы!

«Душа твоя цѣлительнымъ бальзамомъ
«На горничныхъ обильно потекла.
«Ты какъ артистъ припасъ въ угоду дамамъ
«И голубковъ изъ дутаго стекла,
«И баночку помады бергамотной,
«И яблоковъ съ брусникой для зимы,—
«Цекорію давалъ въ кредитъ охотно...
«Ты помнишь ли? но не забудемъ мы,

«Ты помнишь ли, когда я для афиши
»Писалъ тебѣ про всякіе харчи
«И превознесъ талантъ твой выше крыши,
«А безкорыстье—выше каланчи...
«Ты мнѣ принесъ, о добрый, двѣ селедки,
«Ватрушки фунтъ и разные кормы
«И удружилъ три гривны на подметки...
«Ты помнишь ли? но не забудемъ мы?»

Эти стихи конечно не болѣе какъ шутка, но Ѳедоръ Алексѣевичъ Кони не рѣдко поднимался въ своихъ лирическихъ произведеніяхъ до высокой ювеналовской сатиры. Таковъ, между прочимъ, его блестящій ямбъ, начинающійся стихами: «Не жди, чтобы цвѣла страна, гдѣ плохо слушаютъ разсудка, и гдѣ зависитъ все отъ сна и отъ сваренія желудка». Къ сожалѣнію, онъ и теперь еще не можетъ явиться въ печати. Ѳ. Кони еще въ тридцатыхъ годахъ переводилъ Беранже и прислалъ мнѣ для альбома переводъ пѣсни Le roi d'Yvetot, помѣченный 1830 годомъ. Это безпорно лучшій переводъ пѣсни про знаменитаго короля couronné par Jeanneton dun simple bonnet de coton, и Ѳ. А. передалъ ее хотя и не совсѣмъ точно, но гораздо ближе къ духу подлинника, чѣмъ В. Курочкинъ и Мей. А между тѣмъ, переводъ Кони совершенно неизвѣстенъ какъ и весьма многіе изъ его стихотвореній, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ «Гондольера» распѣваетъ вся Россія. Привожу этотъ переводъ, сдѣланный шестьдесятъ лѣтъ назадъ.

ПѢСНЯ

О царькѣ въ городкѣ,
Молодцѣ и отцѣ,
О его чудесахъ,
О пирахъ и трудахъ,
Объ указахъ съ умомъ
И о прочемъ иномъ.

Былъ городокъ и въ немъ царекъ
Въ исторіи безвѣстный,
Вставалъ съ зарей, хоть поздно легъ,
А спалъ всегда чудесно,
Хоть не на лаврахъ—въ колпакѣ,
Подъ фризякомъ, на сундукѣ.
То-то любо, то-то мило,
То-то славный былъ царекъ!

Безъ хрусталя онъ у стола,
Лишь было бъ чѣмъ напиться —
И самъ потомъ сѣдлалъ осла
По царству прокатиться.
При немъ гвардейскій часовой
Былъ—пудель грозный и дворной.
То-то любо, то-то мило,
То-то мудрый былъ царекъ.

И не царемъ, а молодцомъ
Его красотки звали,
И по дѣломъ его «отцомъ»
Всѣ слуги почитали.
И сколько тамъ сиротъ и вдовъ
Спѣшило подъ его покровъ!
То-то любо, то-то лихо,
То-то дѣльный былъ царекъ.

Давалъ законъ ко благу онъ,
Чтобъ горе не нависло,
А не указъ со всѣхъ сторонъ
Все числа, да безъ смысла.
И взятокъ у него не бралъ
Ни копіистъ, ни генералъ...
То-то любо, то-то мило,
То-то правый былъ царекъ.

Онъ велъ одну войну—сгонялъ
Съ плѣши и мухъ, и мошекъ,
Бутылкамъ—спуску не давалъ,
А вѣшивалъ лишь кошекъ.
И умеръ онъ, когда въ лѣтахъ
Былъ еле-еле на ногахъ.
То-то любо, то-то лихо,
То-то добрый былъ царекъ.

И много лѣтъ царька портретъ
Въ народѣ сохранялся,
И вывѣской любви предметъ
Подъ елкой красовался.
И кто ни взглянетъ, ни зайдетъ—
Царька невольно помянетъ:
То-то горько, то-то жалко!
То-то славный былъ царекъ!

Кони писалъ и эпиграмы. Вотъ одна изъ нихъ на Воронцова, пріѣхавшаго съ Кавказа послѣ своей неудачной попытки захватить Шамиля въ Дарго:

«Могучъ, величественъ и грозенъ
«Въ клубъ англійскій графъ Воронцовъ вступилъ.
«Хоть онъ Шамиля не сразилъ,
«За то теперь сраженъ имъ Позенъ».

Но лучшимъ сатирическимъ произведеніемъ Кони надо считать его «Біографію благороднаго человѣка». Въ печати она появилась гораздо позднѣе въ искаженномъ видѣ съ большими пропусками. Но я получилъ ее въ автографѣ Ѳедора Алексѣевича, съ искренной надеждой конечно увидѣть ее въ моей газетѣ. Возстановляю ее въ томъ видѣ, какъ она была написана талантливымъ авторомъ.

Родился я—какъ подобаетъ.
Родитель мой былъ столбовой.
Гдѣ онъ служилъ—Господь то знаетъ,
Но человѣкъ былъ съ головой.
Хотя не дрался онъ съ французомъ,
Носилъ медаль, не зналъ аптекъ,
Былъ дюжъ, здоровъ съ огромнымъ пузомъ,
Какъ благородный человѣкъ.

Весь домъ его былъ въ строгомъ чинѣ.
Холопей праздную семью
Держалъ всегда онъ въ дисциплинѣ,
Какъ свору гончую свою.
Онъ велъ дѣла благополучно,
Виновныхъ на конюшнѣ сѣкъ,
Псарей училъ собственноручно,
Какъ благородный человѣкъ.

Имѣя дѣла очень много
То на охотѣ, то въ гостяхъ,
Меня онъ сдалъ на волю Бога.
Я взросъ у ключницъ на рукахъ.
Я поѣдалъ варенье славно,
Ходилъ смотрѣть рысистый бѣгъ
И въ бабки дулся преисправно,
Какъ благородный человѣкъ.

Я съ гордостью открою внукамъ,
Что полный курсъ мой былъ—букварь,
Что обучалъ меня наукамъ
Нашъ деревенскій пономарь.
Я росъ свободно, праздно, вольно,
Межъ дворни, гончихъ и телегъ,
Да плеткой слугъ стегалъ пребольно,
Какъ благородный человѣкъ.

Чтобы избавиться отъ жалобъ,
Отецъ рѣшилъ меня женить,
Да разсудилъ, что не мѣшалобъ
Сперва маленько послужить.
Мои бумаги были чисты.
Тогда былъ не ученый вѣкъ—
И поступилъ я въ копіисты,
Какъ благородный человѣкъ.

Не зналъ я что такое страсти,
За честью гнаться не хотѣлъ,
Я покорялся всякой власти.
Предъ богачомъ—благоговѣлъ.
Не простиралъ далеко виды,
Сбиралъ щепы какъ дровосѣкъ—
Сносилъ безропотно обиды—
Какъ благородный человѣкъ.

Я врагъ былъ всякихъ либераловъ,
Во мнѣ духъ барства не потухъ.
Всегда терпѣть не могъ журналовъ —
Въ нихъ эдакій какой-то духъ.
Я денегъ не сорилъ на вздоры,
Не заводилъ библіотекъ
И не вступалъ ни съ кѣмъ я въ споры,
Какъ благородный человѣкъ.

Я проводилъ досугъ иначе,
Бродягамъ гроша не давалъ,
И въ зимній вечеръ и на дачѣ,
Исправно спалъ иль козырялъ.
Меня не трогалъ неимущій:
Не призрѣвать же всѣхъ калекъ!
Пусть самъ достанетъ хлѣбъ насущный—
Какъ благородный человѣкъ.

Жену мою... какъ вамъ сказать бы?...
Мнѣ мой начальникъ предложилъ.
Онъ зналъ ее еще до свадьбы
И награждалъ—но мѣрѣ силъ.
За ней сулилъ онъ тридцать тысячъ...
За эти деньги въ нашъ-то вѣкъ —
Себя позволитъ всякій высѣчь,
Какъ благородный человѣкъ!

Жена любила всѣ обряды
Великолѣпныхъ свѣтскихъ дамъ,
Днемъ покупала все наряды,
Скиталась ночью по баламъ.
Сперва ее плѣнила полька,
Потомъ подъѣхалъ знатный грекъ...
Что жъ было дѣлать?.. Плюнулъ только,
Какъ благородный человѣкъ.

Я былъ въ дѣлахъ отмѣнно тонокъ,
Спины и шеи не жалѣлъ,
Предъ сильнымъ—просто падалъ доногъ,
Зналъ фамильярности предѣлъ
И хоть безъ мудраго ученья,
А переплылъ я много рѣкъ
И нажилъ славныхъ три имѣнья,
Какъ благородный человѣкъ.

Я въ свѣтѣ съ важностью прямою
Всегда держать себя умѣлъ
И подчиненный предо мною
Ни сѣсть, ни пикнуть бы не смѣлъ.
А если бъ вышелъ онъ изъ правилъ—
Да я бы судъ надъ нимъ изрекъ:
Безъ хлѣба на всю жизнь оставилъ,
Какъ благородный человѣкъ.

Дѣтей къ начальству на поклоны
Всегда съ собою я возилъ,
Что значатъ важныя персоны
Я съ малолѣтства имъ внушилъ.
За то карьеру имъ составилъ,
Теперь пойдутъ и безъ опекъ.
Я долгъ родительскій исправилъ,
Какъ благородный человѣкъ.

Весь вѣкъ я терся по пріемнымъ
У командировъ и вельможъ,
Терпѣлъ ихъ шутки съ видомъ скромнымъ
На все готовъ былъ и пригожъ.
За честь считалъ вкушать ихъ братенъ,
Въ мой домъ ихъ звалъ хоть на ночлегъ.
За то ихъ милостью украшенъ,
Какъ благородный человѣкъ.

Хоть ждалъ ремесленникъ уплаты
Съ меня лѣтъ десять иногда,
Но мѣтилъ я въ аристократы
И твердо зналъ, что нѣтъ стыда
Должать за мебель, за линейки.
Зато платилъ я весь свой вѣкъ
Долги по картамъ до копейки,
Какъ благородный человѣкъ.

И внесъ на имя неизвѣстныхъ
Давно въ ломбардъ я капиталъ,
Достигъ до степеней извѣстныхъ—
И все что̀ можно нахваталъ.
Воздвигъ этажей въ шесть домишко,
И формуляръ мой чистъ какъ снѣгъ,
А жилъ-то я на свой умишко,
Какъ благородный человѣкъ.

Скончался я, оплаканъ сыномъ,
За мной тянулся рядъ каретъ.
Свезли меня подъ балдахиномъ
И на поминкахъ былъ обѣдъ.
На дняхъ въ газетахъ вышелъ нумеръ,
Что-молъ такой-то, имя рекъ,
Почтенно жилъ и честно умеръ—
Какъ благородный человѣкъ!

Я остановился на сатирическихъ произведеніяхъ Ѳ. А. Кони, потому что покойный Гербель въ своемъ сборникѣ «Русскіе поэты»

обратилъ вниманіе только на его лирическія пьесы и привелъ, какъ образцы его поэтическаго таланта, два романса. Между тѣмъ, этотъ высоко-образованный человѣкъ, студентъ философскаго факультета Московскаго университета, получившій потомъ званіе лекаря, замѣчательный педагогъ и учитель исторіи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, наставникъ-наблюдатель въ Дворянскомъ полку, даровитый журналистъ, который велъ положительно талантливо свой «Пантеонъ», наполняя его интересными статьями своими и другихъ сотрудниковъ, этотъ симпатичный писатель, съ которымъ я болѣе тридцати лѣтъ находился въ самыхъ пріязненныхъ, близкихъ отношеніяхъ—былъ по преимуществу юмористъ и сатирикъ, что доказываютъ, кромѣ стихотвореній, тридцать четыре его пьесы, написанныхъ имъ съ конца тридцатыхъ годовъ для русской сцены. Всѣ эти пьесы, оригинальныя и передѣлки, имѣли большой успѣхъ въ свое время именно по своему юмору, остроумію и легкой сатирѣ, свидѣтельствующихъ о талантѣ и наблюдательности. И между тѣмъ онъ вовсе не оцѣненъ у насъ по достоинству; даже пьесы его не подвергались серьезному разбору, не говоря уже о его трудахъ по всеобщей исторіи и исторіи русскаго театра. Его портрета и біографіи нѣтъ въ мюнстеровской галереѣ писателей, Межовъ упоминаетъ только о двухъ его театральныхъ статьяхъ, въ словарѣ Геннади онъ пропущенъ, Березинъ отвелъ ему пять сухихъ и пустыхъ строкъ, Старчевскій нѣсколько общихъ мѣстъ, даже смерть его въ 1879 году не вызвала сколько-нибудь обстоятельной оцѣнки много потрудившагося, несомнѣнно даровитаго писателя. Объ умершихъ писателяхъ наши періодическія изданія говорятъ еще меньше чѣмъ о живыхъ. Одна надежда, что серьезная критическая біографія Ѳ. А. Кони появится въ словарѣ Венгерова, когда, лѣтъ черезъ двадцать, словарь этотъ дойдетъ до буквы К.

Вл. Зотовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕТЕРБУРГЪ ВЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДАХЪ [1].

(Выдержки изъ автобіографическихъ замѣтокъ).

VIII.

Реакція 1849 года въ Европѣ.—Зловѣщіе слухи въ Петербургѣ.—Два лицеиста XI курса.—Первое стихотвореніе М. Н. Лонгинова.—Лонгиновъ въ 1872 году.—Пятничные вечера на Покровской площади. — Судьба первой русской фаланстеріи.—Книга В. И. Семевскаго и записка Липранди.—Карманный словарь Кирилова.—Записка Петрашевскаго, розданная петербургскимъ дворянамъ.—Прощаніе съ Анненковымъ.—Долженъ ли чиновникъ быть человѣкомъ.—Венгерская кампанія.

СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ годъ былъ особенно тяжелъ для Европы. Ошеломленныя неожиданными взрывами народныхъ волненій въ сорокъ восьмомъ году, правительства, неподготовленныя къ отпору, почти вездѣ потеряли голову, но принужденныя уступить требованіямъ демократіи, черезъ годъ уже возвратились къ прежнимъ системамъ управленія, только въ болѣе мягкихъ пріемахъ. Но почти вездѣ правительства оказались далеко не на высотѣ своего положенія. Прямодушнаго императора Николая I особенно волновала слабость прусскаго короля, выказанная во время берлинской революціи. Австрійскій императоръ хотя и уволилъ своего Метерниха, этого Макіавеля XIX вѣка, но отрекся отъ престола, взваливъ въ самую тяжелую минуту, бремя правленія на племянника, едва вышедшаго изъ отрочества. Австрійскіе эрцгерцоги бѣжали изъ своихъ итальянскихъ владѣній при первыхъ попыткахъ возстаній

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XL, стр. 290.

своихъ подданныхъ и, вернувшись съ австрійскими войсками, принялись бомбардировать Болонью, Анкону, Ливорно, Геную. Маленькіе нѣмецкіе принцы съ испугу надавали своимъ микроскопическимъ княжествамъ такихъ конституцій, какихъ они и не требовали. Не смотря на это, въ Баденѣ, въ Пфальцѣ, превозглашена была республика, хотя ея эфемерное существованіе кончилось со взятіемъ пруссаками Раштадта. Франкфуртскій парламентъ, составившій программу германской имперіи, нисколько не уступающую той, какую сочинилъ Бисмаркъ, не могъ найти себѣ императора и превратился изъ серьезнаго учрежденія въ жалкую говорильню, разогнанную вскорѣ же войсками того короля, которому онъ предлагалъ императорскую корону. Тупая французская буржуазія, перестрѣлявшая въ іюньскіе дни тысячи рабочихъ, выбрала своимъ главою авантюриста, который, присягнувъ на вѣрность республикѣ, началъ свое правленіе съ уничтоженія другой республики, бомбардируя вѣчный городъ, чтобы вернуть въ него папу, ни за что не соглашавшагося покинуть Гаэту. До насъ всѣ эти европейскія волненія нисколько не касались, мы только съ любопытствомъ слѣдили за ними изъ нашего «прекраснаго далека». Не было у насъ ни рабочаго вопроса, ни пролетаріата, ни демократіи, ни политическихъ и соціальныхъ партій: послѣднее возстаніе въ Польшѣ было потушено 18 лѣтъ назадъ, послѣдній заговоръ уничтоженъ почти четверть вѣка назадъ. И вдругъ, въ Петербургѣ, въ концѣ апрѣля, разнесся слухъ объ открытіи какого-то соціалистическаго заговора. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, при полномъ отсутствіи гласности, слухи приняли громадные размѣры, фантастическую окраску. Говорили сначала о полсотнѣ, потомъ о сотнѣ арестованныхъ, о чрезвычайно ловкихъ дѣйствіяхъ сыщиковъ, устроившихъ табачную лавочку въ домѣ, гдѣ собирались тайныя засѣданія, о развѣтвленіи общества въ провинціи, о пріѣздѣ въ Петербургъ изъ Парижа двухъ послѣдователей ученія Прудона, о которомъ, какъ и вообще о соціализмѣ, даже высшее общество наше имѣло весьма смутныя понятія. Исчезновеніе изъ небольшого кружка столичной интелигенціи нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ, какъ Достоевскій, Плещеевъ, Дуровъ, Пальмъ, Европеусъ, Дебу, Бѣлецкій, Щелковъ, Спѣшневъ, Кропотовъ, Ахшарумовъ, Григорьевъ, Кашкинъ, Монбелли, Львовъ, придавало правдоподобіе городскимъ слухамъ.

Главою тайнаго общества называли кандидата петербургскаго университета Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевскаго, помѣщика и петербургскаго домовладѣльца. Это былъ мой товарищъ по Лицею, поступившій въ одинъ годъ со мною (1836) въ царскосельское привилегированное заведеніе. Онъ принадлежалъ къ XI курсу и былъ своекоштнымъ воспитанникомъ. Курса онъ однако не окончилъ, и еще въ первомъ классѣ, 15-ти лѣтъ, былъ

отмѣченъ гувернерами какъ воспитанникъ «крайне строптиваго характера и либеральнаго образа мыслей». Учился онъ хорошо, но держалъ себя какъ-то странно, даже по отношенію къ товарищамъ. Угрюмый, неразговорчивый, сосредоточенный въ себѣ, онъ почти ни съ кѣмъ не сближался и внѣклассное время проводилъ не въ бесѣдахъ или играхъ, а уединялся въ рекреаціонной залѣ или въ саду, съ книгой въ рукахъ. Столкновенія съ лицейскимъ начальствомъ, къ которому онъ относился весьма недружелюбно и непочтительно, сдѣлались наконецъ такъ часты и рѣзки, что онъ долженъ былъ оставить Лицей, не пробывъ въ немъ полныхъ двухъ лѣтъ. Онъ вышелъ въ одно время съ Михаиломъ Николаевичемъ Лонгиновымъ и оба поступили вольнослушателями на юридическій факультетъ Петербургскаго университета. Оба эти лицеиста, не кончившіе курса, что было у насъ большой рѣдкостью, — были въ Лицеѣ очень близки между собою, несмотря на разницу въ ихъ характерахъ, и это сближеніе веселаго, живого, добродушнаго Лонгинова, получавшаго выговоры за слишкомъ громкій смѣхъ, раскатывавшійся по лицейскимъ заламъ — съ вѣчно нахмуреннымъ, несообщительнымъ Петрашевскимъ, грубо относившимся къ своимъ воспитателямъ, поражало дѣйствительно своею странностью. Что было общаго между этими двумя, совершенно противоположными темпераментами? Соединялъ ли ихъ законъ контрастовъ, не рѣдко сближающій въ жизни лица различныхъ половъ и характеровъ?— рѣшать не берусь. Но въ то время, когда никто не жалѣлъ объ оставленіи Петрашевскимъ Лицея, весь XI курсъ, даже всѣ его гувернеры и лекторы, высказывали искреннее сожалѣніе о даровитомъ, симпатичномъ Михаилѣ Николаевичѣ Лонгиновѣ, мать котораго, Марья Александровна, слѣдившая за воспитаніемъ сына и часто посѣщавшая его въ Лицеѣ, также пользовалась всеобщимъ вниманіемъ. За Петрашевскимъ пріѣхала его мать, новгородская помѣщица, и онъ оставилъ Лицей, ни съ кѣмъ не простившись, тогда какъ Лонгинова провожалъ весь Лицей. Я былъ также очень друженъ съ Михаиломъ Николаевичемъ и, прощаясь со мною, онъ далъ мнѣ листъ бумаги, сложенной вчетверо, какъ дѣловое отношеніе, и сказалъ:

— По твоему примѣру, я тоже началъ писать стихи. Боюсь, что мой первый, вполнѣ отдѣланный опытъ будетъ неудаченъ, но онъ, во всякомъ случаѣ, послужитъ доказательствомъ, какъ мнѣ тяжело разставаться съ вами, какъ я любилъ васъ. Прочти это всему курсу, когда я уѣду. Самъ я не въ состояніи сдѣлать этого.

Онъ былъ, видимо, глубоко тронутъ: въ пятнадцать лѣтъ чувства бываютъ искреннія, да ему и не зачѣмъ было притворяться. Я исполнилъ его желаніе и свято сохранилъ его первые стихи. Впослѣдствіи, еще не переходя къ своимъ цѣннымъ библіографиче-

скимъ трудамъ, онъ сталъ создавать цѣлыя поэмы совершенно въ другомъ родѣ, о которыхъ выражался такъ:

«Стихи пишу я не для дамъ,
. . . . . .
«Я ихъ въ цензуру не отдамъ,
«А напечатаю въ Карльсруэ».

Для полноты біографіи будущаго историка литературы и гонителя нецензурныхъ произведеній, привожу, какъ интересный матерьялъ, его первое стихотвореніе.

Прощаніе съ товарищами.

(Милому XI курсу).

«Прощайте, друзья! Я теперь не Лицейскій,
«Разстался я съ вами теперь навсегда;
«Но знайте: на поприщѣ жизни житейской
«Я васъ не оставлю душой никогда.

«Всегда буду помнить я наши бесѣды,
«Порой оживленные звучнымъ стихомъ;
«Одерживалъ тотъ надо всѣми побѣды,
«Кто сладкимъ поэта владѣлъ языкомъ.

«Прощайте же всѣ, но не думайте, други,
«Что нынѣ оставивъ вашъ тѣсный союзъ,
«Забуду я наши златые досуги
«И новою дружбой теперь увлекусь.

«Нѣтъ! будете вы лишь друзьями моими,
«Прошу васъ, о други, меня не забыть.
«Я часто напомню стихами своими
«О томъ, кто вамъ другомъ желаетъ вѣкъ быть.

«12 сентября 1838. «М. Лонгиновъ.
«Другу моему Зотову.

Стихи, конечно, очень плохи, гораздо слабѣе его непечатныхъ произведеній, не появившихся даже въ Карльсруэ. Но чувства поэта къ Лицею, искреннія и въ то время, оставались такими же и въ первое время его пребыванія въ Петербургѣ, когда онъ былъ сотрудникомъ въ «Современникѣ» и «Ералашѣ», до 1854-го года, когда онъ перешелъ на службу въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора. Въ это время онъ оставался въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми лицеистами, всегда принималъ участіе во всѣхъ нашихъ сходкахъ и бесѣдахъ, праздновалъ вмѣстѣ съ нами 19-е октября. Потомъ его прекрасныя историческія статьи обращали на него вниманіе писателей. Я свидѣлся съ нимъ только черезъ 18 лѣтъ послѣ его орловскаго губернаторства, о которомъ ходили въ Петербургѣ неблагопріятные слухи. Въ 1872 году, когда онъ уже былъ начальникомъ печати, слыша объ немъ много такого, что далеко не напоминало прежняго Лонгинова, я захотѣлъ

убѣдиться, насколько справедливы ходившіе объ немъ журнальные толки — и поѣхалъ взглянуть на стараго лицейскаго товарища. По цензурѣ у меня не было къ нему никакого дѣла: оба мои изданія, какъ иллюстрированныя, разсматривались общей цензурой, на которую я не имѣлъ повода жаловаться. Это было уже не то время, когда Елагинъ вычеркивалъ собачье прозвище «черкесъ» и замѣнялъ его «амишкой», любезно объясняя при этомъ, что есть черкесы, преданные Россіи, которые могутъ обидѣться такой кличкой; когда Ахматовъ запрещалъ въ разговорѣ героевъ повѣсти выраженіе «воля ваша!» и замѣнялъ его словами «какъ вамъ угодно». Новые цензора не доходили до такихъ геркулесовыхъ столбовъ благонамѣренности. Но я просто захотѣлъ посмотрѣть, насколько Лонгиновъ сороковыхъ годовъ, похожъ на Лонгинова—семидесятыхъ. Изъ моего свиданія съ бывшимъ лицеистомъ я вынесъ, однако, печальное и тяжелое впечатлѣніе: со мною онъ встрѣтился по старому, какъ въ былые годы, но высказалъ мнѣ такіе взгляды на литературу вообще и на современную въ особенности, что я поспѣшилъ сократить мой визитъ и, воспользовавшись появленіемъ какого-то секретаря, сказалъ, что заѣду въ другой разъ, когда онъ будетъ не такъ занятъ. Больше, однако, я къ нему не заѣзжалъ, а вернувшись домой, написалъ въ тотъ же вечеръ къ нему письмо, въ которомъ говорилъ, что видѣться намъ больше незачѣмъ, что мнѣнія наши о литературѣ, о цензурѣ, объ отношеніяхъ администраціи къ писателямъ до того діаметрально противоположны, что согласить ихъ, найти между ними компромисъ—нѣтъ никакой возможности. Спорить объ этомъ было бы безполезно—и такъ уже, въ короткой бесѣдѣ, онъ высказалъ нѣсколько рѣзкихъ обвиненій, на которыя я отвѣчалъ упреками въ измѣнчивости убѣжденій. На письмо я не получилъ никакого отвѣта и съ тѣхъ поръ не видѣлся болѣе со старымъ товарищемъ. Онъ умеръ черезъ два года съ небольшимъ послѣ нашего свиданія отъ тяжелой болѣзни, на 52 году. Какъ писатель и историкъ литературы онъ заслуживаетъ полнаго уваженія. О четырехлѣтнемъ управленіи его печатью говорить еще, конечно, слишкомъ рано.

Воспоминанія объ одномъ школьномъ товарищѣ отвлекли меня отъ разсказа о другомъ. Не знаю, продолжались ли ихъ близкія отношенія въ университетѣ, но вышли они оттуда вмѣстѣ въ 1841 году, кончивъ курсъ, оба кандидатами, въ то самое время, когда XI курсъ вышелъ изъ Лицея. Петрашевскаго я не видалъ вовсе лѣтъ пять по выходѣ изъ Лицея. Въ началѣ 1846 года, онъ пріѣхалъ ко мнѣ — возобновить знакомство, какъ онъ говорилъ, разсказывалъ о томъ, что онъ зиму живетъ въ Петербургѣ, а на лѣто уѣзжаетъ въ деревню къ своей матери, что онъ много занимается изученіемъ соціальныхъ наукъ, что у него по пятницамъ собирается небольшой кружокъ пріятелей потолковать о современ-

ныхъ вопросахъ, и убѣдительно просилъ навѣстить его въ одну изъ пятницъ. Я отвѣчалъ, что день этотъ для меня неудобенъ, такъ какъ и ко мнѣ въ пятницу приходятъ обыкновенно товарищи, пять-шесть литераторовъ, и мы тоже толкуемъ, но больше о литературѣ, читаемъ стихи, разбираемъ журнальныя явленія. Онъ изъявилъ сожалѣніе, что это такъ неудачно пришлось, но все-таки взялъ съ меня слово, что я пріѣду въ одинъ изъ назначенныхъ дней, «какъ бы ни было поздно, послушать о чемъ бесѣдуютъ и, можетъ быть, мнѣ понравится». Я разспрашивалъ его о «Карманномъ словарѣ», второй выпускъ котораго былъ только-что остановленъ цензурою, а первый отобранъ изъ книжныхъ магазиновъ. Петрашевскій неохотно распространялся объ этомъ изданіи, говорилъ, что его не такъ поняли, но обѣщалъ доставить мнѣ оба выпуска—и исполнилъ обѣщаніе дня черезъ два. Надо было отвѣчать на эту любезность—и я отправился къ нему въ ближайшую пятницу, часу въ одиннадцатомъ. Жилъ онъ недалеко отъ меня, на углу Покровской площади и Садовой, въ домѣ своей матери. Общество у него было довольно многочисленное, человѣкъ 20, все больше студенты, учителя, писатели. Я пришелъ поздно и засталъ только конецъ чтенія какой-то записки, гдѣ дѣло шло о необходимости освобожденія крестьянъ. Затѣмъ начались пренія о прочитанномъ. Говорили, какъ всегда у насъ, нескладно, длинно, неубѣдительно, горячась безъ толку, перебивая другъ друга, поминутно отвлекаясь предметами вовсе не идущими къ дѣлу, не умѣя ни возражать, ни выслушивать чужихъ доводовъ. Хозяинъ, изъ учтивости, конечно, спросилъ и мое мнѣніе по этому вопросу.

— Не могу ничего сказать,—отвѣчалъ я,—не слыхавъ начала записки и не зная, на какихъ основаніяхъ авторъ полагаетъ устроить освобожденіе.

— Стало быть вы не сочувствуете великой идеѣ эмансипаціи?—крикнулъ на меня кто-то, считавшій своимъ долгомъ тотчасъ же обидѣться.

— Странно было бы не сочувствовать такой идеѣ,—отвѣчалъ я: но дѣло тутъ вовсе не въ нашемъ сочувствіи, отъ котораго крестьянамъ ни тепло, ни холодно, а въ средствахъ осуществленія идеи. Вотъ эти-то средства и слѣдуетъ обсуждать прежде всего, а не спорить о принципѣ, по которому не можетъ быть разногласія.

Тутъ посыпались предложенія всякаго рода и возможныя и совершенно фантастическія, но все это было до того не разработано, не приведено въ систему, не выяснено, а главное—до того не практично, что поневолѣ приходилось вспомнить объ одномъ мѣстѣ, вымощенномъ добрыми намѣреніями, гдѣ хоть и больше огня, но, пожалуй, не меньше дыму, хоть и не табачнаго. А этотъ дымъ выжилъ меня изъ собранія раньше, чѣмъ я располагалъ, и мое участіе въ пятничныхъ сборищахъ ограничилось этимъ первымъ

и послѣднимъ посѣщеніемъ стараго товарища. Какъ всѣ фантазеры, увлеченные одною господствующею у нихъ идеею, онъ всегда былъ въ какомъ-то возбужденномъ, ненормальномъ состояніи. У Петрашевскаго главною идеею было не уничтоженіе крѣпостничества, не гласность суда, не политическіе и конституціонные вопросы,— къ реформамъ управленія, по свидѣтельству Достоевскаго, приводимому Орестомъ Миллеромъ (см. «Матеріалы для жизнеописанія Достоевскаго»), онъ былъ совершенно равнодушенъ: господствующею идею его была фаланстерія Фурье, сенсимонизмъ, ученіе Овена, Икарія Кабе. Это былъ восторженный приверженецъ всѣхъ теорій соціализма, наивно вѣрившій въ возможность ихъ осуществленія даже на русской почвѣ. Сообщу здѣсь то, что знаю о его опытѣ насажденія этого заморскаго плода въ новгородскихъ лѣсахъ. Исторія первой фаланстеріи въ Россіи мало кому извѣстна и весьма поучительна.

Увѣренность этого фанатическаго поклонника фурьеризма въ томъ, что русскій мужикъ способенъ проникнуться идеями фаланстеріанскаго общежитія и усвоить ихъ себѣ, была до того велика въ Петрашевскомъ, что онъ задумалъ осуществить ее на дѣлѣ еще въ 1847 году, хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ. Былъ у него недалеко отъ уѣзднаго города небольшой выселокъ въ семь дворовъ, ютившихся на болотѣ, у опушки огромнаго сосноваго бора. Во всѣхъ дворахъ было душъ сорокъ и съ ребятами; земли было достаточно, съ десятокъ лошадей, но коровы не приживались, да и жилье самихъ мужиковъ на болотистомъ грунтѣ было не казисто и хозяйство у нихъ велось плохое: допотопные плуги и бороны работали плохо, избы подгнили, лѣсъ хоть подъ бокомъ, да господскій. Староста пришелъ просить бревенъ на починку развалившихся лачугъ. Тогда барина осѣнила геніальная мысль: онъ повелъ бесѣду о томъ: не лучше ли будетъ крестьянамъ вмѣсто того, чтобы подновить свои избы на завѣдомо нездоровомъ мѣстѣ, выстроить въ бору, на сухой почвѣ, одну просторную новую избу, гдѣ бы помѣстились всѣ семь семействъ, каждое въ отдѣльной комнатѣ, но съ одной общей кухней для стряпни и такой же залой для общихъ зимнихъ работъ и посидковъ, съ надворными пристройками и амбарами для домашнихъ принадлежностей, запасовъ и инструментовъ, которые также должны быть общими, какъ и вообще все крестьянское хозяйство. Баринъ долго развивалъ всѣ выгоды такого общежитія, обѣщая, конечно, все устроить на свой счетъ, купить заново всѣ необходимыя сельскія орудія и домашнюю утварь: горшки, чашки, плошки. Староста слушалъ «уставясь въ землю лбомъ», съ тою сосредоточенною миною русскаго мужика, по которой никакъ не узнаешь: понимаетъ ли слушающій, что ему говорятъ, или думаетъ о говорящемъ: «ничего-то, братъ, ты самъ не понимаешь и только вздоръ городишь». Онъ только низко

кланялся при перечисленіи всѣхъ благъ, какими баринъ сбирался наградить своихъ вѣрноподданныхъ въ ихъ новой жизни и на всѣ его вопросы «вѣдь такъ будетъ не въ примѣръ лучше и выгоднѣе?» отвѣчалъ: «воля ваша; вамъ лучше знать, мы люди темные; какъ прикажете, такъ и сдѣлаемъ». Баринъ напрасно старался добиться отъ него самостоятельнаго мнѣнія объ удобствахъ такого общежитія, напрасно ждалъ, когда въ его вѣрномъ Личардѣ «новогородская душа заговоритъ московской рѣчью величавой»; Личарда только кланялся и повторялъ: «вы наши отцы, какъ положите—такъ и будетъ».

Не желаніе мужиковъ измѣнить исконный, заповѣдный образъ жизни было очевидно, хотя и не высказывалось прямо, но оно было такъ естественно, что баринъ не удивлялся этому, хотя и рѣшилъ все-таки привести въ исполненіе свою идею, надѣясь, что испытавъ на дѣлѣ всѣ удобства новаго рода жизни, они оцѣнятъ заботы объ улучшеніи ихъ быта. Отъ вѣковыхъ привычекъ отстать не легко. Крестьяне тѣ же дѣти, которыхъ надо силою пріучать къ порядку, чистотѣ, опрятности. Съ манчестерскимъ принципомъ: laisser faire, laisser aller—тутъ ничего не подѣлаешь, и баринъ положилъ осчастливить дѣтей природы вопреки ихъ желаніямъ. «Не вытащить ихъ изъ ихъ болота, такъ они и совсѣмъ въ немъ завязнутъ»,—говорилъ онъ, и началъ строить въ лѣсу фаланстерію. Работа подвигалась быстро и къ зимѣ все было готово. Бесѣды и разъясненія шли своимъ чередомъ во время построекъ. Нѣсколько разъ баринъ водилъ стариковъ въ готовящееся для нихъ помѣщеніе, знакомилъ ихъ предварительно съ его планомъ и расположеніемъ комнатъ, съ новыми порядками, какимъ надо было слѣдовать въ общежитіи, спрашивалъ довольны ли они? Они ходили за нимъ по постройкѣ съ видомъ приговоренныхъ къ тюремному заключенію, бормотали угрюмо: «много довольны! какъ будетъ угодно вашей милости!» При свиданіи со мной, Петрашевскій не разъ сообщалъ мнѣ о ходѣ дѣла, обѣщалъ разсказать подробнѣе, какъ они начнутъ жить въ новой обстановкѣ съ Рождества 1847 года. Прошло и Рождество, но онъ не показывался въ Петербургѣ. Послѣ новаго года я узналъ, что онъ пріѣхалъ, но ко мнѣ не являлся. Еще черезъ недѣлю я случайно столкнулся съ нимъ на Невскомъ.

— Что же ты не заходишь ко мнѣ? Вѣдь ты же знаешь, какъ меня интересуетъ твоя попытка,—сказалъ я.

Онъ казался сконфуженнымъ и отвѣчалъ какъ-то не охотно:

— Да что, братецъ! Ты и представить себѣ не можешь какіе это дикари, сущіе звѣри. Что они со мной сдѣлали!

— Что же? отказались переселиться въ твою фаланстерію?

— Какъ же смѣли бы они это сдѣлать, когда имъ приказывалъ баринъ?

— Такъ что же наконецъ?

— Вообрази: наканунѣ переѣзда я еще разъ обошелъ съ ними всю постройку, назначилъ каждой семьѣ ея помѣщеніе, указалъ на всѣ его удобства, выгоды, передалъ всю утварь, какую закупилъ для нихъ, всѣ инструменты, велѣлъ перевести съ утра скотъ и лошадей въ новые хлѣва и конюшни, перенести весь скарбъ и запасы въ амбары. Съ сознаніемъ исполненнаго долга и добраго дѣла оставилъ я ихъ, обѣщая на другое же утро пріѣхать къ нимъ на новоселье изъ дома лѣсничаго, гдѣ я обыкновенно жилъ во время моихъ поѣздокъ...

— Ну и что же?—спросилъ я видя, что онъ остановился на послѣднихъ словахъ, высказанныхъ прерывающимся голосомъ.

— Пріѣзжаю рано утромъ и нахожу на мѣстѣ моей фаланстеріи однѣ обгорѣлыя балки. Въ ночь они сожгли ее со всѣмъ, что я выстроилъ и купилъ для нихъ.

Въ тонѣ его голоса было столько горечи, столько разочарованія, что я не могъ смѣяться надъ развязкой этой барской затѣи на соціальной подкладкѣ. Но этотъ неисправимый фантазеръ, не смотря на неуспѣхъ своихъ попытокъ, упорно продолжалъ дѣло пропаганды, которою онъ думалъ осчастливить свое отечество. Онъ пробовалъ сначала сдѣлать ея орудіемъ педагогику и еще въ 1844 году просилъ объ опредѣленіи его наставникомъ въ Лицей, въ чемъ конечно, получилъ отказъ. Не смотря на это, какъ старый лицеистъ, сохраняя по примѣру всѣхъ лицеистовъ крѣпкія связи съ заведеніемъ, давшимъ ему образованіе, онъ успѣлъ такъ повліять на трехъ воспитанниковъ, посѣщавшихъ его по праздникамъ, что «въ нихъ обнаружилось скептическое направленіе мысли относительно предметовъ вѣры и существующаго общественнаго порядка». Это свидѣтельствуетъ и записка слѣдственной комиссіи, полученная Вас. Ив. Семевскимъ изъ редакціи «Русской Старины», нѣсколько разъ цитируемая въ его замѣчательномъ трудѣ «Крестьянскій вопросъ въ Россіи», гдѣ дѣлу Петрашевскаго посвящена особая глава, XII-ая, представляющая обстоятельныя свѣдѣнія по этому предмету («Русская Старина» напечатала еще въ 1872 году обширную, хотя и одностороннюю, записку И. П. Липранди по дѣлу Петрашевскаго). В. И. Семевскій говоритъ, что изъ троихъ лицеистовъ, увлеченныхъ ученіемъ Петрашевскаго, одинъ былъ исключенъ изъ заведенія, а другой подвергнутъ исправительному наказанію. Почтенный авторъ «Крестьянскаго вопроса» приписываетъ также слишкомъ много значенія «Карманному словарю», составленному кружкомъ Петрашевскаго. Въ лексикографическомъ отношеніи это чрезвычайно слабая вещь, какъ орудіе пропаганды—книга не достигала своей цѣли, излагая туманно и неясно основныя положенія ученія Овена, Фурье, Сен-Симона, наполняя статьи объ нихъ вычурной реторикой, неидущей къ дѣлу, длиннымъ рядомъ точекъ или глумленіями, неумѣстными въ серьезномъ сочине-

ніи. Я говорилъ уже объ этой книгѣ въ статьѣ «Наши энциклопедическіе словари» («Историческій Вѣстникъ», 1888 г., томъ XXXII, стр. 444). Доказательствомъ тому, что книгѣ не приписывалось никакого серьезнаго значенія, служитъ то, что по изъятіи ея изъ обращенія, ни авторъ, ни издатель, ни цензоръ, не подвергались ни какому преслѣдованію, хотя Липранди, въ своей запискѣ, и сожалѣетъ объ этомъ, такъ же какъ и о томъ, что «не спрошено было даже о лицахъ, доставлявшихъ статьи».

Гораздо серьезнѣе была попытка Петрашевскаго повліять на мнѣнія нашего дворянства по крестьянскому вопросу, о чемъ подробно разсказываетъ В. И. Семевскій въ своей книгѣ, хотя и вышедшей въ 1888 году, но мало оцѣненной публикою и еще меньше нашей критикой. Въ 1848 году, во время губернскихъ выборовъ, Петрашевскій роздалъ петербургскимъ дворянамъ болѣе 200 экземпляровъ литографированной записки «О способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній». Подъ этимъ заглавіемъ, способнымъ возбудить любопытство помѣщиковъ, скрывалось приглашеніе ихъ къ освобожденію крестьянъ. Записка слѣдственной комиссіи говоритъ, что въ своихъ разсужденіяхъ, авторъ «совершенно выходитъ изъ предѣловъ, допускаемыхъ закономъ, считаетъ гибельнымъ для общественнаго благосостоянія предоставленіе права владѣнія населенными землями исключительно одному классу, хочетъ улучшенія формъ судопроизводства, надзора за исполнительными и административными властями, такъ какъ эти мѣры развиваютъ нравственныя и матерьяльныя силы въ народѣ, находящемся нынѣ въ дремотномъ состояніи». Мѣры эти осуществились черезъ десять лѣтъ съ небольшимъ, но въ то время, какъ говоритъ В. И. Семевскій, «петербургскій губернскій предводитель дворянства, Потемкинъ, сказалъ Петрашевскому, что государю-императору благоугодно, дабы о семъ предметѣ не было разсужденій и Петрашевскій своей записки нигдѣ не читалъ». Онъ только разослалъ ее своимъ пріятелямъ въ Петербургѣ и жившимъ въ провинціи: Кайданову, Кузьмину, Тимковскому, Черносвитову. Всѣхъ этихъ лицъ записка Липранди представляетъ отчаянными революціонерами, такъ какъ они, и въ особенности Головинскій, Ястржембскій, Филипповъ, желали освобожденія крестьянъ, гласнаго суда и свободы печати и, въ своихъ рѣчахъ «отличались краснорѣчіемъ, дерзостью выраженій и самымъ зловреднымъ духомъ». Но записка Липранди, по его словамъ, основана на доносахъ его шпіона, а этому человѣку, бывшему актеру «на выходъ» въ Александринскомъ театрѣ и выгнанному за сильное подозрѣніе въ воровствѣ, странно было бы довѣрять безусловно. Это доказывалъ и О. Миллеръ въ своихъ «Матеріалахъ для жизнеописанія Достоевскаго». Болѣе года этотъ шпіонъ слѣдилъ за пятницами Петрашевскаго, посылая къ Липранди доносы о каждой бесѣдѣ, а тотъ

составлялъ по нимъ обвинительный актъ для каждаго подсудимаго. Наконецъ министръ внутреннихъ дѣлъ далъ предписаніе передать дѣло въ III-е Отдѣленіе, арестовавъ одновременно 38 лицъ изъ кружка петрашевцевъ. Всѣ они были взяты 23 апрѣля. Затѣмъ, лѣтомъ, послѣдовало еще нѣсколько арестовъ.

Я былъ совершенно спокоенъ, такъ какъ давно уже даже не встрѣчался съ Петрашевскимъ. Въ лѣтніе мѣсяцы, я, какъ человѣкъ свободно распоряжавшійся своимъ временемъ, очень усердно посѣщалъ бѣдныхъ, вступивъ еще въ 1846 году въ общество, учрежденное съ этой цѣлью. Службу въ канцеляріи военнаго министерства я оставилъ еще въ концѣ 1847 года: она положительно мѣшала мнѣ издавать «Литературную Газету», да и Анненковъ къ тому же становился положительно невыносимъ съ своей формалистикой, пустыми придирками и требованіемъ, чтобы чиновники всецѣло посвящали себя службѣ и думали только объ ней. Когда онъ однажды высказалъ мнѣ это категорически, я замѣтилъ, что каждый чиновникъ, въ то же время и человѣкъ, имѣетъ кромѣ службы и другія обязанности и интересы гражданскіе, семейные, умственные, общественные, что самъ онъ, какъ военный, ходитъ смотрѣть парады и разводы, что вовсе не относится къ его директорскимъ обязанностямъ,—а какъ европеецъ, интересуется политическими событіями, читаетъ газеты. Достаточно, если чиновникъ отдаетъ службѣ полъ-дня, то-есть половину своей жизни; предоставьте же ему остальную половину проводить по своему усмотрѣнію, а не по предписаніямъ начальства. Вѣдь каждый прежде родится человѣкомъ, а потомъ уже дѣлается чиновникомъ, если принадлежитъ къ кастѣ, изъ которой вырабатывается это сословіе, весьма многочисленное, но однако же не единственное на Руси, хотя бы даже къ нему причислить и всѣхъ военныхъ.

Почтеннаго Николая Николаевича видимо покоробили такія неподходящія разсужденія и онъ отвѣчалъ мнѣ уже начальническимъ и нѣсколько взволнованнымъ тономъ:

— Ну, знаете, съ такими мыслями служить совершенно напрасно и распространять ихъ на службѣ нельзя: вы можете дѣлать это въ вашей газетѣ. Печать все терпитъ. Въ ней встрѣчаются и такіе пустяки, что повѣрить трудно.

— Пустяки или нѣтъ являются въ печати—это разсудитъ публика, а только она не разъ заявляла, что и въ канцеляріяхъ не все однимъ дѣломъ занимаются,—отвѣчалъ я также далеко не въ тонѣ субординаціи. И чтобы положить конецъ бесѣдѣ, принимавшей нежелательное направленіе, я тутъ же объявилъ, что намѣренъ выйти въ отставку.

— И хорошо сдѣлаете,—сухо отвѣчалъ Анненковъ.

— Я самъ то же думаю,—сказалъ я, откланиваясь моему директору.

Не смотря на то, что мы разстались очень холодно, я всегда съ удовольствіемъ встрѣчался съ Николаемъ Николаевичемъ, пока онъ не уѣхалъ на югъ генералъ-губернаторомъ. Мы были съ нимъ въ одинъ и тотъ же день абонентами въ итальянской оперѣ и неразъ, гуляя въ антрактахъ въ фойе Большого театра, жарко спорили о достоинствахъ или недостаткахъ той или другой пѣвицы. Въ 1848 году онъ, впрочемъ, рѣдко являлся въ театръ и я шутя замѣтилъ ему какъ-то, что онъ не измѣняетъ своему правилу, считать чиновниковъ всецѣло принадлежащими службѣ — и поэтому потребовалъ, чтобы канцелярія являлась работать и по вечерамъ. Онъ объяснилъ это волненіями въ Европѣ и необходимостью принять у насъ разныя военныя мѣры на случай усложненій, могущихъ возникнуть въ политикѣ и на нашихъ границахъ.

— Это все французъ гадитъ,—замѣтилъ я словами «Ревизора», а русскій чиновникъ отписывайся за это по ночамъ, и все за то же жалованье.

— Ну, они получатъ за это особыя награды, когда все успокоится,—отвѣчалъ онъ, улыбаясь.

— А до тѣхъ поръ они обязаны быть только чиновниками и забыть обо всѣхъ другихъ обязанностяхъ... И какъ во-время ушелъ я отъ васъ! Вѣдь сидя цѣлый день въ канцеляріи, я бы долженъ былъ остановить мою газету.

— И повѣрьте, что этого никто бы и не замѣтилъ и никто ничего не потерялъ бы отъ этого,—отвѣчалъ онъ съ добродушнымъ смѣхомъ.

Я замолчалъ, внутренно сознаваясь, что онъ совершенно правъ. Прекращались у насъ и такія изданія, какъ «Телескопъ» и «Телеграфъ», какъ «Современникъ» и «Русское Слово», какъ «Голосъ» и «Отечественныя Записки» — и никому до этого не было никакого дѣла, кромѣ ихъ сотрудниковъ да рабочихъ, остававшихся безъ дѣла, то-есть безъ хлѣба. Не даромъ Салтыковъ, можетъ быть въ предвидѣніи того, что на склонѣ своей блестящей публицистической карьеры онъ принужденъ будетъ отказаться отъ нея, обозвалъ русскаго читателя такими некрасивыми эпитетами.

Н. Н. Анненковъ былъ въ сущности человѣкъ добрый, безукоризненно честный на службѣ. Съ нимъ можно было ужиться, не смотря на неровности его характера вспыльчиваго и мелочного, на его формалистику и служебный педантизмъ. Во все время управленія канцеляріею военнаго министерства онъ не запятналъ себя ни однимъ предосудительнымъ поступкомъ, былъ справедливъ, не корыстолюбивъ, гуманенъ и даже съ писарями обращался гораздо лучше, чѣмъ Клейнмихель съ своими высшими чиновниками. Въ 1849 году я еще рѣже встрѣчался въ оперѣ съ Николаемъ Николаевичемъ. Въ маѣ объявлена была Венгерская война, и бѣдные чиновники канцеляріи по этому случаю работали еще больше, чѣмъ по поводу фран-

цузской революціи въ 1848 году. Потомъ онъ былъ сдѣланъ членомъ негласнаго цензурнаго управленія, на мѣсто умершаго Бутурлина— и тутъ уже я вовсе пересталъ видѣться съ нимъ. Война съ венгерцами была непродолжительна и въ началѣ августа все уже было кончено. Меня, конечно, она интересовала и, по старой памяти, я заходилъ по временамъ въ канцелярію просматривать депеши и письма съ театра войны, особенно такія, которыя не назначались къ печати. Отъ моего бывшаго начальника отдѣленія и прежнихъ сослуживцевъ я узнавалъ много любопытнаго. Государь лѣтомъ жилъ въ Варшавѣ, въ Лазенкахъ, чтобы быть ближе къ мѣсту дѣйствій. Варшава была совершенно спокойна, хотя въ ней открытъ былъ заговоръ, впрочемъ, весьма немногочисленной шайки фанатиковъ, сбиравшихся превратить ночь свѣтлаго воскресенія въ Варѳоломеевскую ночь. Найденъ былъ складъ ножей и палокъ съ кинжалами,—всякое огнестрѣльное оружіе давно уже было запрещено имѣть варшавянамъ. Съ 9-ти часовъ вечера всѣ площади, перекрестки и главныя улицы города занимались артиллеріею съ пушками и дымящимися фитилями, конницей и пѣхотой съ заряженными ружьями. Государь былъ очень недоволенъ началомъ кампаніи, когда Гергей вышелъ изъ Коморна, обманувъ Паскевича, и ушелъ къ сѣверу, занявъ Кашау, Дукшу, и др. Эта неудача была заглажена побѣдою нашихъ войскъ при Гросвардейнѣ. Вслѣдъ затѣмъ пришло извѣстіе, что Гергей, сдѣланный диктаторомъ, вмѣсто Кошута, положилъ оружіе передъ русской арміей безусловно. 6-го августа, по этому случаю, въ Петербургѣ были молебны во всѣхъ церквяхъ, пушечная пальба и иллюминація.

Приведу остроту, приписываемую князю Меншикову по поводу огромныхъ наградъ, розданныхъ по окончаніи Венгерской войны. Будущій «герой проигранныхъ сраженій» говорилъ: «Ридигеру дали Андрея за тяжелую кампанію, Набокову за непріятную кампанію (онъ былъ членомъ слѣдственной комиссіи надъ петрашевцами), Адлербергу — за пріятную, а Клейнмихелю просто за кампанію». Тотъ же удачный бонмотистъ и неудачный полководецъ говорилъ объ одномъ высоко стоявшемъ, но и здорово наживавшемся лицѣ: «этотъ господинъ — соціалистъ на выворотъ; Прудонъ доказываетъ, что всякая собственность есть кража, а нашъ соціалистъ убѣжденъ, что всякая кража, не имъ произведенная—ущербъ его собственности».

IX.

Полковникъ Васильевъ. — Арестъ или приглашеніе. — Поѣздка въ двухъ каретахъ. — Частная бесѣда съ Дубельтомъ. — Что долженъ дѣлать истинный патріотъ во время анархіи.—Ламартиновскій клубъ.—Желѣзныя дороги и борода. — Затруднительные вопросы. — 22-е декабря.— Департаментъ разныхъ податей и сборовъ.—Чиновничество стараго типа.—В. П. Безобразовъ и П. П. Сухонинъ.—Вторая страсть русскаго человѣка.— Общество посѣщенія бѣдныхъ.— Отчего жиды не одолѣвали насъ при Николаѣ I?—Письмо князя Одоевскаго.— Стихотворенія Н. Д. Хвощинской. — «Сынъ Отечества». — Имѣетъ ли писатель право на отдыхъ.

Утромъ, 11-го августа, я спалъ спокойно, когда въ дверь моей спальни постучали и, разбудивъ меня, сказали, чтобы я тотчасъ же всталъ, такъ какъ меня спрашиваютъ по чрезвычайно важному дѣлу. Я взглянулъ на часы—было половина шестого. Визитъ въ такое раннее время не предвѣщалъ ничего хорошаго. Я вышелъ въ кабинетъ и нашелъ тамъ гостя въ голубомъ мундирѣ.—Полковникъ Васильевъ! рекомендовался онъ, расшаркиваясь самымъ любезнымъ образомъ... Я, конечно, понялъ въ чемъ дѣло, тѣмъ болѣе, что за полковникомъ, въ дверяхъ гостиной, виднѣлась также мундирная фигура квартальнаго надзирателя нашей части, уже нѣсколько мнѣ знакомая. Гость очень вѣжливо объявилъ мнѣ, что имѣетъ приказаніе свезти меня въ III Отдѣленіе и взять всѣ мои бумаги.

Полковникъ пришелъ въ величайшее изумленіе, увидя такое громадное количество исписанной и печатной бумаги, какое я показалъ ему, открывъ всѣ шкапы и столы моего кабинета. Я объяснилъ, что тутъ еще далеко не все, что я писалъ въ теченіе моей девятилѣтней самостоятельной жизни и во время моего пребыванія въ Лицеѣ. Стихи я началъ писать съ 1836 года и хранилъ ихъ такъ же какъ всѣ мои лицейскія тетради, лекціи, записки, переписку съ товарищами. Затѣмъ тутъ были огромныя связки статей и рукописей, присланныхъ мнѣ во время моего редакторства въ «Литературной Газетѣ», «Репертуарѣ», «Театральной лѣтописи», бумаги, счеты, переписка по этимъ изданіямъ, обширныя выписки, какія я дѣлалъ изо всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ книгъ, прочитанныхъ мною на шести языкахъ, какіе преподавались въ Лицеѣ и мои упражненія въ переводахъ съ остальныхъ пяти европейскихъ языковъ, которые я началъ изучать уже по выходѣ изъ Лицея, для дополненія моего образованія. Тутъ не было еще оригиналовъ напечатанныхъ статей моихъ и чужихъ, за то сохранялись любопытныя корректуры, вырѣзки изъ разныхъ газетъ и книгъ, цѣлыя тетради непечатныхъ произведеній русской словесности. Полковникъ только пожималъ плечами, смотря какъ надзиратель упаковывалъ всѣ эти тюки и припечатывалъ ихъ.

— Надѣюсь, что у васъ нѣтъ въ другихъ комнатахъ подобныхъ же колекцій?—сказалъ Васильевъ, посматривая на дверь, откуда я вышелъ. Я отвѣчалъ, что тамъ у меня спальня, гдѣ лежитъ больная жена, которая родила шесть дней тому назадъ, что въ спальнѣ и въ передней есть шкапы съ книгами, но все писанное сосредоточено въ кабинетѣ, въ чемъ предлагалъ ему удостовѣриться, отчего онъ очень галантно отказался.

Я зашелъ проститься съ женой, которая была повидимому спокойна, захватилъ съ собою послѣднюю книжку «Revue des deux mondes» и мы пустились въ путь. Карета покатила по Большой Морской, сзади ѣхала другая чуть не до верху нагруженная кипами бумагъ. Мы очень благодушно бесѣдовали дорогой о политикѣ, о венгерской кампаніи, и въ 8 часовъ подъѣхали къ помѣщенію III Отдѣленія.

Меня провели въ огромную комнату съ зеркалами и прекрасной мебелью. Расположившись комфортабельно на мягкомъ диванѣ, я принялся читать французскій журналъ. Но прошло больше трехъ часовъ, книжка была прочтена, а я все еще ждалъ, что же будетъ дальше. Наконецъ, когда на большихъ бронзовыхъ часахъ, стоявшихъ на каминѣ, пробило половина двѣнадцатаго, на порогѣ моей комнаты явился чиновникъ и торжественно провозгласилъ:

— Пожалуйте къ Леонтію Васильевичу!

Въ роскошномъ, громадномъ кабинетѣ, изъ-за стола заваленнаго бумагами, поднялся старый знакомый моего отца, всегда относившійся ко мнѣ чрезвычайно благосклонно. Мнѣ случалось не разъ встрѣчаться съ нимъ за кулисами театровъ; какъ лицо имѣвшее сильное вліяніе на сценѣ и въ цензурѣ, онъ постоянно оказывалъ мнѣ покровительство, а въ случаяхъ, когда мнѣ слѣдовало сдѣлать замѣчаніе, какъ драматургу или журналисту, посылалъ мнѣ выговоры черезъ моего отца, никогда не приглашая къ себѣ. Настоящій визитъ мой въ III Отдѣленіе былъ первый. И на этотъ разъ Дубельтъ принялъ меня весьма радушно, успокоилъ, сказалъ, чтобы я ничего не опасался и что допросъ, который онъ мнѣ обязанъ сдѣлать, будетъ только частной бесѣдой, простою формальностью, необходимою для того, чтобы совершенно обѣлить меня въ глазахъ комиссіи, назначенной для разбора дѣла, къ которому меня считаютъ прикосновеннымъ, только потому, что имя мое было внесено въ списокъ лицъ, на которыхъ могли расчитывать какъ на людей, сочувствующихъ измѣненію правительственной системы.

— Намъ хорошо извѣстно,—прибавилъ Дубельтъ,—что вы не участвовали ни въ замыслахъ, ни въ совѣщаніяхъ сумасбродовъ, задумавшихъ перевернуть все верхъ дномъ въ Россіи, но все-таки они причислили васъ къ лицамъ, готовымъ раздѣлить ихъ убѣжденія и взять вмѣстѣ съ ними въ свои руки власть при новомъ порядкѣ вещей, послѣ переворота, какой они намѣревались произвести.

Изъ вашихъ бумагъ не видно, чтобы вы принадлежали къ ихъ числу и раздѣляли ихъ мнѣнія. Вы не были также членомъ ламартиновскаго клуба?

— Первый разъ слышу о такомъ клубѣ,—отвѣчалъ я.

— И вообще не принадлежали ни къ какому тайному обществу?

— Никогда и ни къ какому.

— Вамъ дадутъ вопросные пункты, отвѣчайте на нихъ съ полною откровенностью, но какъ можно короче: никакихъ вашихъ разсужденій не требуется. Потомъ васъ отвезутъ въ комиссію. Здѣсь я вамъ дѣлаю личный, такъ сказать домашній допросъ, на основаніи котораго доложу комиссіи о степени вашей благонадежности. Тамъ вы должны будете отвѣчать на другіе вопросы о вашихъ отношеніяхъ къ Петрашевскому — и о чемъ найдутъ нужнымъ спросить члены комиссіи, между которыми впрочемъ только два незнакомыя вамъ лица; я же, Набоковъ и Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, знаемъ васъ хорошо. Пишите же ваши отвѣты, да кстати объясните мнѣ значеніе двухъ статей, которыя найдены въ вашихъ бумагахъ и будутъ представлены мною комиссіи, какъ сомнительныя.

Онъ подалъ мнѣ двѣ статьи, о которыхъ я совершенно забылъ; обѣ назначались въ «Литературную Газету» и были запрещены цензурою. Одна «Желѣзныя дороги» говорила о томъ, что это важнѣйшее изобрѣтеніе XIX вѣка поведетъ людей къ братству и соединенію, уничтожитъ политическія границы, сблизитъ національности враждующія теперь между собою, распространитъ между всѣми народами идеи гуманности и цивилизаціи, но что это только первый шагъ на пути всемірнаго прогреса, когда грубая желѣзная колея замѣнится невидимою колеею, проводимою въ воздухѣ аэростатомъ, подчиненнымъ человѣческой волѣ, сокращающимъ разстояніе, уничтожающимъ государственныя границы, ненавистныя таможни и всѣ учрежденія, мѣшающія человѣческому единенію. Статья была очень восторженная, краснорѣчивая, но не практичная. Цензоръ перекрестилъ ее всю въ корректурѣ красными чернилами, подчеркнувъ выраженія: ненавистный, государственный, братство и даже гуманность. Дубельтъ находилъ, что цензоръ уже черезчуръ строго отнесся къ статьѣ и могъ бы пропустить ее, исключивъ только рѣзкіе эпитеты, да названіе таможенъ ненавистными, потому что «какое же государство можетъ существовать безъ таможенъ?» замѣтилъ Леонтій Васильевичъ. Другая статья «Борода» заключалась въ восхваленіи этой естественной принадлежности непрекраснаго пола и доказательствахъ нераціональности ея уничтоженія. Цензоръ также похерилъ ее, находя совершенно основательно, что нельзя вступаться за бороду, когда ее приказано сбривать у московскихъ славянофиловъ.

Дубельтъ, вѣроятно, также находилъ, что этого нельзя, потому что не смотря на мои объясненія захватилъ съ собою эти статьи, уѣзжая въ комиссію. Такъ онѣ и остались у него, а между тѣмъ, статья о бородѣ могла бы и теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, съ почетомъ появиться въ любомъ газетномъ листкѣ.

Я остался еще съ полчаса въ III Отдѣленіи — писать отвѣты на заданные мнѣ вопросы.

За тѣмъ, явился жандармскій офицеръ, попросилъ меня слѣдовать за нимъ, провелъ черезъ канцелярію и повезъ на дрожкахъ черезъ Троицкій мостъ. Въ крѣпости сдалъ онъ меня плацъ-маіору. Еще съ полчаса провелъ я въ комнатѣ съ полукруглымъ сводомъ и маленькимъ окномъ вверху и, наконецъ, былъ введенъ въ залу, гдѣ за столомъ сидѣли члены комиссіи. Меня также пригласили сѣсть и начался допросъ, о которомъ еще не разрѣшено говорить, хотя этому прошло уже сорокъ лѣтъ, не осталось въ живыхъ ни одного изъ членовъ комиссіи, да и весьма немного изъ лицъ, прикосновенныхъ къ этому дѣлу. Важнаго значенія въ нашей общественной жизни оно не имѣло. Возникшее въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, оно было раздуто общею полиціей, тогда какъ полиція III Отдѣленія не придала ему особой важности и, по отношенію къ прикосновеннымъ лицамъ, старалась сколько могла ограничивать аресты и допросы, не смотря на то, что ей было разрѣшено допросить «хотя десять тысячъ человѣкъ». Но это ни къ чему бы не послужило, такъ какъ петрашевцы не оставили глубокихъ корней въ тогдашнемъ обществѣ.

Написавъ нѣсколько показаній, я былъ отпущенъ и въ тотъ же день вечеромъ обратился уже къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Изъ моихъ бумагъ, побывавшихъ въ III Отдѣленіи, я увидѣлъ, что большую часть кипъ даже и не развязывали, и двѣ удержанныя изъ нихъ статьи, о которыхъ я говорилъ, очевидно, были взяты на выдержку, только для того, чтобы доказать, что бумаги разсматривались.

Дубельтъ, пріѣхавшій черезъ нѣсколько дней къ моему отцу— поздравилъ его съ благополучнымъ исходомъ непріятнаго дѣла, совѣтовалъ мнѣ поступить опять на службу, такъ какъ для молодого человѣка исключительное занятіе одною литературою неблаговидно. Но гдѣ было найти мѣсто, которое не мѣшало бы мнѣ заниматься журналистикой? Лицеистъ I курса, товарищъ Пушкина, Дмитрій Николаевичъ Масловъ, директоръ департамента разныхъ податей и сборовъ, предложилъ мнѣ такое мѣсто, на которомъ было очень мало дѣла: контролера съ жалованіемъ до 900 рублей. Главное дѣло тутъ заключалось въ провѣркѣ окладныхъ вѣдомостей, присылаемыхъ изъ губерній и въ перепискѣ по этому предмету. Тутъ уже былъ совершенно другой чиновничій міръ, иного наслоенія, чѣмъ канцелярія военнаго министерства: не было ни свѣтскихъ начальниковъ отдѣленій въ родѣ элегантнаго барона

Вревскаго, ни высокообразованныхъ чиновниковъ какъ Дм. Ив. Каменскій, Дружининъ, ни офицеровъ генеральнаго штаба какъ Вольфъ, Штюрмеръ и др.; не слышно было и французскаго языка, на которомъ любилъ объясняться и Анненковъ съ своими подчиненными. Чиновники разныхъ податей и сборовъ принадлежали совсѣмъ къ иной породѣ служебныхъ плезіозаурусовъ. Изъ начальниковъ отдѣленій выдѣлялись только два лица, оставившіе свое имя въ литературѣ: Владиміръ Павловичъ Безобразовъ и Петръ Петровичъ Сухонинъ. Первый, только что выйдя изъ Лицея, начиналъ свое служебное и публицистическое поприще подъ покровительствомъ Маслова, на дочери котораго онъ вскорѣ женился. Веселый, образованный, добродушный говорунъ, онъ не напускалъ еще тогда на себя глубокомысленной серьезности фритридерскаго пошиба, какою счелъ нужнымъ драпироваться впослѣдствіи, когда сталъ писать статьи о финансахъ, торговлѣ и промышленности, и особенно когда, по протекціи президента академіи наукъ Литке, попалъ въ члены этого нѣмецкаго учрежденія, насажденнаго для россійскаго преуспѣянія. Безобразовъ былъ хорошимъ ораторомъ, особенно за гастрономическимъ обѣдомъ, толковымъ профессоромъ, ясно развивавшимъ основныя положенія политической экономіи и финансоваго права, усерднымъ собирателемъ всякаго рода статистическихъ, торговыхъ и другихъ данныхъ; въ политикѣ, которая также принадлежала къ его спеціальности, держался умѣреннаго либерализма и здравыхъ гуманныхъ убѣжденій, но писалъ вообще очень тяжелымъ языкомъ и нерѣдко остроумный и бойкій въ дружеской бесѣдѣ, не умѣлъ переносить этого остроумія и оживленія въ свои публицистическія диссертаціи, подавлявшія снотворностью и тяжеловѣсностью. Въ нихъ онъ всегда былъ педантическимъ профессоромъ, тогда какъ въ жизни веселымъ собесѣдникомъ, позволявшимъ себѣ увлекаться, если не чистымъ искусствомъ, то его талантливыми представительницами въ родѣ когда-то производившей у насъ фуроръ нѣмецкой актрисы Буске. Нельзя во всякомъ случаѣ не пожалѣть, что неожиданная смерть слишкомъ рано лишила общество, литературу и науку, этого даровитаго, симпатичнаго дѣятеля.

Творецъ «Русской свадьбы», достигшей такого небывалаго успѣха на александринской сценѣ, прежде всего удивившаго самого автора пьесы, П. П. Сухонинъ обладалъ также несомнѣнно талантомъ не драматурга, а романиста. Его историческіе романы доказываютъ знаніе русской старины, большую наблюдательность и далеко не дюжинную, творческую фантазію; они ничуть не ниже многихъ современныхъ историческихъ компиляцій, рекламируемыхъ усердными пріятелями авторовъ. Окончивъ курсъ въ морскомъ корпусѣ, Сухонинъ скоро промѣнялъ свои мичманскіе эполеты на вицъ-мундиръ гражданскаго чиновника. Въ морскомъ костюмѣ онъ былъ

куда не красивъ: маленькій, сгорбившійся, худенькій, шепелявившій, невыговаривавшій ни шипящихъ, ни губныхъ буквъ, произносившій начайникъ, вмѣсто начальникъ, онъ былъ дѣйствительно весьма непрезентабельнымъ морскимъ офицеромъ, но чиновникъ изъ него вышелъ прекрасный: умный, честный, распорядительный, прекрасно знающій и исполняющій свое дѣло. Завѣдуя табачными сборами, онъ ввелъ много полезныхъ улучшеній въ этомъ дѣлѣ, особенно по его контролю, но служебная карьера его была весьма непродолжительна и онъ вскорѣ же принужденъ былъ выйти въ отставку. У него была одна несчастная страсть—къ картамъ. Обладая достаточнымъ состояніемъ, онъ не разъ проигрывался, какъ говорится, въ пухъ и прахъ. Родные нѣсколько разъ помогали ему выйти изъ затруднительнаго положенія. На короткое время онъ воздерживался отъ азартной игры, а потомъ снова увлекался ею, самъ сознавая нелѣпость этого увлеченія и то, что онъ былъ въ большинствѣ случаевъ жертвою шулеровъ и мошенниковъ. Не смотря на все это, страсть брала верхъ надъ всѣми доводами разсудка и онъ, наконецъ, палъ ея жертвою еще далеко не въ старые годы, принужденный добывать средства къ жизни и къ игрѣ писаніемъ романовъ и повѣстей. Послѣ вина—карты едва ли не самая распространенная страсть въ русскомъ обществѣ. Припомнимъ, какъ увлекался ею Пушкинъ и многіе изъ его современниковъ. Одного изъ нихъ, И. Е. Великопольскаго, къ которому поэтъ писалъ посланія и съ которымъ рѣзался въ штосъ, я зналъ близко въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ и разскажу когда-нибудь его любопытную біографію. Онъ также значительную часть своего состоянія проигралъ въ карты. Преферансъ сороковыхъ годовъ, ералашъ—послѣдующихъ, винтъ нашего времени, игорные притоны всѣхъ вѣковъ и временъ, ясно доказываютъ, что если Руси есть веселіе пити, то не меньшее веселіе есть и играти.

Въ теченіе 1849 года я много работалъ въ «Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ», хотя этотъ же годъ окончательно убилъ это превосходное учрежденіе, принесшее огромную пользу во время своего слишкомъ кратковременнаго существованія. Мысль оказанія бѣднякамъ помощи не на основаніи ихъ просьбъ, а по освидѣтельствованію ихъ квартиръ и образа ихъ жизни, была весьма практичнѣе, и благотвореніе на дому бѣдняковъ было гораздо раціональнѣе подачки въ кабинетахъ благотворителей, хотя и тутъ дѣло не обходилось безъ обмановъ разнаго рода. Такъ, въ первое время моего завѣдыванія бѣдными на Пескахъ, я очень усердно благотворилъ одной бѣдной старухѣ съ восемью маленькими дѣтьми—ея внучатами-сиротками, какъ она говорила, а на самомъ дѣлѣ нанимаемыми ею на прокатъ у сосѣднихъ тунеядцевъ. Получивъ подачку во время личнаго посѣщенія ея убогой квартирки и зная, что вторичное посѣщеніе никакъ уже не можетъ послѣдовать черезъ нѣ-

сколько часовъ, эта почтенная особа, не теряя времени, тотчасъ же по уходѣ благотворителя, напивалась до положенія ризъ, прогнавъ по домамъ нанятыхъ ею ребятъ съ уплатой за наемъ ихъ нѣсколькихъ копеекъ. Въ этомъ я имѣлъ возможность убѣдиться, слѣдуя наставленію одной изъ ея сосѣдокъ, посовѣтовавшей мнѣ повторить посѣщеніе черезъ два часа послѣ перваго визита. Другая, не менѣе почтенная по наружности, старуха, нанимавшая крошечный уголъ въ кухнѣ прачки, жила въ то же время въ другой весьма приличной квартирѣ черезъ улицу, гдѣ, кромѣ того, содержала пансіонъ безъ древнихъ языковъ. Но во время моего попечительства надъ песковскими бѣдняками въ холеру 1848—1849 года, я насмотрѣлся на такія сцены, былъ свидѣтелемъ столькихъ драмъ, что разсказъ объ нихъ не укладывается въ рамки журнальныхъ воспоминаній и требуетъ отдѣльнаго очерка. Скажу только, что добровольная и, конечно, не оплачиваемая служба моя въ Обществѣ посѣщенія бѣдныхъ подъ предсѣдательствомъ князя Вл. Өед. Одоевскаго, съ такими лицами какъ члены совѣта и секретарь Общества капитанъ гвардейской артиллеріи Николай Сергѣевичъ Кириловъ, издатель «Карманнаго словаря иностранныхъ словъ», о которомъ я говорилъ выше, и авторъ очень недурныхъ разсказовъ, печатавшихся подъ всевдонимомъ Н. Днѣпровскаго,—такая служба принадлежитъ къ самымъ пріятнымъ воспоминаніямъ моихъ молодыхъ годовъ. Много я отдалъ ей трудовъ и времени и нисколько не жалѣю объ этомъ. Приходилось мнѣ не только розыскивать бѣдняковъ и изслѣдовать ихъ положеніе, но и устроивать въ пользу ихъ увеселительные вечера и концерты въ пригородныхъ садахъ Петербурга: у Излера, Королева, въ Тиволи и Мон-плезирѣ, гдѣ я познакомился съ будущимъ моимъ соиздателемъ Бауманомъ. Онъ занимался въ то время только устройствомъ музыкальныхъ праздниковъ вмѣстѣ съ жидкомъ Леви, изъ приличія удлинившимъ и офранцузившимъ свою фамилію, превративъ ее въ Левино. Тогда жиды не лѣзли на каждомъ шагу въ глаза, не выставлялись на показъ въ нашей столицѣ, а старались, напротивъ, скрывать свое происхожденіе и свои гешефты, что продолжалось и въ слѣдующее десятилѣтіе. И полиція временъ Николая I находила же возможность не допускать размноженія жидовъ въ Петербургѣ и не включать въ черту ихъ осѣдлости обѣ столицы русскаго царства. Предоставляемъ имущимъ власть разрѣшить: почему этого нельзя сдѣлать теперь, когда жидовское нашествіе одолѣло всѣхъ насъ, заполонило и вѣковыя стѣны древняго Кремля, и парадизъ преобразователя Россіи, выстроенный не для того, чтобы обратить его въ пригородъ Бердичева...

Но не смотря на нисколько не соціалистическій характеръ Общества посѣщенія бѣдныхъ, не смотря даже на то, что почетнымъ президентомъ его былъ герцогъ Лейхтенбергскій, Общество сначала

присоединили къ Человѣколюбивому Обществу, потомъ и вовсе закрыли. Плодомъ всѣхъ стараній незабвеннаго князя Одоевскаго, этой высоко гуманной и свѣтлой личности, неоцѣненной до сихъ поръ ни обществомъ, ни литературою, осталось только нѣсколько отдѣльныхъ учрежденій, созданныхъ этимъ Обществомъ. Съ какими препятствіями и затрудненіями должны были бороться даже эти учрежденія, можно видѣть изъ письма князя, выясняющаго кромѣ того и самое положеніе Общества посѣщенія бѣдныхъ.

«Почтеннѣйшій и любезнѣйшій В. Р.! Задаете вы намъ претрудную задачу, и когда я объясню вамъ смыслъ ея, то вы непремѣнно согласитесь со мною. Училище св. Елены, основанное Обществомъ посѣщенія бѣдныхъ (подъ названіемъ Кузнецовскаго) предназначалось быть безплатнымъ, но едва оно учредилось, какъ мы должны были уступить настояніямъ со всѣхъ сторонъ о принятіи дѣтей за плату; на наши возраженія намъ отвѣчали, что мы не имѣемъ права отказывать людямъ, желающимъ благодѣтельствовать посредствомъ насъ, что это противно нашему основному принципу и проч. т. п. Что же вышло? число платящихъ возросло; нынѣ въ училищѣ 150 человѣкъ, т. е. 150 ртовъ, которыхъ должно кормить и столько же головъ, которыхъ должно учить и проч. Естественно, что издержки училища возросли соотвѣтственно числу вступившихъ лицъ,— издержки постоянныя, неизбѣжныя, настоятельныя. На это обстоятельство благотворители не обратили вниманія; передавъ ребенка къ намъ и слѣдственно обязавъ насъ докончить его воспитаніе, благотворители, и весьма многіе, не считали, какъ видно, себя обязанными къ тому же самому, къ чему обязывали насъ; платили годъ, два, а тамъ и отказывались подъ разными предлогами, ставя насъ въ слѣдующую дилемму: или выгнать бѣдныхъ ребятъ на улицу, или обанкрутить училище. Эта борьба была самая мучительная; нельзя себѣ вообразить, сколько и въ какомъ родѣ непріятныхъ сношеній привелось мнѣ выдержать по этому случаю. Тѣ же обстоятельства и нынѣ благополучно продолжаются. Взять на казенный счетъ воспитанницу, платежъ за которую вошелъ въ годовой бюджетъ училища, уже потому невозможно, что мы отъ казны не получаемъ ни копейки; всѣ разсчеты училища основаны на томъ, что получатся за то, или другое лицо, и мы едва сводимъ концы. Намъ не отпускается никакой суммы; члены императорской фамиліи, Человѣколюбивое Общество платятъ намъ за своихъ пансіонерокъ, наравнѣ съ частными лицами, не болѣе. Есть у насъ нѣсколько дѣтей, коихъ мы содержимъ на такъ называемую экономію училища, но это послѣднее средство мы должны беречь для круглыхъ сиротъ, или для тѣхъ, за коихъ платящіе лица умерли; но и такихъ уже у насъ 15 кандидатовъ. Великая княгиня знаетъ всѣ эти обстоятельства, и всѣ настоянія будутъ тщетны, ибо и безъ того она безпрестанно пополняетъ дефициты училища, отъ подобныхъ причинъ происходящіе—своими карманными деньгами; сумма такихъ вспоможеній по ея разнымъ заведеніямъ составляетъ огромную, ни кѣмъ незнаемую, цифру,—но понятно, что эта цифра имѣетъ свой предѣлъ. Мой совѣтъ слѣдующій: родители Соболевой должны подать просьбу митрополиту, какъ представителю императорскаго Человѣколюбиваго Общества (гдѣ милліоны!), которое на сихъ дняхъ, по случаю кончины императрицы, получило отъ государя 7,000 р. сер., и просить, чтобы Общество приняло Соболеву своею пансіонеркою. Плата за Соболеву старинная: 125 р., а не 140, какъ нынѣ, ибо мы не измѣняемъ однажды

принятыхъ нами условій, какъ бы потомъ они тяжки ни были. Училище же св. Елены не можетъ тутъ ничего сдѣлать, ибо если бы, вопреки всей справедливости и на голову 15-ти кандидатокъ, оно приняло на свою экономію еще новую воспитанницу, то это было бы сигналомъ для всѣхъ другихъ благотворителей, на основаніи такого примѣра, отказаться также отъ своего обязательнаго платежа и тогда училище—банкрутъ, ибо до сихъ поръ оно не хотѣло слѣдовать примѣру другихъ заведеній, гдѣ сверхъ родителей требуется еще поручитель. Боюсь, что сила обстоятельствъ приведетъ насъ къ тому же. Я увѣренъ, что вы убѣдитесь всѣми этими доводами въ совершенной невозможности училища сдѣлать исключеніе для Соболевой—какъ это ни грустно.

«Вамъ душевно-преданный кн. В. Одоевскій».

Въ концѣ 1849 года я получилъ отъ Н. Д. Хвощинской нѣсколько глубоко прочувствованныхъ стихотвореній. Смуты въ Европѣ взволновали эту поэтическую натуру, отзывавшуюся, даже среди провинціальной плѣсени, на всѣ общечеловѣческіе вопросы. Привожу три пьесы, свидѣтельствующія о разнообразіи и силѣ таланта этой высокодаровитой личности.

Среди борьбы и разрушенья,
Жрецы покинутыхъ боговъ,
Еще твердимъ мы откровенья,
Уже не вѣря силѣ словъ.
Тотъ свѣтъ, что истиной мы звали,
Враждебной тьмы прогнать не могъ.
Мы усомнились въ немъ и пали
Въ смятеньи, въ прахъ на нашъ порогъ.
И слыша клики ликованья
Надъ потрясенною землей,
Мы вопрошаемъ: иль мечтанья
Все то, что скошено грозой?..
Мы заблуждалися, мы люди...
Но благо ль то, что̀ свершено?
Тому ли мы взывали: буди!
Что̀ въ этомъ мірѣ быть должно?
Но вопль враговъ глухой, неясный
Ихъ торжествомъ не заглушенъ
И говоритъ: споръ не напрасный.
Мужайтесь!—онъ не разрѣшенъ...

Три слова! Что намъ въ нихъ? Довольно въ самомъ дѣлѣ
Себя обманывать и говорить о томъ,
Что невозможно здѣсь, чего ни въ колыбели,
Ни въ гробѣ не найдемъ.

Мы братья!.. Отчего жъ такъ разны наши нужды?
Зачѣмъ мы уступать не можемъ, не хотимъ?
Зачѣмъ страданія другихъ намъ скучны, чужды,
А счастье нужно намъ самимъ?

Мы равны!.. Отчего жъ не размышляетъ сила?
Зачѣмъ не признанъ трудъ и подкупъ верхъ беретъ?
Самосознанье гдѣ? Что гордость въ насъ убило?
Зачѣмъ насъ сильный смѣло гнетъ?

Свободны мы!.. Но гдѣ жъ прямое пониманье
Священныхъ нашихъ правъ, и гдѣ любовь къ правамъ?
Въ протестѣ мысли нѣтъ, отваги нѣтъ.....
И благо не по силамъ намъ.

Свобода, равенство и братство!.. Звуки, звуки!
И безъ значенія. Къ чему ихъ повторять?
Міръ утомленъ—на трудъ онъ не подниметъ руки—
Въ оковы ихъ легко поднять...

Такъ что жъ ему въ словахъ?.. Ты правъ, народъ безумный!
Ты первый произнесъ—и первый ихъ изгналъ.
Такъ проклинай же ихъ, осмѣивай ихъ шумно,
И торжествуй, что снова палъ.

Но помни: на тебѣ лежитъ отвѣтъ. Ты дѣло
Затѣялъ страшное: примѣромъ быть людей.
Ты истину открылъ, и самъ отрекся смѣло
Отъ истины своей.

Народъ! твои дѣла другихъ въ соблазъ вводили.
Всѣ за тобою шли и всѣ словамъ твоимъ
Отрадно вѣрили... О, лучше бъ ихъ забыли.
Чѣмъ посмѣялись имъ!..

Опять темно вдали, опять клубятся тучи,
Гроза... Господь войны, Богъ крѣпкій и могучій,
Богъ правый! молимъ мы не помощи отъ бѣдъ,
Не подкрѣпленія, не чуда, не побѣдъ—
Чьибъ ни были онѣ—въ нихъ смерть и разрушенье,—
Мы молимъ объ одномъ: спаси отъ униженья,
Избавь насъ отъ стыда, внуши хоть одному
Быть вѣрнымъ до конца призванью своему,
Не измѣнить, не пасть изъ страха иль расчета,
Иль какъ наемнику тяжелую работу
Оставить утомясь... Великій, сильный Богъ.
Опять восходятъ дни сомнѣній и тревогъ...
Пошли хоть одного! Пусть въ эти дни безъ славы
Погибнетъ онъ средь насъ измученный, но правый,—
Но жизнь и смерть его насъ съ правдой примиритъ,
Примѣромъ будетъ намъ и вѣру оживитъ,
Что Ты не до конца—хоть мы прискорбно пали—
Оставилъ этотъ міръ сомнѣній и печали...

Форма этихъ стиховъ не выдержана, не отдѣлана, многое въ нихъ неясно, не досказано, но въ нихъ есть и мысль и чувство,

и убѣжденіе, и конечно, всякій, кто понимаетъ истинную поэзію, предпочтетъ эти неотполированныя строфы — виршамъ современныхъ поэтовъ, у которыхъ:

«Стихи какъ полъ лощеный гладки,
«На мысли не споткнешься въ нихъ».

У меня болѣе 120-ти стихотвореній Надежды Дмитріевны, написанныхъ ею въ теченіе первыхъ 12-ти лѣтъ ея литературнаго поприща (1846—57 гг.). Изъ нихъ я помѣстилъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ меньше половины, но поручая мнѣ свои стихи, она всегда желала видѣть ихъ собранными въ книгу. Теперь такая книга, составленная изъ ея лучшихъ пьесъ, дополнила бы литературную характеристику симпатичной писательницы.

Съ прекращеніемъ «Литературной Газеты» въ апрѣлѣ 1849 года я вошелъ въ сношеніе съ журналомъ «Сынъ Отечества» для разсылки этого изданія моимъ подписчикамъ. Они выигрывали отъ этой замѣны, такъ какъ журналъ стоилъ 15 рублей съ пересылкой, давалъ 25 листовъ въ мѣсяцъ съ модными картинками и въ програмѣ его былъ отдѣлъ политики, недопускавшійся ни въ одномъ ежемѣсячномъ журналѣ. Но «Сынъ Отечества» редактировался плохо, выходилъ неакуратно. Издатель, типографщикъ Жернаковъ, объявилъ мнѣ въ октябрѣ, что не можетъ додать трехъ послѣднихъ книгъ, такъ какъ редакторъ, баронъ Розенъ, не занимается журналомъ и не даетъ въ него статей. Это происходило конечно оттого, что издатель не платилъ ни за статьи, ни за редакцію. Я взялся помочь въ этомъ случаѣ: составилъ три книги изъ статей, оставшихся отъ «Литературной Газеты», написалъ самъ нѣсколько критическихъ, политическихъ, юмористическихъ статей, наполнилъ отдѣлъ: внутреннихъ извѣстій, библіографіи, смѣси, фельетона, текущими новостями,—все это за самый мизерный гонораръ, а многое и совершенно даромъ, взялъ на себя редакцію съ будущаго года, составилъ заранѣе первую книжку и самую скромную смѣту расходамъ, по которой 1,200 подписчиковъ окупали все изданіе: наборъ и печать 12-ти книгъ въ количествѣ 1,200 экземпляровъ стоили 4,200 р., бумага 3,400, обертка и переплетъ 600 руб., цензорскія выкидки 300 р. и пр. Жернаковъ разсыпался въ благодарностяхъ, но кончилъ тѣмъ, что когда въ концѣ года не набралось и 400 подписчиковъ, не заплатилъ ни копейки за три уже составленныя мною книги и четвертую готовую къ выпуску и тайкомъ заключилъ съ Фурманомъ условіе, по которому тотъ обязался составлять ему книжки въ 25 листовъ по 300 рублей за каждую. Я, какъ не заключавшій никакого формальнаго условія съ Жернаковымъ, остался не причемъ.

Но все это относится уже къ 1850-му году, котораго я не касаюсь въ моихъ воспоминаніяхъ о сороковыхъ годахъ. Заканчивая послѣднею главою мои отрывочные, безсвязные очерки, я думаю

все-таки, что въ нихъ найдется кое-что новое и любопытное и для нынѣшняго поколѣнія, незабывающаго ни людей, ни событія сороковыхъ годовъ. Для меня и моихъ сверстниковъ года эти представляютъ неисчерпаемый источникъ дорогихъ воспоминаній, неразлучныхъ съ впечатлѣніями молодости, когда жизнь кипѣла ключомъ, въ настоящемъ было такъ много грандіозныхъ плановъ, въ будущемъ—столько свѣтлыхъ надеждъ. Всѣ темныя стороны пятаго десятилѣтія нашего вѣка, поражающія насъ теперь, когда мы вступили въ послѣднее десятилѣтіе, казались тогда временными, скоропроходящими. Даже въ волненіяхъ, охватившихъ Европу въ 1848—1849 годахъ, мы думали видѣть зародыши ея обновленія и какъ говорила Н. Д. Хвощинская въ своемъ стихотвореніи:

«Гроза прошла, все улеглось... А мы,
«Встрѣчая странное свѣтило,
«На небо всплывшее средь бури и средь тьмы,
«Мечтали—солнце восходило!»

Лично я къ концу 1849 года сдѣлалъ все, что можно сдѣлать въ 28 лѣтъ, послѣ десятилѣтней трудовой жизни, посвященной литературѣ: я поставилъ на сцену болѣе десяти пьесъ, напечаталъ столько же романовъ и повѣстей, двѣ поэмы, множество стихотвореній (первое изъ нихъ, посвященное Лицею напечатано еще въ 1840 году) критическихъ и серьезныхъ статей, писалъ во всѣхъ родахъ, редактировалъ три еженедѣльныя изданія, трудился для общества въ его благотворительныхъ учрежденіяхъ, отечеству отдалъ долгъ, служа въ двухъ вѣдомствахъ. Въ пятидесятыхъ годахъ, я имѣлъ уже нѣкоторое право на отдыхъ и если продолжалъ еще съ бо̀льшимъ рвеніемъ работать на поприщѣ журналиста и публициста, то обязанъ этимъ моей любви къ труду и моему здоровому организму. Но и теперь, послѣ полувѣковыхъ работъ, когда бодрая старость приближается по закону природы къ неизбѣжной дряхлости, я считаю себя не вправѣ бросить перо, пока есть мысль въ головѣ и сила въ рукѣ. Писатель, какъ бы ни была незначительна его роль въ средѣ своихъ собратій, долженъ умереть съ перомъ въ рукѣ, какъ умирали всѣ выдающіеся сподвижники литературы. Я никогда не принадлежалъ къ передовымъ дѣятелямъ въ области русскаго слова, не выдавался изъ вторыхъ рядовъ скромныхъ бойцовъ за дѣло просвѣщенія и прогреса, но если хоть одно изъ моихъ произведеній содѣйствовало развитію въ читателѣ здравой мысли, гуманнаго чувства, заставило его любить добро, отвернуться отъ неправды и низости—долгъ мой по отношенію къ моимъ согражданамъ, исполненъ—и я, отходя на вѣчный отдыхъ, спокойно уступлю болѣе даровитымъ собратамъ мое скромное мѣсто въ литературѣ, незапятнанное никакою предосудительною сдѣлкою съ своею совѣстью... Faciunt meliora potentes.

Вл. Зотовъ.